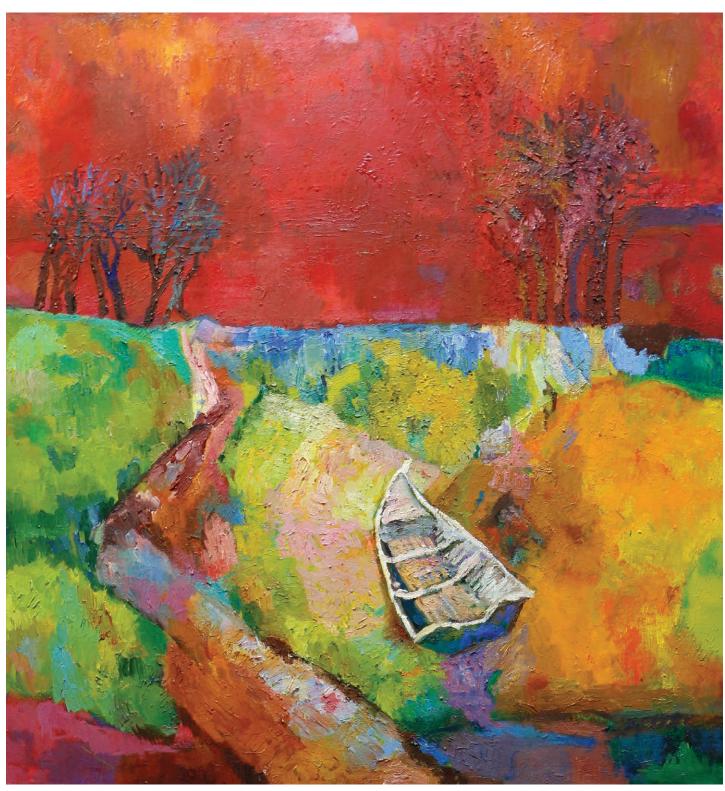
Словесница Искусств

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

Nº 2 (48) 2021

Перекрёстки культур

Илья Лиханов. Пейзаж с лодкой. 2010. Холст, масло

Словесница Искусств

№ 2 (48) 2021 Культурно-просветительский журнал Издается в Хабаровске с 1998 года Выходит 2 раза в год

Лауреат конкурса среди провинциальных изданий, пишущих о культуре, проводимого АНО «Единство культуры и журналистики» совместно с Фондом Форда (1999)

Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Золотой Гонг – 2001» Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Лица российской провинции» (2004)

Лауреат Хабаровского краевого фестиваля духовной культуры «Святой России край» (2007)

Серебряная медаль Дальневосточной выставки-ярмарки «Печатный двор – 2008»

Гран-при IX Всероссийского смотра информационной деятельности домов (центров) народного творчества (2012)

Издано при содействии
Регионального отделения
Общероссийской общественногосударственной организации
«Российский фонд культуры»
в Хабаровском крае

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор

Елена Викторовна ГЛЕБОВА

Художественный редактор, член Регионального отделения ООГО «Российский фонд культуры» в Хабаровском крае Галина Ивановна ПЕРШИНА

Выпускающий редактор Наталия Васильевна РОДИНА

Интернет-версия

Алексей Викторович МАРТЫНЕЦ

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ27-00252 от 7 декабря 2011 г.

Выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области Учредитель: Хабаровский краевой благотворительный общественный

фонд культуры (680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 17).

(ососоот) г. Аваровск, ул. тиуравьева-лиурского, ггу. Краевое государственное автономное учреждение культуры «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры» (КГАУК «КНОТОК»)

(680000, г. Хабаровск, ул. Фрунзе, 69а).

Издатель: Краевое государственное автономное учреждение культуры «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры» (КГАУК «КНОТОК»)

Адрес издателя и редакции: 680000, Хабаровск, Фрунзе, 69a Тел. (4212) 30-44-12. E-mail: slovoart@mail.ru

www.slovoart.ru, http://словесницаискусств.рф www.fkhv.ru

Отпечатано в АО «Хабаровская краевая типография» 680038, Хабаровск, ул. Серышева, 31 Тираж 750 экз. Выход в свет 15 декабря 2021 г. Цена свободная

12+

© Все права защищены. Перепечатка и воспроизведение полностью или частично текстов только с письменного разрешения. Редакция оставляет за собой право не рецензировать присланные тексты и не отвечать авторам. За точность фактов ответственность несут авторы

На первой странице обложки: Лариса Федоровская. Материк. Гобелен, шерсть, ручное ткачество. 140 x 188. 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА

2 Елена ГЛЕБОВА. Моменты диалога

- 4 Лариса САЛЕЕВА. *Навстречу солнцу*
- 11 Ольга АПОЛЛОНОВА. Сохранить себя
- 15 Раиса БАЙКОВА. *Без границ*
- 20 Валерий МАЛИНОВСКИЙ. Русский берег Белой Хаги
- 25 Лилия БАЛАБАНОВА. **Далекий близкий Нагасаки**
- 28 Ольга ЗОТОВА. **Неповторимый опыт предков**
- 34 Елена СОЛНЦЕВА. На большой планете
- 35 Надежда ХОДЖЕР, Нина ГЕЙКЕР.
 - У Белой горы в Бурятии, на острове Хоккайдо
- 38 Лина КОЛЬЮН. В доме моей бабушки
- 39 Вероника ДЕЧУЛИ, Герман ДЕЧУЛИ, Ксения МУРАТОВА.
 Рукотворная хакуа
- 43 Александра ДЕЧУЛИ. В одном котле

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

ВЫСТАВКИ

- 48 Ольга КОНОВАЛОВА. Гармония целого
- 51 Анастасия МАГНУС. Изображая реальность

ГРАНИ ДУХОВНОСТИ

- 55 Валерия РУМЯНЦЕВА. *Вслед за незримым лучом* ПАМЯТЬ
- 60 Владимир Бабуров. Быть художником
- 65 Артем ИВАНОВ. Диалог о Петровиче
- 67 Елена ГЛЕБОВА. Энергия лидера
- 69 Виктория ШИШКИНА. Личное ощущение гармонии

МАСТЕРСКАЯ

- 76 Ольга ЗОТОВА. Линии жизни
- 79 Ольга АПОЛЛОНОВА. *Крылья хехцирской бабочки* музыка
- 83 Владимир БУДНИКОВ. Пианизм как игра в бисер
- 87 Марина ДУБИНИНА. Внимая флейте
- МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ
- 89 Екатерина ОРЛОВА. *Айнский халат из рыбьей кожи* **ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА**
- 94 Лидия ФЕТИСОВА. Попавшие на остров

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

ДАТА

- 102 Денис ЛЯХОВ. Хлеб-соль для цесаревича
- 105 Виктор КВАШИН. Столетие забытой победы

ТАК БЫЛО

- 108 Нина ДУБИНИНА. Прерванные сказки, недопетые песни
- 111 Татьяна КИРПИЧЕНКО. *Лухмановы*. Семейные хроники
- РОСЧЕРКИ СУДЬБЫ
- 116 Мария БУРИЛОВА. **Ключевая фигура**

ЛЕТОПИСЬ

121 Марина БАЛАШОВА. От истоков

ИССЛЕДОВАНИЕ

- 124 Иван ШЕВНИН. Последняя литургия
- дальневосточники
- 130 Лариса САЛЕЕВА, Юлия ПОТЕХИНА, Ольга ИВАНОВА.

Друзья уходят

имена и судьбь

- 133 Лидия ВАРАКСИНА. Неумолкающая память человечества
- 137 Елена НИКИШИНА. Прекрасен их союз

НЕЗАВЕРШЕННОЕ

- 141 Татьяна КИРПИЧЕНКО. **Возвращение затерянных строк РЕЦЕНЗИЯ**
- 147 Елена ГЛЕБОВА. Опережая время

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

149 Сергей РОМАНОВ. *История в ближайшем рассмотрении*

ЛИТЕРАТУРА

вспомним имя

152 Елена ГЛЕБОВА. **Странник**

ШТРИХИ

155 Валерий ЧЕРКЕСОВ. Валентин Распутин:

«С правильной дороги нас никто не собьет»

- 158 Елена КРАДОЖЁН-МАЗУРОВА. **Счастье есть**
- 160 Елена ДОБРОВЕНСКАЯ. «*Подчиняясь старенькому кларнету*» КНИГИ
- 162 Елена ГЛЕБОВА. *Вслед за чайкой.* Трилогия Виктора Квашина **СТРОКИ**
- 164 Виктор КВАШИН. Сказка о соли
- **167 АВТОРЫ**

Моменты диалога

Нанайское село Ачан и Париж разделяют многие тысячи километров, но несколько лет назад они оказались связаны благодаря «Эстетике Амура» – уникальной выставке в Музее на набережной Бранли. Через произведения декоративного искусства, собранные западными учеными на территории Приамурья в конце XIX – начале XX века, парижане впервые открывали для себя особый мир коренных народов Амура, где и в наши дни реальное тесно переплетено с сакральным. В столице Франции возник диалог особой эстетики дальневосточной реки и красоты Парижа – так куратор выставки Дария Севоли сформулировала главный посыл своего проекта.

Началом этого разговора на языке искусства послужила экспедиция французской студентки Анны Даллес в Ачан. Она наблюдала за жизнью рыбаков и их тесной связью с природой, знакомилась с мастерами и сказителями. Через погружение в повседневность нанайского села и беседы с местными жителями Анна постигала искусство обработки рыбьей кожи, училась понимать тайнопись старинных амурских орнаментов. Вернувшись в Париж, исследовательница включила эти материалы в статью для каталога выставки «Эстетика Амура», написав о преемственности этнических традиций в среде коренных народов Хабаровского края и выделив особые черты современной культуры нанайцев.

А вот пример диалога между Ачаном и городом Хакодате на о. Хоккайдо. Два года назад юные артисты народного ансамбля «Сиун» и детского образцового фольклорного ансамбля «Тасима» участвовали в Международном фестивале «Дети мира» и помимо концертных программ проводили для японских ребят мастер-классы, учили их подражать голосам лесных птиц, играть на традиционных нанайских музыкальных инструментах, извлекать почти космические звуки из амурского бубна. Это общение, наполненное радостью и практически не требовавшее языкового перевода, запомнится надолго и россиянам, и жителям Страны восходящего солнца. Так же как и встречи жителей Сеула с хабаровскими фольклорными ансамблями «Рождество», «Елань», «Горенка», которые уже долгие годы открывают корейцам красоту русских напевов и танцев.

В следующем году завершается Международное десятилетие сближения культур, объявленное ЮНЕСКО и направленное на создание новых связей между культурным разнообразием и общечеловеческими ценностями. Но творческий диалог на этом не прекратится. Перспективы дальнейшего взаимодействия и сотворчества между народами мира уже сегодня рассматриваются на крупных международных форумах. Один из них – «Дети Арктики», организованный Федеральным агентством по делам национальностей и Минвостокразвития – в октябре проходил в Нарьян-Маре, объединив ученых, педагогов, политиков и наметив конкретную программу дальнейших действий.

Елена ГЛЕБОВА

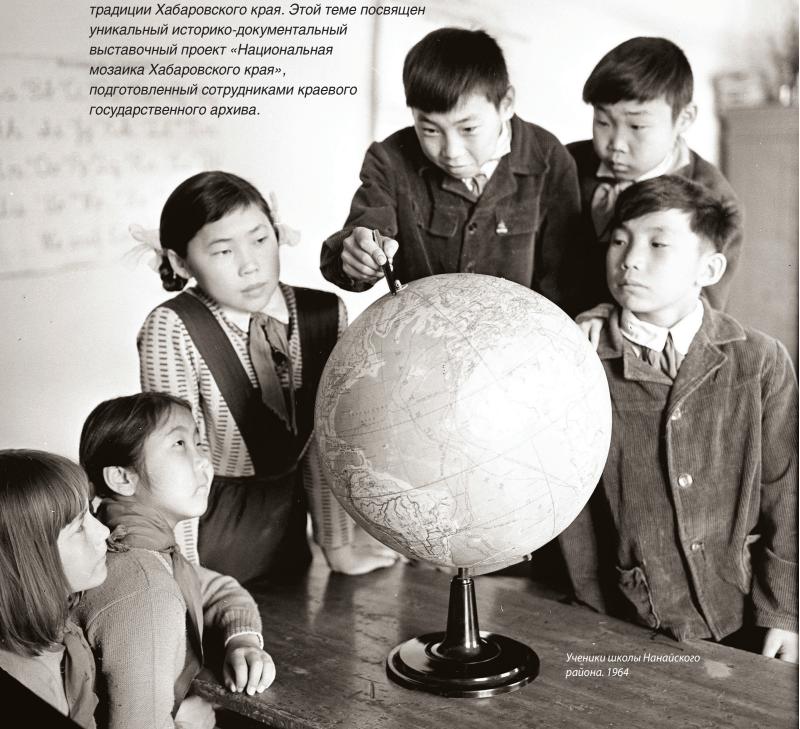
ГЛАВНАЯ ТЕМА

Навстречу солнцу

Историко-документальный выставочный проект «Национальная мозаика Хабаровского края»

Лариса САЛЕЕВА

Самобытная культура народов Амура давно уже стала своеобразным штрихкодом. По нему о нашем регионе узнают в самых далеких странах. Благодаря носителям вокальной и танцевальной культуры, представляющим свое искусство на международных фестивалях, и произведениям мастеров, которые украшают коллекции крупнейших музеев России, Японии, Германии, Канады, большой мир узнает об особой культурной традиции Хабаровского края. Этой теме посвящен

Делегаты I туземного съезда Дальневосточной области. В центре сидят слева направо: И.Ф. Федоров, заведующий туземным подотделом Дальревкома, Я.Б. Гамарник, председатель Дальневосточного революционного комитета. 1925

«Каждый народ, даже самый маленький, – неповторимый узор на ковре человечества». Эти слова принадлежат известному писателю Чингизу Айтматову. Благодаря сохранившимся архивным документам и фотографиям, размещенным на выставочных стендах в Хабаровске в сквере Семьи, Любви и Верности стадиона имени Ленина, можно узнать интересные документальные факты из жизни коренных этносов нашего края.

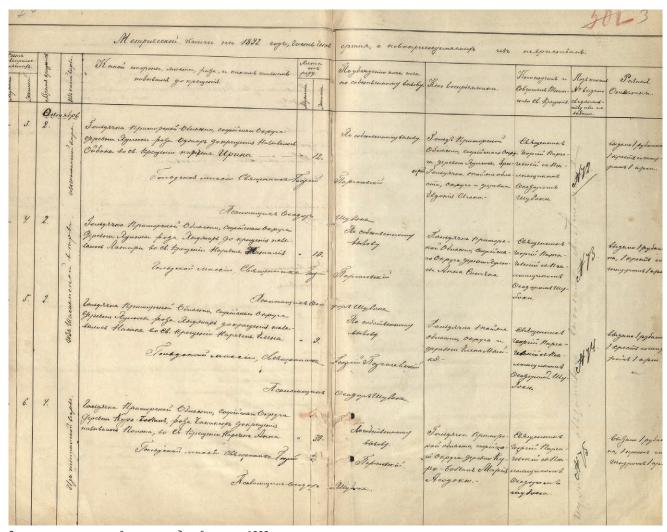
В XIX – начале XX века уровень развития коренного населения был очень низким, а основным источником существования являлись охота и рыболовство. Большинство народов вели оседлый и полуоседлый образ жизни. Оседлые – нанайцы, нивхи, ульчи, негидальцы - жили в землянках, полуземлянках или в деревянных лачугах. Удэгейцы и орочи кочевали. Когда началось освоение Дальнего Востока русскими, положение коренных жителей изменилось: развивались товарноденежные отношения, охотники и рыбаки поставляли на рынок пушнину, оленину, рыбу. Появились и новые отрасли хозяйственной деятельности – огородничество, земледелие, скотоводство. Важной вехой в истории развития коренных народов Амура стала первая всеобщая перепись населения 1897 года, позволившая установить их точную численность и места проживания.

В конце XIX века важную роль в жизни народов Севера и Приамурья играла церковь: на смену языческим верованиям приходило православие. Миссионеры прививали туземцам русскую культуру, делали первые шаги в их образовании. Среди документов, представленных в экспозиции «Национальная мозаика Хабаровского края», метрические записи. Самые ранние относятся к 1831 году и свидетельствуют о принятии коренным населением христианства.

На Дальнем Востоке государственное устройство и решение вопросов об улучшении быта коренных народов Севера началось только после окончания Гражданской войны, интервенции и установления власти Советов на местах. Согласно переписи населения 1926 года, общая численность коренных народов на российском

Дальнем Востоке была 39 088 человек, что составляло 18,08 % от общей численности населения региона. Важнейшей особенностью государственной политики советской власти по отношению к коренным народам являлось не только сохранение их численности, но и качественное изменение культуры, быта, образа жизни. С этой целью был образован ряд специальных структур: в 1923 году создан Дальневосточный комитет содействия

Записи из метрической книги гольдской миссии. 1892

народностям северных окраин, в 1924 году при Президиуме ВЦИК РСФСР образован Комитет содействия народностям Севера.

Документы 1920–30-х годов свидетельствуют, что собственно этот период и является временем коренного изменения их социальной и культурной жизни. К наиболее значимым относятся материалы Первого туземного съезда Дальневосточной области. Он проходил в Хабаровске в здании Дворца труда с 15 по 19 июня 1925 года. Именно здесь впервые сумели собраться вместе разрозненные туземные племена, проживавшие в 1920-х годах на обширной территории Дальнего Востока. На выставке есть фотография делегатов съезда под председательством Яна Борисовича Гамарника. Представители народов Амура, избранные соплеменниками на туземных районных съездах, приняли самое активное участие в работе съезда. «Товарищи! Сегодня впервые на Дальнем Востоке, впервые в истории советского строительства под защитой законов Советской власти собрались распыленные по окраинам Дальнего Востока туземные племена для того, чтобы свое дело, свою жизнь строить по-новому и самим – применительно к укладу жизни в тайге, по тундрам и горам», – прозвучало в одном из докладов.

В социальной сфере большое внимание уделялось образованию. В эти годы повсеместно начали работать школы и интернаты. Ключевым событием стала разработка национальной письменности. Культурно-просветительную работу школ и интернатов дополняли красные юрты, красные уголки, культурные базы, избы-читальни. Заведующая красной юртой легендарная Александра Петровна Путинцева запечатлена на фотогра-

фии среди делегаток на праздновании 8 Марта в Нижних Халбах.

Неоценима роль и другой женщины, отстаивавшей права сородичей уже в конце XX - начала XXI века, - Евдокии Александровны Гаер, уроженки Нанайского района, выпускницы Хабаровского государственного педагогического института, кандидата исторических наук, научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (Владивосток), где она работала с 1969 по 1989 год. Гаер была народным депутатом СССР, депутатом Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, заместителем председателя комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов. Ей присвоено звание почетного гражданина Хабаровского края.

Нанайцы, с XVII века известные как гольды, самый многочислен-

ный народ. По данным переписи населения Хабаровского края, в 2010 году их численность составляла 11 009 человек. Нанайцы были прекрасными охотниками, но первостепенное значение в их жизни имело рыболовство, а осенний ход рыбы лососевых пород на нерест всегда становился основным событием. Сегодня значительная часть представителей этого народа говорит на русском языке, однако только в 1931 году был разработан нанайский алфавит, в 1963-м их письменность перевели на кириллицу.

В Государственном архиве Хабаровского края сохранилось издание православного миссионерского общества 1884 года - «Святое благовествование от Матфея» на гольдском языке в переводе священника Прокопия Протодиаконова. Среди особо ценных документов – записи из метрической книги гольдской миссии 1892 года, запечатлевшие факты добровольного присоединения гольдов к христианству и изменение имен (например, Ойбака – Ирина, Латари – Наталья, Насака – Елена). На выставке представлены фотографии из личных фондов составителя первого большого нанайско-русского словаря Сулунгу Николаевича Оненко, зачинателя нанайской литературы Акима Самара, сделавшего очень многое для ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Со временем в среде нанайцев сформировалась национальная интеллигенция, широкую известность далеко за пределами Дальнего Востока получили писатель Григорий Гибивич Ходжер, певец Кола Бельды. А слова нанайского поэта Андрея Пассара выражают мысли не только его народа:

…Но чье бы крыло ты ни стлал себе вместо постели, Какою бы теплою шкурою ты ни накрылся — Запомни одно: если нет в тебе к делу призванья, — То лучшие в мире приметы тебе не помогут.

Рыбачка колхоза имени М. Пассара. 1957

Учащиеся III курса отделения народов Севера при пединституте нивхи И. Лава и Г. Тактамунка. 1952

Нивхская уительница

К.С. Кириллов – охотник-следопыт колхоза «Северная заря».1960

Ноты Н.Н. Менцера

Древний народ нивхов живет в низовьях Амура и на севере острова Сахалин. Первые сведения о его представителях, названных русскими землепроходцами гиляками, появились в XVII веке. Сегодня земля нивхов - Николаевский и Ульчский районы. Всего же, по данным переписи 2010 года, в Хабаровском крае проживает 2 149 нивхов. В экспозиции представлены исторические документы: метрическая книга 1881 года с записями о родившихся гиляках, фотография гиляцкого семейства. Жизни нивхов посвятил свои произведения основатель нивхской литературы Владимир Санги. Среди тех, кто изучал историю этого народа, составитель первых русско-нивхского и нивхско-русского словарей Чунер Михайлович Таксами. Он родился в селении Кальма Тахтинского района (ныне Ульчский), затем жил в Санкт-Петербурге. В архиве хранится личное дело исследователя. Кроме того, на выставке представлены фотографии Центра культуры коренных малочисленных народов Севера и Нижнего Амура в Николаевске-на-Амуре, деятельность которого направлена на сохранение нивхской культуры.

Одна из страниц «Национальной мозаики Хабаровского края» посвящена дальневосточному композитору Николаю Николаевичу Менцеру. Среди документов его личного фонда есть уникальные нотные рукописи «Нивхских сюжетов» и «Негидальского массового танца». Немец по национальности, он создал множество произведений в самых разных жанрах на основе северного фольклора. Наиболее известны «Эвенкийская рапсодия» (1958), сюита в четырех частях «Нивхские сюжеты» (1959), «Ульчская сюита» в трех частях (1966), неоконченная оперетта «Девушка из Найхина», балет «Анга» (в соавторстве с С. Томбаком и Ф. Садовым) по известной нанайской сказке. Менцер написал много песен, среди которые популярные «Нанайская рыбацкая», «Каюрок», «Удэгейские девушки», «Лодочка», «Край любимый» и другие.

Негидальцы (амгунские люди), проживающие по рекам Амгунь и Тугур, известны также с XVII века. В настоящее время они живут в Николаевском, Ульчском и имени Полины Осипенко районах. По данным переписи 2010 года, их всего 480 человек. Негидальцы - исконные рыбаки и охотники, причем важную роль в их жизни играла охота на лесных птиц. Среди редких документов, сохранившихся в Государственном архиве Хабаровского края, есть метрические записи о вновь просвещенных иноверцах китайского ведомства негидальского рода Удского округа за 1859 год, фотографии конца XIX века, протокол Кербинского собрания представителей тунгусов и негидальцев от 1 июня 1925 года, на котором рассматривались вопросы помощи туземцам и работа среди женщин.

На склонах хребта Сихотэ-Алинь и вдоль притоков рек Уссури и Амура обитает еще один малочисленный народ – удэгейцы (согласно переписи 2010 года их 620 человек). Само название «лесные люди» указывает на основу хозяйственного уклада: охота, рыболовство, сбор женьшеня, трав, ягод. У каждого народа Приамурья есть свой национальный герой. Первым удэгейским писателем и автором книги о своем народе стал Джанси Кимонко.

Я сын удэгейского народа, Я счастливый советский парень, Я родился в тайге, Среди сопок и рек Удэгейский лесной человек.

В судьбе будущего автора повести «Там, где бежит Сукпай» большую роль сыграла писательница и переводчица Юлия Алексеевна Шестакова. Благодаря творческому союзу этих двух людей мир узнал о тяжелой жизни удэгейцев, нещадно притесняемых царскими властями, скупщиками пушнины и обреченных на медленное вымирание. Кимонко и Шестакова создали произведение, ставшее известным в нашей стране и за рубежом. История семьи Кимонко написана в амбарной книге, на бланках протоколов заседаний сельского исполкома, которые сегодня являются документальной реликвией и хранятся в личном фонде Ю.А. Шестаковой.

С давних времен и по настоящее время на берегах Амура живет народ, который называет себя нани, что значит «местный, здешний». С 1926 года за ним закрепилось официальное название – ульчи. Большинство проживает в Ульчском районе с центром в селе Богородском. Всего же в Хабаровском крае 2 621 представителей этого народа. В годы советской власти рыбаки и охотники ульчи трудились в рыболовецких совхозах, и сегодня в районе действуют арте-

Детский сад с. Булава Ульчского района. 1977

ли, которые занимаются добычей и переработкой рыбы. Своеобразным культурным центром ульчей считается село Булава.

Особой строкой в историю зарождения и расцвета литературы коренных народов Дальнего Востока вписано имя замечательного ульчского прозаика Алексея Леонтьевича Вальдю. Прототипы героев его произведений испокон веков жили на Нижнем Амуре. Села, стойбища, города, упомянутые в его повествованиях, и сегодня стоят на берегах великой дальневосточной реки, свидетельствуя о событиях, происходивших в прошлом. Талантливый представитель ульчского народа, ровесник и участник социальных преобразований на Амуре Алексей Леонтьевич рассказал миру об особенностях труда и быта, родовых и семейных взаимоотношениях, особом характере своих земляков. В Государственном архиве Хабаровского края хранится его личный архивный фонд.

Впервые с творчеством писателя А.Л. Вальдю читатели журнала «Дальний Восток» познакомились

Национальные эвенкийские костюмы

Наталья Наевна Бисянка, орочская поэтесса

в 1953 году, когда были опубликованы его сказки «У костра», позднее вышли книги «Жизнь и сказка» и «Месяц первых цветов». В автобиографических воспоминаниях «Откуда приходит рассвет» Алексей Леонтьевич с глубокой благодарностью писал о просветительской роли русских, пришедших на Амур, об их наставническом отношении к коренному населению. Отдавая дань уважения выдающемуся государственному деятелю и путешественнику Геннадию Ивановичу Невельскому,

Вальдю подчеркивал: «Г.И. Невельской строго придерживался правил бережного обращения с коренными народами и неукоснительно требовал их соблюдения от своих сподвижников. Видел в коренных жителях не бессловесных и покорных дикарей, а людей, у которых есть свое достоинство, культура, свой взгляд на жизнь. Видя, что русские к ним относятся с уважением и доверием, мои предки охотно помогали им: шли в проводники, давали все нужные сведения о протоках, озерах, заливах, горных массивах, делились едой. Своими справедливыми действиями Г.И. Невельской и его соратники быстро завоевали доверие и уважение аборигенов».

Традиционно селились родовыми общинами по рекам Коппи, Тумнин, Хуту орочи. Сегодня представители этого народа, чья численность всего 441 человек, живут преимущественно в Советско-Гаванском и Ванинском районах. Наиболее крупные поселения орочей - села Датта и Уська-Орочская. Богатством отличается орочское устное народное творчество орочей: мифы, сказки, героические сказания, предания, загадки. Большие любители пения, орочи аккомпанируют себе на таких музыкальных инструментах, как бубен, дудочка, смычковый инструмент дыдуманки. Орочский язык орочисэл до недавнего времени считался бесписьменным.

Лишь в начале 2000-х годов на основе кириллицы создана орочская письменность, а составителем первого орочского разговорника стала Наталья Наевна Бисянка, орочская поэтесса.

Эвенки – один из крупнейших по численности коренных народов (согласно переписи 4 654 человека) проживают в Аяно-Майском, Тугуро-Чумиканском, Верхнебуреинском, Охотском и имени Полины Осипенко районах. И в наши дни сохранились небольшие семейно-родовые хозяйства, которые кочуют в тайге с оленями, придерживаясь древнего обычая и сохраняя традиционный образ жизни. Славятся эвенки и своим декоративным искусством. Признанный народный мастер Любовь Федоровна Умрихина живет в селе Нелькан Аяно-Майского района. Она лауреат краевого конкурса «Ремесла земли Дерсу», дипломант всероссийских и международных выставок-ярмарок по художественным народным промыслам.

Эвены, называемые в прошлом тунгусами, населяют побережье Охотского моря. Их очень мало -441 человек, но эвены, один из немногих коренных народов Севера, кто сохраняет исконный образ жизни оленеводов-кочевников. В советские годы оленеводство активно развивалось, но сегодня поголовье оленей снизилось, и в основном это частные стада. Эвены бережно хранят традиции предков. Самый любимый праздник у них – Хэбденек, обозначающий символическую встречу Нового солнца и Нового года. По эвенкийскому народному календарю она наступает в летнее время. Старинный ритуал проходит под звуки варгана: на восходе солнца все участники протягивают к нему руки. Традиционно во время этого праздника проходят выставки народного искусства, о чем свидетельствуют фотографии, украшающие историко-документальный выставочный проект «Национальная мозаика Хабаровского края».

> Фото из фондов Госархива Хабаровского края

Встреча нанайцев с айнами в г. Саппоро (Япония). 2019

Сохранить себя

Коренные народы Амура и большой мир

Ольга АПОЛЛОНОВА

Сохранить национальные традиции и язык можно только сообща. И касается это не отдельного народа, а всех этнических сообществ, которые противопоставляют глобализованному миру уникальность своей культуры. Международные творческие контакты, многолетняя деятельность Ассамблеи народов Хабаровского края — все подчинено общей задаче.

– Мы все знаем друг друга, участвуем в праздниках национальных культур и всегда чувствуем дружескую поддержку, – рассказывает президент Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края Любовь Одзял.

– К примеру, в 2019 году нам на фестиваль «Ритмы Дальнего Востока» потребовался казан для приготовления ухи, и узбеки нам его любезно предоставили. Вот это я понимаю – дружба не на словах, а на деле.

Сувенир из рыбьей кожи от нанайской мастерицы Валентины Бельды. Выставка в поселке Биратори (Япония)

Любовь Одзял

По словам Любови Александровны, с коренными народами других стран, которые всегда проявляли большой интерес к жизни нанайцев, удэгейцев, негидальцев, нивхов, орочей, ульчей, эвенов, эвенков, то есть всех, кто входит в состав региональной Ассоциации КМНС, у россиян тоже давняя дружба.

– С иностранцами мы поддерживаем теплые отношения. Очень давние контакты у нас с народом хэчжэ – это китайские нанайцы. В 1991 году российские нанайцы прислали письмо хэчжэ в Нанайский район с просьбой возобновить этнические связи, так как очень много людей в 1930–1950 годах были увезены в Китай и там обосновались. Но на Амуре остались родственники, и они до сих пор скучают, переживают.

Хэчжэ пригласили сородичей к себе в гости, амурские нанайцы отправились в путь на свой страх и риск – и не прогадали. Так возобновилась связь поколений, живущих по соседству, но в разных странах.

Без перевода

– Что удивительно, при встрече, даже спустя десятилетия, китайским и русским нанайцам не потребовались переводчики. Они с первых слов друг друга поняли, потому что говорили на родном языке! Переводчики удивлялись, просили перейти на русский и китайский, но нанайцам это оказалось ни к чему, – вспоминает Любовь Одзял. – Сейчас, к сожалению, носителей родного языка становится все меньше и меньше, причем как у нас, так и у них.

Съезд Ассоциации КМНС и ДВ России в Салехарде. Апрель, 2021

Фестиваль «Лики наследия» в селе Сикачи-Алян всегда многонационален

Фестиваль «Лики наследия». Мастер-класс игры на якутском хомусе

Чтобы как-то противостоять этой ситуации, нанайцы российского Дальнего Востока и Китая стараются поддерживать культурные контакты. Коренные жители нескольких амурских сел уже побывали в гостях у хэчжэ с концертами и выставками, стремясь как можно шире представить свою культуру.

– За несколько лет у нас с некоторыми семьями из Китая установились и личные связи. Это помогает обмениваться опытом. К примеру, как сохранить родной язык. Хэчжэ пошли по нашему пути – стали активно создавать учебники и внедрять преподавание нанайского языка в школах. А ведь до 2015 года у них этого не было, – говорит Любовь Одзял.

Нанайцы Хабаровского края ведут традиционный образ жизни – охотятся, рыбачат, при этом не нанося ущерб природе, думая о дне завтрашнем. А вот у китайских сородичей уже отсутствует природоохранный взгляд, утрачено понимание, что во время рыбалки рыбью молодь, попавшую в сеть, нужно обязательно отпускать, чтобы реки не оскудели.

– Радует, что хэчжэ удалось сохранить традиционные ремесла, в том числе выделку рыбьей кожи и изготовление из нее одежды. Правда, наша известная мастерица Валентина Владимировна Бельды критически оценивает качество их работы. Говорит, кожа у китайских ма-

На празднике у айнов в поселке Биратори (Япония)

стеров твердая, из нее не сошьешь халат, в котором будет комфортно, – продолжает разговор Любовь Александровна. – На этой почве у нас даже появилось некое соперничество с хэчжэ. И хорошо, потому что здоровая конкуренция помогает нам вкладывать больше сил для сохранения своей культуры, природы.

Кроме хэчжэ в китайском городе Хэйхэ, что напротив Благовещенска Амурской области, живут орочоны. С ними тоже удалось наладить контакты, они приезжали в Нанайский район на олимпиаду национальных языков, которую устраивает Амурский государственный университет. Оказалось, что с амурскими нанайцами у орочонов из Китая похожий счет. Нанайцы сожалеют, что этот народ живет очень далеко, потому и отношения поддерживать с ними сложнее. Хэчжэ намного ближе – рядом с Еврейской автономией.

Генетическая связь

Особый разговор о дружбе амурских нанайцев с айнами.

– Мы почему-то всегда думали, что айны – это народ, который растоптали, уничтожили, что их не хотят признавать, – размышляет президент краевой Ассоциации коренных малочисленных народов Севера. – Но однажды, оказавшись

на праздник айнов на Хоккайдо, с удивлением обнаружили, что их больше 20 тысяч. Мы для них тоже оказались экзотикой. Но только до той поры, пока не развернули свою выставку изделий из рыбьей кожи, оберегов. И сразу ушло недоверие с их стороны, а древнее амурское ремесло позволило понять друг друга. Мы увидели, что сейчас отношение к айнам со стороны японцев очень уважительное. К ним на праздники приходят мэр и большие чиновники. Созданы огромные деревни айнов, красивые культурные комплек-

сы, развивается этнотуризм. Почему у нас этого нет?

Между тем и наши нанайцы понравились айнам, ведь, по словам Любови Одзял, у них много общего. Когда-то айны Хоккайдо тесно общались с российскими нанайцами, но с развалом СССР это стало невозможно. связи были утеряны. Известно также, что айны прежде селились среди ульчей, нивхов, что подтверждают элементы айнских узоров в произведениях местных мастеров, отдельные ритуалы в культуре амурских народов. Наверное, поэ-

Выступление якутских артистов на фестивале «Лики наследия» в с. Сикачи-Алян

Нанайские узоры на бересте

тому и возникает ощущение генетической связи.

– Хабаровский край вообще считается передовым в плане налаживания международный связей, положительного опыта взаимодействия с другими народами и органами власти, а также в отстаивании своих интересов. Мы всегда идем в бой и добиваемся своего, – подчеркивает Любовь Одзял. – Наши национальные мастера, танцеваль-

ные и вокальные коллективы участвуют в крупных фестивалях, форумах. Ведь важно, чтобы между коренными народами разных стран возникал творческий диалог. Нельзя, чтобы люди были заперты в своих поселениях. Создавая произведения декоративно-прикладного искусства, разучивая национальные песни и танцы, надевая традиционные костюмы, они должны их комуто показывать, делиться эмоция-

Произведения декоративно-прикладного искусства айнов

ми. Ведь только так можно осознать ценность своей культуры, сберечь традиции. И наша первая задача – сохранить себя. Это важнее экономических и политических вопросов.

Фото автора и из архива АКМНС

Хореографический ансамбль «Горенка» в Южной Корее. 2015

Без границ

Ассоциация национальных культур Хабаровского края объединяет народы, республики, страны

Раиса БАЙКОВА

Незабываемые встречи в провинции Кёнсан

Диалог Ассоциации и Общества международного обмена в области культуры Республики Кореи (Сеул) за долгие годы превратился в настоящую дружбу. За это время многие творческие коллективы Хабаровска, а среди них «Рождество», «Елань», «Горенка», побывали на различных международных фестивалях и полюбились корейским зрителям. Приведу цитату из газетной статьи 2019 года, написанной начальником отдела культурных мероприятий уезда Хамъян господином И Но Те под впечатлением от встречи с молодежным хореографическим ансамблем «Горенка».

«Известно, что в России проживают представители более 100 этносов. Нам, жителям уезда Хамъян южной провинции Кёнсан, посчастливилось увидеть захватывающие народные танцы, представленные молодежным ансамблем «Горенка» из Хаба-

Выступление «Горенки» в Сеуле (Республика Корея)

Татарский Сабантуй – праздник дружбы

ровска. Уезд Хамъян - относительно небольшой населенный пункт (40 000 человек), здесь часто проходят концерты отечественных и зарубежных исполнителей, но концерт «Горенки» оставил особое впечатление. Я восхищался выступлениями всего актерского состава, состоящего из учеников старших классов и студентов в возрасте от 13 до 24 лет. Я был очень взволнован на протяжении всего концерта, поражен виртуозностью и синхронностью танцоров. Да и все зрители непрерывно выражали свое восхищение громкими овациями и криками «бис!». На том концерте собралось более 400 человек, и когда закончилась программа выступления, никто не хотел уходить. Для нашего уезда это культурное мероприятие стало особендля Кореи танцевальным творчеством русской молодежи. Между танцевальными номерами звучали прекрасные песни «Миллион, миллион алых роз», «Журавли», «Ариран» в исполнении Валерии Бескровной и Ирины Ким, и они тоже неоднократно вызывали овацию. И сейчас, после расставания с российскими артистами, мы мечтаем о новой встрече».

Приятно читать эти строки, ведь концерты «Горенки» в Корее ежегодно собирают до 10 тысяч зрителей.

Сближая народы и культуры

У национальных объединений, входящих в состав Ассоциации, есть приоритетное право взаимодействовать со всеми входящими в ее структуру организациями и творческими коллективами, получать методическую помощь, поддержку и со-

ным, многие высказали пожелания встретиться еще раз с уникальным скими коллективами, получать методическую помощь, поддержку и со-

Традиционный кумыс на якутском празднике Ысыах. 2016

действие по всем направлениям деятельности в области культуры. Высокий уровень межнациональных мероприятий зависит также от тесной взаимосвязи большинства некоммерческих организаций с представителями правительственных и культурных структур своей исторической родины.

Вот лишь несколько примеров такого сотрудничества. В 2019 году в хабаровской синагоге при содействии культурных организаций Израиля была организована уникальная фотовыставка «50 портретов жен-

Вадим Алексеевич Кацман, директор Еврейского культурного благотворительного фонда «Гешер»

щин, достигнувших мирового признания в области культуры, искусства, науки, политики». В рамках Дней еврейской культуры ее смогли увидеть тысячи хабаровчан. В 2020 году, когда отмечалось 75-летие Победы в Великой Отечественной войне, мемориал «Яд Вашем» (Израиль) представил выставку «Аушвиц – место на Земле», а также провел презентацию фотоальбома «Аушвиц». Эти события состоялись во многом благодаря поддержке директора Еврейского культурного благотворительного фонда «Гешер», члена попечительского совета местной религиозной организации ортодоксального иудаизма «Мизрах» Вадима Алексеевича Кацмана.

Хабаровская городская национально-культурная автономия татар «Хабар», которой руководит Сарвердин Исмаилович Туктаров, имеет прочные и длительные связи с

Республикой Татарстан. С 2004 года организация активно участвует в деятельности Всемирного конгресса татар, ее делегаты работают на выездных фестивалях и съездах. Правительство Республики Татарстан и республиканское министерство культуры ежегодно включают в планы своей работы все совместные мероприятия. На традиционный национальный праздник Сабантуй, собирающий тысячи зрителей в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре, из Татарстана ежегодно приезжают известные артисты, представители Всемирного и Дальневосточного конгрессов татар.

Значимые культурные события проходят при содействии правительства и министерства духовного развития и культуры Республики Саха (Якутия). Большую поддержку в этом оказывает постоянное представительство Республики Саха (Якутия) в Дальневосточном федеральном округе под руководством заместителя председателя республиканского правительства, постоянного представителя представительства Якутии в ДФО Георгия Дмитриевича Никонова. Он оказывает всестороннее содействие министерству культуры Хабаровского края в организации гастролей профессиональных и самодеятельных творческих коллективов Якутии. Запоминающимися стали Дни культуры Республики Саха (Якутия) в Хабаровском крае и Дни Хабаровского края в Якутии. Все это сближает народы, позволяет постичь глубины национальной культуры и, несомненно, влияет на гармонизацию межэтнических отношений. Уже 20 лет в Хабаровском крае проходит якутский праздник Ысыах. Гостями многих фестивалей, организуемых Краевым научно-образовательным творческим объединением культуры и министерством культуры Хабаровского края, становятся творческие коллективы Республики Саха (Якутия), радуя зрителей самобытными программами.

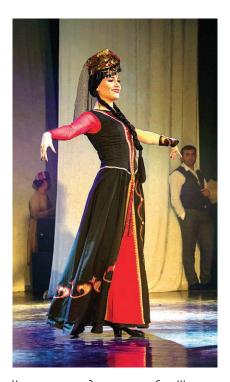
Не менее плодотворно развивает международные культурные связи с исторической родиной Союз армян России в Хабаровском крае. В 2014 году хорошо известный на Дальнем Востоке молодежный ансамбль танца и песни «Ширак» пригласили в Армению на фестиваль

Чрезвычайный и полномочный посол Республики Армении в РФ В.С. Тоганян на открытии Дней армянской культуры в Хабаровском крае

«Моя Армения». Ежегодно коллективы и солисты из этой республики участвуют в концертных программах и Днях армянской культуры в Хабаровском крае, а в 2019 году на церемонии открытия этого творческого форума побывал чрезвычайный и полномочный посол Республики Армении в Российской Федерации Вардан Суренович Тоганян.

Важной вехой можно назвать заключенное в июле 2021 года соглашение о побратимских связях Хабаровска со вторым по величине го-

Участница молодежного ансамбля «Ширак» регионального отделения Союза армян России в Хабаровском крае

родом Армении – Гюмри, благодаря чему культурное и туристическое взаимодействие двух стран выйдет на новый уровень. В осуществлении этого важного проекта и других мероприятий большая заслуга заместителя председателя Хабаровского регионального отделения Союза армян России Аветика Айказовича Галстяна.

Молодежь открывает мир

В феврале 2017 года по иници-Ассоциации национальных культур, молодежи г. Хабаровска и Хабаровского края появился клуб межнационального общения творческой молодежи «МиР», что означает «Мы и Россия». По единодушному признанию его участников, принадлежащих к разным национальностям, такое название отражает их желание жить в мире и стремиться его познавать. Этому соответствует и слоган клуба «Мы – разные, но мы – вместе!», подчеркивающий единство российской нации. В декабре 2018 года проект «Клуб межнационального общения творческой молодежи «МиР» был удостоен диплома Министерства культуры Российской Федерации, Государственного Российского Дома народного творчества имени В.Д. Поленова за профессиональные творческие достижения на всероссийском конкурсе актуальных национально-культурных проектов «Россия – этнический комфорт».

Заметным событием в культурной жизни Хабаровска и края стал

«Кинозавтрак», посвященный корейской культуре

необычный проект «Кинозавтрак», который в течение нескольких лет собирал представителей всех поколений и разных национальностей в кинотеатре «Совкино» и в первую очередь приглашал многодетные семьи, детей и подростков, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

В ноябре 2017 года состоялась первая презентация нового проекта «Путешествие в Армению в формате 3D». Его цель заключалась в том, чтобы посредством коворкинга способствовать популяризации национальных культур и традиций, укреплению дружеских связей и взаимопониманию представителей творческой молодежи разных на-

циональностей. На втором этаже кинопросмотром.

После «Кинозавтрака», погружающего в мир Армении, на его организаторов обрушился шквал заявок. И следующим стал кулинарный баттл

кинотеатра «Совкино» была создана инсталляция армянской улицы и небольшого кафе, где подавали чай с травами, произрастающими в Армении. Каждый, кто заглянул сюда, смог позавтракать и попробовать сладости – известную с древних времен армянскую гату и издавна популярные там эклеры и рахат-лукум. Холл перед кинозалом украсили фотографиями и предметами армянского народного искусства, а завершилась встреча тематическим

Заседание совета клуба «МиР»

«Пряники русские!». Маленькие зрители получили возможность провести свой собственный баттл – они участвовали в конкурсе и расписывали пряники русскими орнаментами.

Вскоре инициативу проявили партнеры клуба – Еврейский культурный благотворительный фонд «Гешер» и его волонтерский центр. При поддержке Ассоциации национальных культур Хабаровского края они осуществили совместно с клубом «МиР» очередной замысел – «Кинозавтрак: сказки народов Хабаровского края» и получили поддержку от Фонда президентских грантов. Благодаря этому проекту каждый желающий смог познакомиться с культурой одного из народов, проживающих в Хабаровском крае. Зрителям не только предлагали посмотреть тематические кинокартины и мультфильмы-сказки, но и поучаствовать в мастер-классах, выучить национальный танец или песню, узнать об особенностях национального языка, поучаствовать в викторине. И, конечно же, попробовать блюда национальной кухни.

В 2018 году, уже в рамках президентского гранта, провели два «Кинозавтрака» – «Сказочная Россия» и «Ханука – светлый праздник». В феврале 2019-го состоялся «кинозавтрак» «Волшебное древо», знакомящий с культурой коренных народов Амура, а в апреле – «И мать, и сестра, и жена» – к Дню материнства и красоты, который ежегодно отмечают армяне. В июне гости собрались на «кинозавтраке» «Сабантуй – праздник дружбы», в сентябре встречу посвятили корейской культуре, назвав ее «Ариран – дорога жизни». Завершился проект «кинозавтраком» «Край вечной мерзлоты и открытых сердец», приглашающим к разговору о культуре Якутии. Гости пробовали пирожки сандалы и «тыгынские» лепешки, приготовленные по рецептам мэтра якутской кухни, мастера-повара Иннокентия Тарбахова. В зале «Гранд Иллюзион» состоялся показ фильма режиссера Любови Борисовой «Надо мною солнце не садится», победившего в номинации «Приз зрительских симпатий» на 41-м Московском международном кинофестивале.

Сохраняя историческую память

Несмотря на ограничения проведения культурно-массовых мероприятий из-за пандемии, в честь юбилея Ассоциации национальных культур Хабаровского края в выставочном зале Дома народного творчества с 1 по 11 июня 2020 года проходила фотовыставка «Мы – россияне». Она также была представлена в онлайн-формате и размещена в соцсетях, чтобы как можно больше зрителей смогли узнать о деятельности национальных объединений в области культуры. Позднее эти фотографии разместили на портале правительства Хабаровского края.

Одним из приоритетных направлений в работе Ассоциации и клуба «МиР» стали ежегодные акции, посвященные годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Они включали благотворительную помощь и концертные программы, выставки декоративно-прикладного искусства и творческие мастер-классы для домов ветеранов и подшефных пансионатов для престарелых и инвалидов Хабаровска и Хабаровского района.

К 75-летию Победы организовали трехэтапную Межнациональную эстафету славы героев Великой Отечественной войны, вдохновившую молодое поколение на обращение к истории подвигов своих предков, позволившую понять истинные ценности современного мира. Эстафету открыл День памяти жертв фашизма, который прошел в формате онлайн-экскурсии, рассказывающей о жертвах фашизма. Его организовали в содружестве с Хабаровской еврейской общиной «Мизрах» и молодежным благотворительным фондом «Гилель». Этот же проект участвовал во всероссийской патриотической литературно-музыкальной интернет-акции «Мы любим Россию», и по ее итогам инициаторы награждены благодарственными письмами Центра культуры народов России (Москва).

Продолжением Межнациональной эстафеты славы в апреле и мае 2020 года стала акция «Наследники Победы» в онлайн-формате – в «Инстаграме» клуба «МиР» (@mir_clubb). Стихи, рассказы и песни о солдатах Великой Отечественной исполняли молодые люди всего Дальне-

Участники «Кинозавтрака» «Сказки народов края»

восточного региона. В сентябре на заключительном этапе состоялся III Межрегиональный слет творческой молодежи «Наследники победы». В Центре патриотического воспитания г. Хабаровска провели День памяти национальных героев и межрегиональную конференцию «Подвиг народа в судьбах героев», которая кроме информационной включала и творческую часть – рассказы о воинах-дальневосточниках, мастерклассы, фотовыставку о национальных героях Великой Отечественной.

Инициатором конференции выступил клуб «МиР» при организационной и технической поддержке КНОТОК, Центра патриотического воспитания г. Хабаровска, Государ-

ственного Российского Дома народного творчества имени В.Д. Поленова. В ней участвовали курсанты центра военно-патриотического воспитания «Взлет», члены Молодежной ассамблеи народов Хабаровского края и национальных молодежных культурных центров, а также представители молодого поколения Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре, Ванинского и Хабаровского муниципальных районов, Республики Саха (Якутия) и Сахалинской области, этноклубы Москвы. Во время акции «Наследники победы» отчетливо проявилось единство молодых людей в стремлении сохранять историческую память, традиции и культуру своих предков.

Мастер-класс на «Кинозавтраке» «Сабантуй – праздник дружбы»

Русский берег Белой Хаги

Японская поэтесса Ёсано Акико в памяти владивостокцев

Валерий МАЛИНОВСКИЙ

Прославленной японской поэтессе Ёсано Акико во Владивостоке установлен памятный камень – один из пяти вне ее родины. В тихоокеанской столице России писательница останавливалась по пути в Париж. В конце весны 2022 года этому событию исполнится 110 лет.

Светлое Солнце Сакаи

В березовый сквер на Океанском проспекте, 39, бывая во Владивостоке, прихожу всегда. К черному гранитному камню с барельефом Ёсано Акико и ее пронзительным стихотворением, устремленным в неведомую даль, приношу летом пурпурную веточку леспедецы, зимой – белую хризантему. Рядом, через дорогу, Покровский кафедральный собор, освященный в 2007-м. С 1900 по 1935 год на его месте стояла Покровская церковь, снесенная и на долгие годы забытая. В сотне метров от нее, на холмистом склоне, укрепленном брусчаткой, с начала XX века вел буддийские службы японский храм Урадзио Хонгандзи, преемник открытой в 1886 году молельни, постигнутый в 1937-м той же трагической участью. И что-то подсказывает: отправляясь в рискованный путь по Транссибу, Ёсано Акико могла посетить этот божественный пятачок, хранящий теперь светлую память о ней...

«О, богиня Медуза, молю…» – строка из более чем сорока тысяч танка Ёсано Акико. Поэтессе, получившей прекрасное образование в японском духе, не чужды образы и из античной мифологии. Акико умоляет превратить себя – до возвращения любимого – в камень, что

Памятный камень Ёсано Акико во Владивостоке

Ёсано Акико за работой над первым сборником

Медуза умела делать одним только взглядом, – так невыносимы муки долгого ожидания.

Революция Мэйдзи 1868 года низвергла самоизоляцию Ямато. Открывшаяся миру нация спешит к сокровищницам загадочных иноземных культур. И прозревает: Гелиос владеет тем же Солнцем, что и Аматэрасу. Медуза давно побеждена Персеем, из пролитой крови с ее отрубленной головы рожден Пегас.

Но Акико все же воздевает голос надежды. И мчится на крыльях поэтического скакуна в Европу. Ее любимый – муж и поэт Тэккан – уже в Париже: с новой эпохой Япония, загоревшись всем передовым, искала по свету свежие литературные ветры.

Отправляюсь в Путь.
О, Небеса! Подайте золотую мне карету.
О, Буря! Крылья мне расправь!
Благослови мой путь с Востока!
Я, чтобы встретиться с тобой, любимый,
Пройти готова хоть до края света.
Какой ты мужественный и надежный!
Как бесконечно я тоскую без тебя!
О, как безумно я тебя люблю!
Каким огнем мое пылает сердце!
Душа моя стремится, словно птица,
В Париж, на Запад, чтобы встретиться с тобой!

В сотый раз читаю это стихотворение на черном граните. Оно – «Таби ни тацу» («Отправляюсь в Путь») – написано в первые дни немыслимой для японской женщины того времени, принужденной быть рёсай кэмбо (хорошей женой, умной матерью), одиночной дороги. Уму непостижимой дороги! Строки родились на борту русского парохода «Орел»: на нем Акико прибыла во Владивосток из порта Цуруга 5 мая 1912 года. Чувства переполняют сердце, рвутся на свет.

Я заплакала, Но подошла русская девушка, Погладила по плечу В белой каюте Отплывающего корабля «Орел»...

С белого корабля В порту Владивостока Сошла на мол, Накинув на голову Легкий голубой платок...

Холодной весной Приехав во Владивосток, Заплакала, Словно небесная царица, Мечтавшая о любимом...

Всматриваюсь в сотый раз и в ее профиль...

Семья проживала близ Осаки, в тихом городе Сакаи, знаменитом грандиозной гробницей императора Нинтоку, правившего в IV веке. Микадо отменил налог заголодавшим подданным, увидев, что от домов перестали подыматься дымки. Тут 7 декабря 1878 года и родилась будущая литературная знаменитость, получив на детство имя Хо Сёко, что можно понимать как Светлое Солнце. Отец, увлеченный искусством и наукой, держал в доме богатую библиотеку. Дочь, научившись читать, заболела классической поэзией, глотая книгу за книгой, пробуя и себя в стихосложении.

Первые пятистишия танка, полные пылких чувств ко всему живому, Сёко отправила в столичный журнал романтической поэзии «Мёдзё» («Утренняя звезда»). И в 1900 году редактор Тэккан (возможны два значения: Тигр и Железный меч; настоящее имя Ёсано Хироси), порицавший «современную убогую поэзию танка», охотно опубликовал их. Между молодыми людьми тут же вспыхнул роман. Сёко посвящает возлюбленному одно стихотворение за другим. В 1901 году выходит ее первый сборник «Мидарэгами» («Спутанные волосы»). Всепоглощающий герой страстной лирики – Тэккан. Он не остается в долгу:

Я в объятиях милой о славе отчизны забыл – все померкло, поблекло.
Лишь звезда в небесах багровеет да белеют венчики лилий...

«Мидарэгами» в одночасье принес славу, считается лучшим сборником автора. В нем отход от традиционной

Ёсано Акико и ее муж Тэккан (Ёсано Хироси)

Всего-то: гость Прислонился к откосу двери В моем доме, И сделался храмом дом. Сумрак весенний.

Иллюстрация К. Малыш к сборнику «Спутанные волосы»

морали, призыв к свободной любви, к раскрепощению личности, гармоничное соединение японской классики с западными символами – свежие веяния в национальной поэзии. Тэккан женат, но вскоре разводится, и поэтесса, уже получившая взрослое имя Акико, идет против вековых порядков, сбегает из родительского дома, выходит за него замуж.

Профиль... Что бунтарского в нем? Какие силы переломили жизнь дочери успешного купца, вхожего в императорский дом и не бывшего самураем?

К 1912 году у Акико и Тэккана детей – семеро, но все подчинено литературным завоеваниям. Тэккан за вдохновением и новыми знаниями отправляется в ноябре 1911 года морем в Европу, к французским символистам. Акико, уладив домашние дела, устремляется следом. Впечатления с дороги отправляет в столичное издание «Токио асахи симбун», и они ежедневно выходят репортажами, объединенными по возвращении поэтессы в Японию в цикл «До Парижа» («Пари мадэ»). Первый день по Транссибу особенно тревожен:

«Состав, вышедший в среду из Владивостока, состоял из одного грузового вагона, вагона-ресторана и трех пассажирских вагонов. Вагон, куда я села, был самым последним, крайнее купе на двоих оказалось узким, не более двух метров шириной. Попутчиков не было. Два стеклянных окна. В угол сложила подарки, поднесенные господином Ясодзима, сотрудником местного отдела газеты «Токио асахи симбун» – корзину с фруктами, бутылку лимонада и коробку суси. Всю ручную кладь взвалила на высочен-

ную, позолоченную сетку. На стол выставила папиросы (сто штук в коробочке персикового цвета), купленные в торговом доме Владивостока («Торговый дом Кунста и Альберса». – В.М.), и мундштук, вырезанный из сибирского дерева. На все это, освещенное желтоватым отсветом фонарей, я смотрела в неописуемом страхе и тоске. Наконец я не выдержала и обеими руками закрыла лицо...»

Сто лет спустя

Первым шагам Ёсано Акико по владивостокской земле – век. У Покровского собора, невдалеке от места швартовки «Орла», два молодых японца. В руках туристическая карта, но заметны затруднения в ориентировке.

- Can I help you? предлагаю помощь.
- Oh! оживились они. We need Oriental Institute.

Сибата Ясутоки и Судзуки Мотохиро – студенты из Токио, прилетели во Владивосток на выходные – встретиться с... Ёсано Акико.

Веду их в сквер, к Школе региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (до 2011 года Восточный институт Дальневосточного государственного университета, а в давнюю пору моей учебы – университетское общежитие), на Океанский проспект, 39. Над черным гранитным монолитом с барельефом и высеченным на двух языках – русском и японском стихотворением вот-вот зашелестят свежей листвой березы. Памятный камень, установленный в 1994 году востоковедами ДВГУ и Обществом имени Ёсано Акико из ее родного Сакаи, вскоре украсится букетами цветов от устроителей в девятнадцатый раз – под стихи, посвященные поэтессе земляками и почитателями из России.

Что испытывают японские юноши, молча уйдя в иероглифические строки? Какие бури в их сердцах, достучавшихся до заветной встречи, скрывают непроницаемые восточные лица? Радость? Страдание? Гордость за страну?...

Уже много знаю о поэтессе, подарившей миру 24 сборника пронзительных танка и синтайси (стихов новой формы), множество критических статей, дзуйхицу-эссе, детских рассказов, повестей и... жизнь 11 детям. Особая ценность литературных достижений – перевод со старояпонского языка на современный «Повести о Гэндзи», непревзойденного произведения японской классической литературы эпохи Хэйан (ХІ век). Его написала аристократка Мурасаки Сикибу, вошедшая в канонический список «Тридцати шести величайших поэтесс» периода Камакура (1185–1333), составленный из придворных дам. На перевод ушло 13 лет. Но и это не все. Акико изучает, переводит и комментирует дневники древних писателей.

Душа моя погружается в так ценимую японской традиционной поэзией печаль одиночества. Первое щемящее желание – посадить рядом с камнем кустик японской белой хаги (леспедецы): такое «цветочное» поэтическое имя выбрала себе 22-летняя Акико, так называли ее друзья. Литературных камней на Японских островах ей, предположительно, установлено около 240 – в местах, где она бывала. Пять – за пределами Японии: Париж, Далянь, Осло, Беркли (побратим Сакаи), Владивосток. Но, по всему, появятся еще: поэтесса ступала на землю Харбина, Иркутска, Москвы, Варшавы...

Веду студентов к памятнику храму Урадзио Хонгандзи. Он окружен привезенными из префектуры Фукуи и посаженными в 2002 году 12 элитными деревцами саку-

ры, уже набравшими цвет. История создания мемориала и сакурного сада глубоко патриотична и поучительна. Душа ее – Тоидзуми Ёнэко, японка, с 1921 по 1937 год жившая во Владивостоке у своей тети, приехав в девятилетнем возрасте. Здесь она окончила начальную японскую школу, училась в женской гимназии, на рабфаке и педагогическом факультете Дальневосточного государственного университета. В 1933 году вышла замуж за Тоидзуми Кэнрю, настоятеля храма Урадзио Хонгандзи, и четыре года проживала в святилище. В 1936-м мужа арестовали, ненадолго отпустили, но снова осудили и отправили на 10 лет в сибирские лагеря ГУЛАГа. Спустя год решением советских властей храм был закрыт. Тоидзуми Ёнэко с двумя детьми вернулась на родину. После открытия Владивостока 1 января 1992 года Тоидзуми-сан решилась на поездку в город своей молодости: «Как же я ждала прихода этого дня в маленьком городке Куритабэ префектуры Фукуи!» Друзей, знакомых уже не оказалось, но Тоидзуми-сан стала приезжать во Владивосток и в последующие годы, упорно изыскивая сведения о них. С помощью русских коллег по Обществу японо-российской дружбы удалось найти родственников. И даже фотографии той давней поры с ней самой. В 1996 году после очередной встречи с доцентом кафедры японоведения восточного факультета ДВГУ Зоей Моргун родилась идея: установить памятный знак на месте снесенного храма Урадзио Хонгандзи. И 3 ноября 2000 года монумент был открыт.

И – вот ведь! – госпожа Тоидзуми родилась 5 мая 1912 года! Что за фантастическая связь людей, времен, событий?!

За заслуги в международном сотрудничестве, личный вклад в укрепление взаимопонимания между народами Японии и России Тоидзуми-сан в 2003 году удостоилась почетной грамоты Министерства иностранных дел Японии и чести быть приглашенной императором Японии и его супругой на «Прием гостей в саду», а профессор ДВФУ Зоя Моргун в 2015-м награждена орденом Восходящего солнца IV степени.

Саженцев, заботливо выращенных из семян 400-летнего дерева, было 50, по одному на каждый год существования молитвенного дома, но чисто по-российски – «неустановленными лицами» – недостающие «переселены» неведомо на чьи лужайки. В сердце моем рождаются строки танка:

О май столетний! Как расцвел ты сакурой В саду Хонгандзи! Черный гранит засиял Твой, Ёсано Акико.

Второе желание – знать подробности пребывания поэтессы во Владивостоке. Возможно ли теперь, спустя полторы человеческих жизни? Пусть не так, как до мелочей известное японцам путешествие по их стране четырьмя годами позже русского поэта Константина Бальмонта, но все же? Оказалось, наша – только ли обочинная? – историческая летопись чем дальше, тем туманнее.

Ёсано Акико находилась в городе, судя по ее репортажам, с воскресенья по среду.

Выпускницы рабфака ГДУ Ятакэ (Тоидзуми) Ёнэко, Мария Харитонова, Зоя Родионова. Владивосток, 1932. Фото найдено Тоидзуми Ёнэко у родственников Зои в 1996 г.

В книге «Древо плодоносящее» (2004) Валерия Евтушенко, потомка известного владивостокского рода Матвеевых, есть эпизод о контактах Зои, дочери главы этого семейства, литератора Николая Петровича Матвеева-Амурского, с Ёсано Акико в Киото в 1910 году. Раз так – Матвеевы могли встретить поэтессу. Но перебор фактов и дат надоумливает: Евтушенко ошибся, приняв за Ёсано Акико выдающуюся актрису художественного театра Мацуй Сумако. Правда, в 1918-м поэт Венедикт Март (Матвеев), брат Зои, по его собственному признанию, приглашен был четой Тэккан – Ёсано в Токио, где посетил литературное общество «Сивакай», читал свои стихи, переводил танка Акико на русский. Вернувшись, рассказал о поездке в журнале «Природа и люди Дальнего Востока», сопроводив повествование своим циклом танка и хайку «Лепестки сакуры». Переводы пятистиший Ёсано Акико Март поместил в сборник «Песенцы». Но, следуя силлабическому строю 5-7-5-7-7 и в русском варианте, да еще зарифмовывая строки, чего нет и не подразумевается в оригинале, выхолостил поэтическое изящество, свойственное стихам Акико, сохраненное в свободных изложениях других, более поздних переводчиков.

Ёсано Акико – яркий публицист, общественный деятель. Осуждая нападение японской армии на Порт-Артур, откликнулась антивоенным стихотворением «Не отдавай, любимый, жизнь свою!» (1904), посвященным своему брату, участнику боев. Японские солдаты по приказу командиров обвязывались взрывчаткой и выдвигались на передовую – во имя победы с честью погибнуть за императора. Выступила и против японской интервенции на Дальнем Востоке России. А в 1922 году, в период страшного голода, постигшего Советскую республику, вместе с друзьями включилась в кампанию по сбору денег для голодающих детей Поволжья.

Золотая карета

В конце 2007 года преподавателями Восточного института ДВГУ при поддержке Генерального консульства Японии и Японского центра во Владивостоке создано Литературное общество имени Ёсано Акико. И уже 31 января 2008 года в Матросском клубе состоялся литературный вечер «Многообразие японской литературы». О судьбе и творчестве Ёсано Акико увлекательно рассказала Аида Сулейменова, преподаватель университета, автор монографии о жизни поэтессы «Свидание звезд». На

Зоя Моргун и Тоидзуми Ёнэко у памятного знака на месте храма Урадзио Хонгандзи. 2003

вечер из Японии приехала Сакамото Юко, три года преподававшая японский язык в университете Владивостока. Большой концерт дали артисты драматического театра Тихоокеанского флота. Со сцены прозвучала пьеса по рассказу Ёсано Акико «Николай и Бун-тян». В нем говорится о том, как милый мальчик Бун очень хотел увидеть русского священника Николая Японского, чтобы тот молитвой помог его отцу поймать большую рыбу. Стихи японских поэтов читал дальневосточный писатель Александр Белых, много лет изучающий старую поэзию Страны восходящего солнца. Ёсано Акико, конечно, присутствовала — с портьеры, с легкой грустью, внимал изысканным речам ее портретный лик в модной шляпке. И слушала песни на свои стихи...

– Кроме того, – подытожила Аида Сулейменова, – мы хотим попробовать проводить во Владивостоке поэтические прогулки по типу японских. У наших соседей это один из любимых видов досуга: прогулка по лесу, например, или берегу моря, во время которой участники сочиняют танка и читают их вслух... Почему бы нам не попробовать в самую золотую пору – июль, август?

Директор Японского центра во Владивостоке Оиси Сохэи вручает главному режиссеру драматического театра Тихоокеанского флота Станиславу Мальцеву маску знаменитого театра но. 2008

Звучат стихи Ёсано Акико

Посадка сирени в честь 100-летия Тоидзуми-сан у памятника храму Урадзио Хонгандзи. 2012

«Золотая пора» тронула и Находку, правда, значительно позже. В конце августа 2021 года ко мне в гости в очередной раз приехал Исихара Кимимичи, японский переводчик произведений Михаила Булгакова. В вечернем саду, у веселого костерка, мы, беседуя о литературе, вспоминали поездки Токутоми Рока и Кониси Масутаро в Ясную Поляну к Льву Толстому. Промчавшийся накануне тайфун до последней пылинки прибрал небо, и на него, изумительно глубокое, взош-

ла в полном сиянии луна. С минуту поверх спутанных лоз актинидии и винограда мы вглядывались в ее ясный, окутанный звездами облик, навеявший стихи из «Мидарэгами». Я нашел в интернете живой голос Ёсано Акико, записанный в начале прошлого века. Тихо, певуче, под робкий шелест листвы – эоловой арфы! – поэтесса читала нам, окаменевшим, свои лучшие танка...

Хоси но ё но Муку но сирагину Кабакарини Сомэси ва тарэ-но Тога то ободзу дзо.

В мире звезд Белоснежного шелка невинней Жила я доселе. Кто окрасил меня в Страсти цвет? оследней пыубокое, взош-

Памятник Ёсано Акико в Сакаи

19 мая 2012 года в Японском центре во Владивостоке (тогда он находился на Океанском проспекте, 37, из окон поэтический камень был виден) усилиями директора Оиси Сохэи и сотрудницы Ольги Сумароковой собрались исследователи и поклонники творчества поэтессы – почтить память воспоминаниями о ней. С приветственным словом к гостям обратилась президент общества профессор ДВФУ Татьяна Бреславец. Пришло поздравление из Японии от Сакамото Юко, активной участницы общества. «Осуществлялось не только практическое знакомство студентов университета с японским языком, – писала Сакамото-сан, – но и распространение знаний о японской культуре среди детей и простых жителей Владивостока».

А какими рисунками украсили стены аудитории Японского центра питомцы преподавателя детской школы искусств № 4 Тамары Пономаренко! Школа совместно с филиалом библиотеки № 21 провела конкурс «Владивосток, май 1912 – 100 лет визиту поэтессы Ёсано Акико» по ее детскому рассказу «Николай и Бун-тян». Тут и любимые поэтами криптомерии, и первый русский священник в Стране восходящего солнца святой Николай Японский, и белый пароход. Детская фантазия реальными и сказочными образами творчески сомкнула восточный и западный берега Японского моря. А в выставке «Владивосток в миниатюре» флористических коллажей в технике осибана, подготовленной Натальей Гайда, руководителем студии цветочного дизайна, есть и работа «Поэтический камень Ёсано Акико». Делегация из префектуры Фукуи, посетив экспозицию вместе с профессором Зоей Моргун, оставила сердечную благодарственную запись.

Во второй половине дня 19 мая под переливчатый звон колоколов Покровского храма поклонники творчества Ёсано Акико, чья жизнь оборвалась 29 мая 1942 года, возложили к ее поэтическому камню цветы – хризантемы, розы, ромашки. Вечером, прогуливаясь, я подошел сюда вновь – с веточкой уже зазеленевшей леспедецы. Под ветерок с востока сложились еще строки танка:

Затрепетали Алые розы, обняв Белую Хаги. Как ты подгадал, дружок, Дзэн-ветерок с Сакаи!

Алый и белый – любимые цвета Ёсано Акико: аллегория страсти, чистоты и свежести. Таким и живет в классической литературе Японии образ Белой Хаги. Таким – живым – он «окаменел» в России.

Небеса услышали голос ее сердца – и первый, и второй. Слава пришла к поэтессе рано и не покинула до конца жизни. Это ли не золотая ей карета?

В материале использованы фотографии автора, а также из книги Тоидзуми Ёнэко «Сирень и война» и открытых интернет-ресурсов

Далекий близкий Нагасаки

Лилия БАЛАБАНОВА

Так сложилось, что вся моя жизнь связана с Японией. Я побывала во многих городах этой замечательной страны, но вот уже 20 лет живу в Нагасаки, преподаю японцам русский язык. О существовании здесь Японо-российской ассоциации узнала не сразу, но потом познакомилась с интересными людьми и тоже вступила в ее ряды, стала участницей многих важных событий, которые проходят под эгидой этой общественной организации.

Знаки памяти

Матсутакэ Хидэо, основатель Японо-российской ассоциации Нагасаки, на протяжении всей своей жизни изучал историю японо-российских отношений, но главная тема исследований была связана с русским кладбищем в этом японском городе. Благодаря его многолетним поискам у центрального входа на кладбище появился стенд с указанием схемы захоронений, их нумерации, имен покоящихся здесь русских людей. Среди них моряки и офицеры, погибшие во время Русско-японской войны 1904—1905 гг., а также гражданские лица, для которых Нагасаки стал родным. В 2009 г. Матсутакэ Хидэо издал книгу «Нагасаки Инаса. Русская деревня», в которой рассказал о жизни россиян в Нагасаки и, конечно же, много страниц посвятил русскому кладбищу.

Матсутакэ Хидэо сотрудничал с известным писателем-маринистом Виталием Гузановым, который неоднократно приезжал в Нагасаки в поисках исторических материалов для своих книг о Японии. В одной из них – «Самурай в России» несколько глав повествуют о пребывании российских морских офицеров в Нагасаки. Матсутакэ Хидэо и Виталия Гузанова объединила тема русского кладбища, они стали соратниками, и благодаря их усилиям на могильных плитах россиян были восстановлены надгробные таблички.

Матсутакэ Хидэо часто спрашивали, почему его так интересовала тема русских захоронений, и он рассказывал об этом на встречах членов Японо-российской ассоциации. Место, где он родился, находилось рядом с кладбищем, где похоронены иностранцы, которые по разным жизненным обстоятельствам остались покоиться в земле Нагасаки. Иностранное кладбище расположено в Нагасаки в районе горы Инаса, в этом же районе когда-то проживали российские морские офицеры, и место это называли Русской деревней. С начала XIX в. российские флотилии посещали порт Нагасаки, морские суда по несколько месяцев стояли здесь на ремонте. Специально для россиян строили жилые дома, гостиницы, магазины, рестораны, морской госпиталь, а когда в 1871 г. в Нага-

Японо-российская ассоциация Нагасаки. Слева в первом ряду ее основатель и первый председатель Матсутакэ Хидэо

саки открылось российское консульство, сюда прибывали с визитами и официальные высокопоставленные лица императорской фамилии – великий князь Алексей Александрович в 1872 г., цесаревич Николай в 1892-м.

Под парусами

Деятельность Японо-российской ассоциации Нагасаки обширна, и одним из самых значимых общегородских событий каждый год становится Парусный фестиваль. Он

Русское кладбище в Нагасаки. Часовня Николая Чудотворца

Парусный фестиваль в Нагасаки

Творческий вечер Танака Такеси

проводится с 1997 г., и в нем участвуют парусные суда России, Японии, Кореи. Программа праздника разнообразна и обширна. Жители и гости Нагасаки имеют возможность побывать с экскурсиями на кораблях, наблюдают за тем, как проходят учебные показательные занятия моряков.

Уже много лет в Парусном фестивале участвуют российские учебные парусные суда «Паллада» и «Надежда», став долгожданными гостями в Нагасаки. На этих судах

С отцом Николаем Кацюбаном. Русская община города Нагасаки и гости Нагасаки. 2018

проходят учебную практику около 100 курсантов морских учебных заведений, многие впервые посещают Японию и очень рады новым впечатлениям, встречам, общению с местными жителями. Японо-российская ассоциация Нагасаки принимает активное участие в организации дружественных встреч, совместных концертов российских курсантов и музыкальных коллективов Нагасаки.

Участников Парусного фестиваля приветствуют приезжающие из Токио и Осаки представители Генерального консульства России в Японии, специально ради этого события из Токио приезжает протоиерей Николай Кацюбан – настоятель подворья Русской православной церкви Московского патриархата в Японии. По традиции курсанты «Паллады» и «Надежды» приходят на русское кладбище Нагасаки, чтобы отдать дань памяти соотечественникам, зажечь свечу в православной часовне святого Николая Чудотворца. Протоиерей Николай служит панихиду по усопшим российским морякам.

Имена и встречи

Японо-российская ассоциация Нагасаки организует встречи с приезжающими в этот город россиянами и гостями из других стран. Одна из самых знаменательных состоялась в 2015 г., когда мы познакомились с исследователем, членом владивостоксого Общества изучения Амурского края Александром Геннадьевичем Филькиным, специально приехавшим в Нагасаки для сбора исторических сведений о периоде Русско-японской войны и пребывании русских моряков в японском плену. Вместе с членами нашей ассоциации историк посетил архивы, библиотеку, русское кладбище, памятные места. Позднее Александр Геннадьевич неоднократно приезжал в Японию, посещая Токио, Сендай, Иокогаму, Нагасаки, и везде старался отыскать материалы для своей книги, над которой трудился много лет. В прошлом году «Надпись на Евангелии» вышла в свет (Владивосток, 2020). Нам очень посчастливилось стать одними из первых ее обладателей и читателей: автор любезно подарил два экземпляра, отправив их по почте в Японию.

Еще одна встреча в Нагасаки, о которой вспоминаю с теплом, связана с именем Танаки Такэси. В 2018 г. Японо-российская ассоциация организовала в Нагасаки его творческий вечер, он очень интересно рассказывал о своей жизни, вспоминал Сибирь и Дальний Восток, где отбывал срок в качестве военнопленного. Еще Танака Такэси исполнял русские и японские песни под аккомпанемент необычного музыкального инструмента, который сконструировал и сделал собственными руками. Через два года Танака Такэси ушел из жизни, и в Хабаровске его памяти посвятили творческий вечер в клубе любителей традиционной японской культуры «Япония сегодня», существующего при Дальневосточной государственной научной библиотеке.

Танака Такэси родился в городе Симабара префектуры Нагасаки. И какие бы испытания ему ни выпали, в нем всегда жили самые добрые воспоминания о российском народе. Возможно поэтому спустя многие десятилетия после окончания Второй мировой войны он принял решение приехать в Россию, с которой его связывало очень многое. У Танаки Такэси была долгая, сложная и

в то же время интересная жизнь, и последние 25 лет отмеренного ему жизненного срока он провел в Хабаровске. Здесь завершил свой земной путь и теперь покоится на японском кладбище дальневосточного города.

Весной 2019 г. в Нагасаки побывал детский коллектив школы музыки «Капучино» из Хабаровска. В разное время он успешно выступал в российских городах, в Китае и Корее, а теперь познакомил со своим творчеством и японских зрителей. Идею этих гастролей поддержали председатель и члены ассоциации, приложив немало усилий для их организации, и в конечном итоге все удалось. Во время весенних каникул в Нагасаки состоялся концерт учащихся «Капучино», исполнивших песни не только на русском языке, но и на японском, специально разученные перед поездкой. Участником концерта стал также детский ансамбль барабанщиков из Нагасаки, а в завершение яркой творческой встречи для россиян провели мастер-классы, на которых гости обучались азам игры на японских барабанах и сделали красивые открытки на память о Нагасаки.

Судьба нашего соотечественника, активного деятеля организации «Народная воля», действовавшей в дореволюционной России, стала поводом для еще одной незабываемой встречи в Нагасаки. Речь идет о революционеренароднике Борисе Дмитриевиче Оржихе. В 2019 г. в Японо-российскую ассоциацию поступила просьба организовать встречу гостей, которые прибудут из России морским путем через Южную Корею в порт Нагасаки на яхте «Отрада», чтобы посетить места, где в 1905—1909 гг. бывал Б.Д. Оржих. Среди них оказались не только россияне, но и приехавшие из Чили и Канады потомки Оржиха — его правнуки. Как известно, Борис Дмитриевич четыре года провел в Нагасаки, а затем долгое время жил в Чили.

Японо-российская ассоциация организовала встречу команды и гостей яхты «Отрада», прибывшей в Японию под началом капитана, профессора и почетного члена Русского географического общества Леонида Константиновича Лысенко, содействовала в исследованиях памятных мест, организовала экскурсии по городу. Гости и члены Японо-российской ассоциации Нагасаки сплотились в интернациональную компанию и нашли общий язык несмотря на то, что общались на японском, английском, испанском, русском. Мы рассматривали фотографии Б.Д. Оржиха, привезенные его потомками, обсуждали план дальнейших действий. Перед нами стояла непростая задача: найти дом, где он жил в начале ХХ в., типографию, в которой под его редакцией печатали русскоязычную газету «Воля», разыскать в музеях и архивах сохранившиеся материалы и фотографии об этом человеке. Председатель Японо-российской ассоциации Нагасаки Канаяма Сакаэ законспектировал план наших исследований и посещений необходимых мест, а нашей сплоченной интернациональной команде потребовалось два дня, чтобы успешно решить поставленные задачи. А когда пришло время прощаться, капитан яхты в знак благодарности пригласил коллектив Японо-российской ассоциации на прогулку по заливу Нагасаки под парусами «Отрады».

Для этих знаковых встреч, состоявшихся во многом благодаря Японо-российской ассоциации, характерна атмосфера дружбы и взаимной благодарности, ведь

Совместный концерт на палубе парусного судна «Надежда». 2016

Интернациональная команда яхты «Отрада»

именно в Нагасаки сохранились исторические свидетельства присутствия здесь России. Члены Японо-российской ассоциации убеждены: это важное направление нужно развивать и в дальнейшем.

Уже много лет я считаю Нагасаки родным городом, но такие же чувства испытываю к Хабаровску. Для меня очень важно, чтобы в России больше знали об исторической взаимосвязи нашей страны и Нагасаки – она существовала в прошлом, она сохраняется и в наши дни.

Школа музыки «Капучино» в Нагасаки

Международный фестиваль косторезного искусства проходил в Магадане уже в третий раз, став одним из самых заметных и ожидаемых культурных событий. В 2021 году, несмотря на сложную эпидемиологическую обстановку, в нем участвовали художники из 19 регионов России и 11 зарубежных стран, в том числе Канады, Швеции, США.

Неповторимый опыт предков

Международный фестиваль «Косторезное искусство народов мира»

Ольга ЗОТОВА

Ханс Фредерик Прост. Ножи и шкатулка. Швеция

Подобные творческие встречи позволяют увидеть современное искусство резьбы по кости во всем многообразии традиций, стилей, новых тенденций использования этого материала. В последнее время в промысле, идущем из древних веков, все отчетливее проявляются тенденции современной интерпретации исторического наследия, поиска новых форм и сюжетов, освоения новых технологических приемов, разнообразия индивидуальных художественных решений, основанных на авторском творческом замысле. Несмотря на неизбежную утрату связи с этническими традициями, вызванную цивилизационным процессом, интерес к резьбе по кости становится все более актуальным. Косторезный промысел, изначально неразрывно связанный с образом жизни народа, позволяет современным мастерам заново осмыслить традиционный уклад как способ сохранения смыслов и целостности этноса.

Так же как и на предыдущих выставках, представленные на фестивале авторские произведения говорят о разнообразии форм, сюжетов, стилей и техник. В целом же в современном косторезном искусстве можно выделить три основных направления. Первое связано со стремлением зафиксировать и сохранить традиции определенной школы, второе - с формированием узнаваемой авторской, не связанной с типом культуры манеры, демонстрирующей фантазию и творческую свободу художника, третье – с владением универсальным языком резчика, позволяющим соответствовать запросам рынка сувенирной продукции. В этой ситуации интересно наблюдать за развитием косторезного промысла в российских регионах, где складываются определенные традиции, формируется современная школа мастеров. В Магаданской области ведется целенаправленная работа по развитию и популяризации косторезного искусства, и во многом это происходит благодаря председателю Магаданского отделения Союза художников России Константину Кузьминых, выступающему организатором международного фестиваля.

В искусстве магаданских резчиков объединены черты аборигенной и европейской культур. Достаточно молодая по историческим меркам территория в свое время собрала художников, приехавших из других мест. Они знакомились с местной художественной традицией, этнической культурой, характерной для населяющих этот регион народов. Это касалось не только косторезного искусства, но и живописи, графики, книжной иллюстрации. Косторезы использовали приемы чукотского, эскимосского искусства резьбы. Резчики Магаданской фабрики сувениров и подарочных изделий, образованной в 1968 году, изготавливали художественные сувениры из бивней мамонта, клыка моржа, китового уса и ребер. Особенно отличались размерами и эстетическим уровнем сюжетные композиции, показывающие сцены охоты, кочевье или лежбище моржей. Произведения мастеров представлялись на российских и международных выставках и ярмарках.

Тогда же начала формироваться магаданская косторезная школа, получившая известность благодаря умению авторов соединить знание быта и культуры коренных народов Севера, их традиции в обработке кости с европейскими канонами. Ее становление связано с художниками-технологами А. Семеновым и А. Макаровым, которые приехали в Магадан после Калининского прикладного училища искусств и обучали начинающих мастеров основам малой пластики. К сожалению, в 2000-е годы фа-

брика перестала существовать, однако сам промысел развивается, в него приходит молодое поколение, продолжают работать опытные мастера.

Сегодня магаданские косторезы объединены цеховым единством и Магаданским отделением Союза художников России, где секция декоративно-прикладного искусства самая многочисленная. Широкий диапазон сюжетов и авторских приемов, владение материалом (используется бивень мамонта, кость кита, клык моржа, рог лося, оленя, снежного барана, зуб кашалота, их комбинации с деревом, природными минералами: кварцем, агатом, морскими раковинами) говорят о большой фантазии, творческом подходе в разработке темы, высоком профессионализме резчиков. В нынешнем фестивале приняли участие представители разных поколений. В произведениях А. Барана, А. Вербицкого, В. Вихлянцева, Е. Годовой, А. Губарева, А. Дикарева, В. Духонина, А. Дьячкова, Т. Олейниковой, Л. Пащенко, В. Похилюка, З. Эттувги, Ю. Ханькана, В. Шешукова тенденция к созданию декоративной скульптуры, в которой органично соединены черты декоративно-прикладного искусства и скульптуры малых форм. По тематике это чаще всего анималистические образы – обитатели суши и моря, образы коренных жителей Севера. Их отличают пластическая цельность, владение материалом, что делает образы правдоподобными и, по меткому выражению специалистов по скульптуре, «не позволяет мошенничать с реальностью».

Магаданский колледж искусств представлен на фестивале отдельным блоком. Трудно переоценить образовательную инициативу, позволяющую современному человеку войти в мир древнего искусства, а имена участников говорят о том, что уже появляются творческие династии. Колледж дает резчику основательную подготовку и во владении различными материалами, и в знании стилистических и художественных особенностей разных школ. В целом магаданские резчики, сохраняя и развивая накопленный опыт, остаются внимательными к новым тенденциям. Так, А. Адуканов сочетает в своем творчестве уникальные традиции камчатских мастеров и взгляд современного художника. В его миниатюрах животных, птиц, человека удивительно органично уловлена естественная пластика кости. Работая с рогом оленя, художник следует творческой интуиции и безошибочно использует свойства материала – форму, текстуру, объем.

В произведениях хабаровского мастера декоративноприкладного искусства Н. Акишкина кость является элементом большой композиции на тему коренных народов Приамурья. Традиции академического художественного образования, полученные на художественно-графическом факультете Хабаровского педагогического института, он соединяет со знанием культуры коренных этносов, природного мира этих мест. Его творчество представляет собой интересный пример сохранения национального наследия в эпоху современных трансформаций. Именно с этой точки зрения сегодня часто рассматривают традиционную культуру коренных малочисленных народов Дальнего Востока, что вполне объяснимо: цивилизация во всех смыслах – от объективных процессов глобализации до конкретных административных решений – неумолимо наступает на обычаи, обряды, мироощущение и жизненный уклад тех, кто жил в регионах Дальнего Востока задолго до того, как эти территории начали осваивать русские. Тем острее воспринимается все, что дает возможность прикоснуться к настоящему, реликтовому, насыщенному неподдельными ощущениями. «Космос Сикачи-

Аляна», «Два шамана» – произведения, сложные по форме и семантике. В них Н. Акишкин символически воссоздает знаменитое место, где можно увидеть древние петроглифы, побывать в этнографическом музее нанайского села Сикачи-Алян, находящегося рядом с памятником наскального искусства. Он сочетает кость с керамикой, рыбьей кожей, отсылая к традиционным занятиям коренных народов.

Ямальская резная кость, имеющая давние традиции, представлена произведениями С. Лугинина, С. Алябы, А. Вахрушева, К. Никифорова, И. Савицкого, С. Севли. В основе их творчества – знание философии жителя своей земли, интерес к мифологии, окружающему миру. В атрибутах национальной одежды (пояс ханты), в предметах (нож с ножнами, табакерка) использована орнаментика, отсылающая к традиционной культуре народов Севера. Охота, рыбалка, оленеводство всегда были основой жизни хантов. Серия фигурок, образы которых связаны с ненецким и мансийским фольклором, мифологией привлекает наивной пластикой, основанной на обобщении объема, намеренной примитивизации образа.

М. Тимергазеев, С. Тимергазеев, И. Вишнякова, М. Кульмаметьев представляют тобольское искусство резьбы по кости. Это одна из самых интересных школ в России, демонстрирующая способность авторов к широкому использованию материала и в утилитарном направлении, и в художественном. В свое время С. Овешкова, основательница первой косторезной мастерской в Тобольске, дала подробный перечень резных изделий из кости, среди которых перчаточники, свадебные шкатулки, детские головные гребенки и булавки, броши, булавочницы, коробки, пудреницы, веера, чернильные приборы, пресспапье (фигурки сибирских инородцев и животных), ножи, ручки для перьев, наконечники для карандашей, счеты, подсвечники, портсигары, совки и ложки для чая и соли, щипцы для сахара и другие предметы. Но уже в XX веке тобольские мастера ушли от утилитарности, положив в основу скульптурной миниатюры сцены из жизни жителей Севера, мифологические сюжеты, подчеркивая связь человека и окружающей среды. Отдельно следует сказать о просветительской миссии мастерской «Минсалим», образованной после распада художественной системы советского периода. В ней не только работают резчики, но проводятся мастер-классы для детей и взрослых, экскурсии, создан музей истории кости, в котором можно увидеть мир сибирских народов, воплощенный в кости.

Один из самых обширных и интересных разделов выставки представлен произведениями якутских резчиков. «В настоящее время традиция косторезного искусства в Якутии, накопленная почти за четыре столетия, обогащается новым содержанием, находится в постоянной динамике, находясь в зависимости от современных социокультурных условий, и вместе с тем сохраняет свою этнокультурную аутентичность», – отмечает З.И. Иванова-Унарова в журнале «Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока».

Н., В. и А. Амыдаевы, Д. Андросова, М. Аргунова, Э. Богатырева, П. Иванов, Н. Корякин, А. Максимова, Д., К., Л. Мамонтовы, Ф. Марков, С. Михайлов, Г. Никифоров, А. Олесова, В., К., М. Петровы, М. Потапова, Н. Попов, Г. Родионов, А. Сивцев, И. Семенов, М. Сыроватская, Л. Соловьев, Г. Трофимов предлагают широчайший спектр автор-

ских вещей, в основе которых бережное отношение к национальной культуре. Идеи циклического развития жизни, созидательной силы Айыы, сосуществования миров, жизнеустройства якут, основанного на соблюдении обычаев в проведении священных праздников варьируются в работах как мастеров старшего поколения, так и молодых.

Самобытное искусство холмогорской резьбы по кости, известное тщательной проработкой деталей, любовью к ажурным орнаментам, использованием цветочного мотива, представлено творчеством Г. Арсентьевой, Э. Гурьевой, Э. и А. Лысовых, Д. и Т. Артюховых, Е. Рябовой, О. Федухиной. Современные мастера опираются на традиции, заложенные более 400 лет назад. Архангельский косторезный промысел родственен ювелирному делу: ларцы, шкатулки, кубки и другие предметы роскошного интерьера, а также изящные ювелирные украшения, изделия малой пластики отвечали вкусу самых взыскательных владельцев. О том, как рождается замысел, в котором проявлен традиционный холмогорский завиток, о приемах построения холмогорской резьбы пишет в своей книге легендарный мастер Н. Буторин. Этот завиток можно увидеть в коллекции вещей, представленных на фестивале: ювелирные украшения (кулоны, броши, серьги, камеи) с растительными и цветочными мотивами, анималистические серии, скульптуры из кости, шахматы, иконы.

Творчество Б.-М. Чимитова является уникальным примером в декоративно-прикладном искусстве Бурятии. Незаурядность этого мастера в том, что он практически единственный представитель бурятской художественной резьбы по кости с ярким национальным колоритом. Закончив Абрамцевское художественно-промышленное училище, Чимитов выбрал материал, художественную ценность которого счел наиболее уместной для воплощения творческих замыслов. Из разных видов кости он создал более 100 работ – оригинальные женские украшения, предметы быта, ножи, скульптуру малых форм, сюжетные рельефы, традиционные бурятские шахматы, произведения буддийской тематики. Отрадно, что участницей нынешнего фестиваля стала молодая художница из Улан-Удэ Ч. Бахаева.

В творчестве С. Баширова из Казахстана кость становится элементом эстетичного изделия-объекта («Степной батискаф»), ювелирного украшения, в котором этот материал сочетается с металлом, минералами. К. Бектас создает образ «Байтерек» – молодое, растущее дерево, символизирующее государство, опору, устремленность к процветанию. Композиция основана на представлениях о космогоническом устройстве мира, свойственных кочевым народам: на стыке миров протекает Мировая река, на ее берегу возвышается Древо жизни – Байтерек, на крону которого каждый год прилетает священная птица Самрук. Использование этого сюжета в произведении из кости говорит об актуальности мифологического материала для современного художника.

Мастера из Дудинки В. Бети, А. Портов, В. Ямкин представляют серию композиций по мотивам эвенкийских и долганских сказок. В. Бети продолжает линию, за которую на предыдущем фестивале получил главный приз. Декоративные панно с композициями из костяных пластинок на замше и сложные сюжетные композиции, посвященные образу жизни долган, обладают большой выразительностью. А. Поротов, профессиональный художник-скульптор, создает произведения о природе Таймыра и повседневности его коренных жителей. Он внимателен к фольклорной составляющей,

А. Вахрушев. Болотные люди – мэнкв. 6 х 3 х 5,5. Рог лося, рог оленя, резьба. 2020

В. Шешуков. Рыбачок. 6 х 5,8 х 3,4. Клык моржа, резьба. 2021

И.О. Лехтинен. Смеющаяся змея. 8,2 x 4,5 x 4. Бивень мамонта, резьба. 2017

Б. Чимитов. Богиня Янжима. 16,5 х 10 х 7. Бивень мамонта, кость, цевка, дерево, резьба. 2020

Н. Акишкин. Маска шамана. 57 х 53. Кость, рыбья кожа, резьба, гравировка. 2017

В. Амыдаев. Танец весны. 8,5 х 5,3 х 6,7. Бивень мамонта. 2016

миру сказки, героями которой являются представители животного мира Севера – песец, олень, ворон, полярная сова, куропатка. В. Ямкин обращается к сюжету танца хэйро, который танцуют только в особых случаях, например, встречая солнце после долгой полярной ночи. Искусство резьбы по кости, имеющее на таймырской земле многовековые традиции, сегодня развивается благодаря Дому народного творчества в Дудинке, где в 1990-х организовали учебно-производственную мастерскую резьбы по кости.

В западной части России косторезное искусство развивается, скорее, как одно из направлений малой скульптуры, в которой кость используется в качестве материала, обладающего уникальными свойствами. Изящные миниатюры из кости с применением золота, серебра, ценных пород дерева создает А. Авксенов (Пермь), вдохновляясь традицией японских нэцке. Его работы не раз были представлены на международных выставках. Японская тема отражена в искусной резьбе В. Боровкова, А. Забродина (Санкт-Петербург). В. Яценко (Москва) в серии персонажей обращается к кости как к материалу, который дает возможность выразить авторскую идею. С. Макаренко (Москва) создает серию сувениров, ножей и малой пластики с изящной проработкой линий в фигурках крабов и лягушек. Творчество С. Воронова (Тамбов) многосюжетно и тяготеет к скульптуре. Д. Городецкий (Брянск) посвящает композиции на роге лося животному миру.

Одним из самых самобытных явлений считается искусство мастеров-косторезов Чукотки. Уникальная чукотская культура, одной из особенностей которой является органичная связь с природой, верования и традиций, мифология и образ жизни кочевых и оседлых чукчей, обусловливают круг тем и сюжетов. Перемещение по тундре вместе с оленьими стадами, рыболовство и охота на морских обитателей позволяют наблюдать за естественной пластикой животных, которые издревле служили отправной точкой в образной системе чукотских резчиков. Мелкая пластика из рога лося, клыка моржа и кости кита, гравировка

А. Рультырей. Рыбак. 12 x 21 x 20. Рог барана, рог лося, резьба. 2021

на клыке моржа, пеликены, композиции в технике объемной резьбы и другие предметы лаконичные и выразительные, в их основе традиции национального художественного промысла.

Творчество резчика из Владивостока А. Доленко известно далеко за пределами Приморского края и России, он развивает интернациональную линию скримшоу, в которой сегодня свое мастерство демонстрируют мастера многих стран. А. Доленко участник многих фестивалей, он вошел в каталог Contemporary Scrimshaw (автор-составитель Eva Halat), посвященный мировым тенденциям в этом виде искусства. Работы мастера связаны с историей парусного флота, Владивостоком, фауной Приморского края. Автор использует сложную, детализированную, тщательно выполненную гравировку по кости, как монохромную, так и тонированную цветом.

Белорусские и украинские мастера А. Сагалов, А. Корзун, С. Полунин, С. Петрук, А. Подмаско, В. Кузнецов, В. Дурченков обращаются к разнообразным мотивам мировой культуры и искусства. В их творчестве проявлено ризомное видение современной картины мира, в которой переплетены традиционные и современные образы, литературные персонажи. Обширная коллекция представлена ножами, сувенирными изделиями, кулонами, пряжками, скульптурой, гравированными предметами.

Илкка Олави Лехтинен из Финляндии представляет серию наивных миниатюр с животными, отсылающими к первобытным образам. Рельефные изображения рыбы, змеи, тигра едва вычленены из поверхности кости, что говорит о внимательном отношении автора к археологическому наследию. Палеолитические находки позволяют судить о способности древнего человека найти образ в окружающем мире, наделить его индивидуальными чертами. В работах художника своеобразный возврат к истокам.

Произведения К. Момунова из Киргизии являются откликом на традиционный уклад жизни киргизов, в чьей культуре важную роль играли ткачество, плетение, красочная орнаментика изделий из войлока, вышивка, ювелирное про-

С. Баширов. Лопатка. Кость, сердолик, серебро, лазурит, резьба. 2014

изводство, обработка кожи, дерева. Многие вещи говорят о большом художественном вкусе и являются подлинными произведениями искусства. Специфику большинства народных изделий создает орнамент, его размещение на поверхности и цветовые соотношения. В резьбе по кости К. Момунов следует принципам национального искусства.

Интересно наблюдать, как в творчестве резчика из Китая Лю Фэн Хая проявляются базовые образы китайского искусства – лотосы, рыбы, журавли, символизирующие красоту и мудрость, совершенство и чистоту, богатство и процветание. Искусство резьбы и гравировки по кости в этой стране уходит в глубокую древность, и вместе с тем успешно развивается сегодня.

Готье Вильям Лео Рэнк из Канады демонстрирует модернистские формы. Он обращается к мотиву естественной красоты народов, и одна из композиций «Охота на нарвала» становится эмоциональным воспроизведением драматической сцены охоты на кита. Модернистская форма сочетается с тематикой, корни которой в образе жизни северного народа – эскимосов. Запечатленный в графике XIX века сюжет передан в сложном объеме, составленном из разных материалов – кости, минералов, горных пород. В работе «Плавающие гагары» автор отдает дань уважения известной в Канаде художнице-инуиту, родоначальнице современного канадского инуитского искусства. Тонкая по исполнению композиция отсылает к работам инуитского скульптора Ашеваку, для которых характерны четкие линии и многоцветье. Готье изображает священную птицу инуитов как ассоциацию с местом обитания этого народа, местом свободы и силы.

Анкоридж на фестивале косторезов был представлен группой мастеров. Грин Ричард Тонок в своих работах воспроизводит первозданную мощь мира, в котором обитают северные животные. Интересно соотношение объемов, рог лося становится твердью, имитирующей землю. Е. Романенко в серии выразительных скульптур, посвященных эскимосам и животным, выступает как искусный резчик, хорошо знающий особенности материала. Пористая кость кита обработана с учетом эффектов, передающих образ эскимоса. Хенри Тим в серии фигур животных,

А. Адуканов. Бегущий олень. 39 х 23 х 16. Рог оленя, резьба. 2021

которые созданы из фрагментов кости мамонта, работает скорее не как резчик, а как скульптор, формируя объем не методом высекания, а методом своеобразной лепки. Тэтпон Джейсон представляет лаконичные и наивные фигурки северных животных.

Ханс Фредерик Прост из Швеции в работе с костью обращается к скандинавской традиции. Гравировка, орнаментальное оформление утилитарных предметов в скандинавской культуре было широко распространено. В качестве материала для мелкой пластики использовали, помимо дерева и металла, кости и рога одомашненных животных, моржовый клык, китовый ус, рога оленей и лосей. В скандинавском орнаментальном искусстве большую роль играл геометрический орнамент, один из самых древних и в то же время один из самых актуальных сегодня. Он строился на принципе монохромного цвета: на белом фоне располагались рядами геометрические узоры в виде ромбов, снежинок, оленей, рыб и т. д. Ярусное расположение одних и тех же элементов, ритмические повторы придавали изделиям привлекательность и ясность. Подобный композиционный прием скандинавы использовали в резьбе по дереву, шитье и оформлении предметов. Саамский бубен, шкатулка, ковш, выполненные шведским художником, отсылают к культуре скандинавов. Хеге Арнхильд из Норвегии представил предметы декоративного характера, в которых стремится сохранить естественные формы черепа животного («Кастет», «Разветвление»).

Подводя итог, хотелось бы сказать о том, что современное косторезное искусство является тем уникальным пластом художественного материала, который дает возможность наблюдать развитие национальных традиций, идущих из глубокой древности, выкристаллизовавшихся у каждого народа с учетом его особенностей. Этот пласт – настоящая сокровищница, в нем зафиксирован неповторимый опыт этносов. Не случайно сегодня на новый виток вышла исследовательская работа. Монографии, альбомы, научные статьи, посвященные отдельным мастерам, школам, музейным коллекциям, говорят об этом. Международный фестиваль «Косторезное искусство народов мира» дает новый импульс и творческой, и исследовательской деятельности.

На большой планете

30-я Международная выставка детского рисунка в Хабаровске

Елена СОЛНЦЕВА

Творческий конкурс «Мы дети одной планеты» — давняя традиция хабаровского лета, большое и многокрасочное полотно, в котором соединяются палитры, сюжеты, эмоции юных художников разных стран. В 2021 году он состоялся в тридцатый раз, став частью международного арт-проекта «Единый поток».

Одноименная выставка, проходившая в Музее археологии при поддержке Хабаровского союза обществ дружбы с зарубежными странами, министерства культуры и министерства образования Хабаровского края, факультета искусств, рекламы и дизайна педагогического института ТОГУ и Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова, представила в общей сложности более 200 работ. Их авторы живут в России, Китае, Корее, Японии, Таиланде, Турции, говорят на разных языках и являются носителями культурных традиций своих народов, но во всех рисунках есть то, что не требует перевода. Детей привлекает живая природа, и каждый такой рисунок становится размышлением о сохранении этого хрупкого мира. Они рисуют себя и сверстников, соединяют фантазии и реальность, находят точные художественные образы, чтобы выразить собственное отношение к истории родной страны и ее сегодняшнему дню.

Главная задача, которую уже столько лет успешно решают организаторы международной выставки «Мы дети одной планеты», не требует особых разъяснений. Они создают для подрастающего поколения общее творческое пространство, поддерживают таланты, дают возможность начинающим художникам показать свои работы в разных точках мира. Так зарождаются и получают дальнейшее развитие межнациональные и международные связи, формируются позитивное поле общения и то, что принято называть народной дипломатией.

Покинув стены Музея археологии, конкурсные работы вошли в передвижную экспозицию. Ее увидели и еще увидят не только россияне, но и жители тех стран, чьи дети стали участникам 30-й по счету творческой встречи, которую можно сравнить с движением большой и сильной реки. Та же символика заложена и в концепции международного арт-проекта «Единый поток» — через искусство он объединяет людей разных национальностей, в очередной раз подчеркивая, что наша планета одна на всех.

У Белой горы в Бурятии, на острове Хоккайдо

Творческие поездки обогащают, а участие в крупных национальных фестивалях дает возможность познакомиться с культурой других народов. Для ансамблей «Сиун» и «Тасима» из села Ачан Хабаровского края каждая такая встреча важна еще и потому, что они могут рассказать о традициях коренных народов Амура, представить красоту их песенного и танцевального искусства.

В круге одера

Надежда ХОДЖЕР,

режиссер массовых представлений национального культурного центра «Силэмсэ»

Два года назад наши артисты побывали на эвенкийском празднике Больдёр, который традиционно проводится в Бурятии.

Больдёр («Встреча») – древний праздник эвенков, который всегда устраивали после окончания сезона охоты. Готовились к нему за несколько дней, обустраивались, ставили чумы в определенном месте. Во время встречи совет старейшин решал насущные проблемы своего народа. Много ночей горели костры, а собравшиеся брались за

руки, вставали в круг и танцевали эвенкийский танец одера.

Больдёр в Бурятии давно уже стал важным этнокультурным событием республиканского и межрегионального масштаба. Его главная цель - общение эвенков, налаживание контактов между представителями разных районов и приобщение подрастающего поколения к традиционной культуре, формирование толерантного отношения в обществе к культуре эвенкийского народа. В этот раз организатор праздника центр эвенкийской культуры «Арун» решил провести встречу на гостеприимной земле Баунтовского эвенкийского района в селе Багдарин. Гостей было много: Северо-Байкальского, делегации Курумканского, Закаменского, Муйского и Баргузинского районов Бурятиия и мы, представители Хабаровского края.

Первый день праздника проходил у священной Белой горы – культового места эвенков Баунта. Старейшины района встречали всех участников и гостей у костра, просили у духов благополучия, здоровья, процветания для всех. Следующим важным ритуалом стал обряд очищения чичипкан. Мы проходили через импровизированные ворота, и в это время должны были думать только о хорошем. Эвенкийская шаманка Светлана Воронина провела обряд кормления огня и поклонения священной Белой горе.

Основная часть праздника проходила на красочно оформленном стадионе, где заранее приготовили сценическую площадку и поставили чумы. Все участники Больдёра в сво-

ГЛАВНАЯ ТЕМА

их национальных костюмах прошли по центральной улице Багдарина в праздничном шествии, каждая колонна с флагом своего района. Во время торжественного открытия звучали приветствия на разных языках.

Начались конкурсы исполнителей эвенкийской песни «Урунни давлавун» – «Песнь радости», обрядов «Итыл» – «Живая нить традиций», хореографических национальных коллективов «Икэн тоголин» – «Костры одеры», шоу-дефиле эвенкийского костюма. Работала конкурсная выставка произведений народных художественных промыслов «Эвенки. Краски таежного мира», проходили соревнования по северному многоборью «Гукчанкит».

Частью этого большого праздника стал нанайский ансамбль «Сиун», показав свои лучшие номера «Пакси» – «Мастерицы», «Кэркар-кя», ритуальный шаманский танец «Унди». На шоу-дефиле дальневосточники продемонстрировали традиционную нанайскую одежду – женский свадебный комплект, халат из рыбьей кожи, мужской праздничный костюм и костюм воиновчжурчжэней, женский халат амири. На выставке-конкурсе произведений народных художественных промыслов «Сиун» соорудил свой чум, украсив его яркими нанайскими коврами, декоративными панно,

сувенирной продукцией. Традиционное жилище народа нани заметно отличалось от других чумов, оно привлекло внимание жителей Баунтовского района, и они не скрывали восхищения.

Торжественное закрытие праздника, жюри подводит итоги, начинается самый приятный момент. Народный нанайский фольклорный песенно-танцевальный ансамбль «Сиун» награжден диплом 2-й степени конкурса хореографических национальных коллективов «Икэн тоголин» – «Костры одеры», а национальный культурный центр

«Силэмсэ» дипломом «За соблюдение традиционных технологий» за участие в республиканском конкурсе-выставке произведений народных художественных промыслов «Эвенки. Краски таежного мира».

Завершился Больдёр этнодискотекой «Ночь одеры» и праздничным фейерверком. Поездка в далекую Бурятию, состоявшаяся благодаря финансовой поддержке компании «Полиметалл», стала для нас незабываемой. Мы приобщились к эвенкийской культуре и познакомили жителей этого региона с традициями коренных жителей Амура.

На языке радости

Нина ГЕЙКЕР,

художественный руководитель образцового фольклорного песенно-танцевального ансамбля «Тасима»

Артисты народного фольклорного ансамбля «Сиун» и детского образцового фольклорного ансамбля «Тасима» стали участниками Международного фестиваля «Дети мира», проходившего в 2019 году в Японии.

Мы вылетели из Токио и через два часа оказались на острове Хоккайдо, в городе Хакодате. Устроились в трех комнатах туристического центра. При входе разуваемся, обуваем удобные легкие шлепанцы. Общаться с организаторами фестиваля «Дети мира» приходится через «переводчика» в телефоне, так как мы не говорим ни на английском, ни на японском, а они на русском. Но понимаем друг друга, и это радует!

Два часа репетировали с детьми – прогнали концертную программу, затем представили свой мастер-класс, который будем про-

водить в школах и детских садах, на творческих встречах. «Команде» очень понравился наш мастеркласс – семинар, как они называют наш показ номера «Лесные голоса». Они и сами с большим удовольствием в нем участвовали – танцевали, изображали птиц, зверей, имитировали звуки их голосов.

А на следующий день первая встреча в детском саду. Выступление с концертной программой «Мы, дети природы!». Наши ребята – участники ансамбля «Тасима» – выступили отлично, а японские малыши очень эмоционально реагировали, особенно на сольное выступление Андрея Ходжера, который играл на муанэ. Прозвучал единый громкий возглас удивления и восхищения, радости! Затем мы провели с ними мастеркласс – звукоподражание различным птицам, медведю, поиграли на инструментах, на бубнах.

На другой день прошла встреча с детьми «дополнительного образования» – мы так сами их назвали. Ребята 7–10 лет воодушевленно и дружно стучат на японском барабане тайко, ловко играют в традиционные древние игры, развивающие моторику, а значит, и мышление, ловкость, внимательность! Они все поют – звонко, красиво. Аккомпанировал им на гитаре молодой человек – учитель музыки. Дети прекрасно идут на контакт с нами, обнимаются, улыбаются.

В очередной день нашего визита выступали в большом детском центре – морском! Его эмблема – золотой штурвал, а все дети – «капитаны», одеты в морскую форму. Нас встретили очень хорошо, мы обменялись подарками. Потом выступление в детском саду, который отличается от предыдущих тем, что работает в чисто японском стиле. На встре-

чу с артистами «Тасимы» и ансамбля танца из Тайваня привезли маленьких ребятишек. Снова все сидели на циновках, такая же яркая незабываемая встреча — наше выступление, затем мастер-класс. Мы учили детей подражать лесным голосам, стучать по бубнам, палочкам! Затем выступление тайваньских девушек, вручение подарков. Наши ребята дарили сувениры, которые сделали своими руками.

После ужина все делегации, приехавшие на фестиваль «Дети мира», представили свои «визитки» – творческие номера. Мы исполнили «Колыбельную» – «Бэ-бэ-кэ», и все колективы, наши волонтеры и даже представители мэрии Хакодате дружно нам подпевали. Потом один из чиновников признался, что, когда мы пели, он представлял природу, журавлей и реку... А мы радовались, глядя на выступление наших артистов, гордились тем, с какой самоотдачей все эти дни они отрабатывали концертные номера.

Финальный концерт «Детей мира». Зал полон – родители вместе с детьми. Закрытие проходило в филармонии Хакодате. Заключительный концерт открыли дети из ансамбля барабанщиков, затем «Тасима» с номерами «Шаманский», «Мэргэны», «Скороговорки» и хореографической композицией «Кэр-кар-кя». Вера Альбертовна Киле, балетмейстер ансамблей «Тасима» и «Сиун», исполнила сольный шаманский номер. Тайваньские девочки показали чудесный танец «Павлины», а младшая группа этого коллектива представила очень интересный игровой танец. Ребята из Южно-Сахалинска порадовали всех русским народным танцем, выступили весело, с задором! А завершили концерт организаторы фестиваля. Оказалось, все они творческие люди, музыканты, играют на различных инструментах, поют, танцуют.

Из Страны восходящего солнца мы увезли много прекрасных воспоминаний. О Тихом океане, поразившем своей бескрайностью, о достопримечательностях Хакодате, с которыми познакомились во время экскурсий. И глубокое чувство благодарности к организаторам фестиваля, которые приобщают японских детей к культуре других народов, а детей из других стран к культуре Японии.

В доме моей бабушки

Лина КОЛЬЮН

Хочу рассказать о *ньэзмула ытик* – моей любимой бабушке. На мне традиционный нивхский халат – *хухт* (фото справа), можно сказать, раритет. Она сшила его задолго до моего появления, еще в годы своей молодости. Халат выполнен по всем правилам, с плотным подкладом, воротником-стойкой. Узоры вышиты вручную, очень аккуратно, кропотливо, подол украшают металлические подвески. Обратите внимание на то, с каким вкусом подобраны цвета. Здесь нет буйства красок, потому что нивхский костюм всегда очень скромен, но при этом смотрится очень изящно. Со временем подклад подсел, поэтому халат выглядит немного мятым, но переделывать его рука не поднимается, хочется сохранить первозданный вид.

Моя бабушка никогда не была знатной мастерицей, но знала и умела делать все – национальные блюда, берестяную утварь. Она собирала дикоросы, в том числе лекарственные растения, заготавливала рыбу, делала вкуснейшую юколу – ма. Если кто-то в семье простывал, бабушка бросала на печку веточку можжевельника. Если у кого-то болел живот, заваривала в чайничке багульник, а в кастрюле варила ршак выньх – полезный рисовый суп особого приготовления. Среди ее запасов всегда имелся шиповник – сушеный или в виде варенья с косточками и без. Царицей стола всегда считалась чо (рыба), которую мы ели каждый день. Исключением были дни, когда на столе была дичь, либо в осенний сезон лан'р тюс (нерпичье мясо), добыча которого тоже требовала умения, чтобы оно было «правильное», то есть вкусное.

На фото слева бабушка готовит нивхский десерт *мос* из рыбьей шкурки и ягод – процесс очень трудоемкий. Приготовить юколу тоже целая наука, требующая определенных знаний и умений.

Зимой бабушка давала нам шкуру нерпы, и мы катались на ней с горы. Садиться нужно было правильно, чтоб скатываться по направлению шерсти, иначе «сани» не едут.

С детства бабушка учила меня, а потом и заставляла (благодарна ей за это) вышивать нивхский узор – нивх тагс. Часто брала с собой на марь собирать алску (алс – ягода), давала в руки мулк (берестяное лукошко) и всегда оставляла под каким-нибудь деревом или кустом гостинцы для лесного духа Поди. Однажды мы с бабушкой попали под проливной дождь. Увидели, как быстро надвигаются тучи, решили возвращаться домой, но как всегда именно перед уходом с мари находишь огромные кусты с крупной ягодой, мимо которых пройти нельзя. Так буквально за одну минуту мы с ней стали как тот самый хыйк (зайчик), который весь до ниточки промок. Добежав до первого дома, переждали, когда закончится ливень. Раньше ведь можно было зайти в любой дом не боясь, что выгонят. Двери всегда были открыты для всех в любое время суток.

Летом иногда бабушка давала мне ведерко и отправляла на берег за дровишками. Когда к ней в гости приходила какая-нибудь бабушка-подружка, они обязательно начинали что-то «курлыкать» на нивхском.

Бабушка родилась в 1936 году. Она дочь репрессированного. Ее отца звали Чижик. Иногда бабушка вспоминала о голодном военном и послевоенном времени, рассказывала, что натуральным образом пухла с голоду. Не умереть ей помог *m'ом* – рыбий жир, который раньше заготавливали в больших бочках. Ее с чашкой отправляли за ним, она сначала отхлебывала сама, потом несла в дом.

Выйдя замуж за Григория Кольюна, родила четверых детей: двоих дочерей и двоих сыновей. Бабушка всегда собирала нас, своих детей и внуков, в своем доме. Быть может, поэтому мы стали так дружны. Дом ее находился в селе Алеевка прямо у берега Амура.

В общем, у меня была замечательная *ытик* (бабушка) – Таисия Кольюн, в девичестве Чижик. Но все называли ее просто баба Тося.

Рукотворная хакуа

Какими были игрушки ульчских детей

Вероника ДЕЧУЛИ, Герман ДЕЧУЛИ, Ксения МУРАШОВА, ученики 5А класса средней школы с. Булава Ульчского района Хабаровского края

Сегодня не каждый ульчский ребенок знает, как выглядят игрушки его предков. И все потому, что на смену им пришли современные куклы-монстры Хай, Винкс, Братц, а также Барби и Кен, компьютерные игры. Да, они красивые, привлекательные и нравятся детям, но в них не прослеживается связь с народом, его прошлым.

Выбрав тему своего исследования, мы хотели узнать, какими в давние времена были ульчские игрушки, и особенно куклы, из чего их делали, как в них играли и что они значили. В этом кроется не только познавательный интерес, но еще и стремление знать и помнить прошлое своего народа. Потому что рукотворная кукла — часть народной традиции. Когда ребенок делает ее сам, он прикасается к истории своего народа.

Мы познакомились с литературой, рассказывающей о национальных игрушках коренных народов Амура, с технологией изготовления куклы хакуа и провели для ребят из нашей школы мастер-класс, который показал, что старинные игрушки интересны современным детям. Наша исследовательская работа имеет теоретическую и практическую значимость, потому что ее можно использовать на уроках технологии, на внеклассных занятиях. Во время изучения этой темы выяснилось, что традиционные игрушки ульчей еще недостаточно исследованы, поэтому мы решили внести свой вклад.

Игрушечная магия

Традиционная игрушка – своеобразный ключ к пониманию забытых обрядов, обычаев, ритуалов. Декоративный язык мастера, который делал эти предметы, показывает своеобразие древнего искусства. В игрушке народов Приамурья отмечается соединение мифологии и религии, игры и реальности. В первобытном обществе игра не была отделена от магии, искусства, танца, поэтому игрушка не отделялась от предметов раннего культа. Нередко она даже считалась оберегом.

Ульчскую игрушку можно назвать этнокультурным памятником, изучение которого дает возможность понять ее роль в формировании мировосприятия детей. Через игрушки и взаимодействие с ними дети познавали окружающий мир, приобщались к традициям и обычаям рода. В исследованиях российских ученых говорится о том, что игрушки у ульчей во многом связаны с природными культами, культами предков. В них не только орнамент, но и материал несет сакральный смысл, а их изготовление тоже является особым ритуалом.

Игрушки изготовлялись из самых разнообразных материалов – кожи и плавников рыбы, перьев птиц, голов-

Авторы исследовательской работы «Ульчская игрушка хакуа» Вероника Дечули, Ксения Мурашова, Герман Дечули

ной кости толстолоба, ракушек, болотного мха, тальника, бересты, меха, ткани, бумаги, картона, железа. Существовал ряд запретов, и главный из них такой: игрушка не должна быть похожей на живое существо, нельзя обозначать у нее глаза, а иначе в нее может вселиться злой дух и навредить ребенку. Именно это отличало детскую игрушку от других стилизованных изображений, которые делали для ритуальных обрядов взрослых.

Для будущих воинов и хранительниц очага

Хупуку – так называют детскую игрушку ульчи. Традиционные забавы можно разделить на три группы: для девочек, для мальчиков, а также общие, которыми играли все дети. Для девочек их мастерили матери, бабушки или родственницы, для мальчиков – отцы, братья, мужчиныродственники. Общими игрушками считались костяные бабки, двухлопастное весло, маленькие нарты, санки. Будущая хранительница очага играла в куклы. Затевая игру

Ученики 1А класса за работой

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Мастер-класс в 4Б

Мастер-класс в 1А

Куклы хакуа, изготовленные учениками 1А и 4Б классов

и повторяя те же действия, что и ее мать, бабушка, девочка училась житейским премудростям. Еще среди игрушек имелась фигурка лебедя, составленная из косточек головы карася, мышь из косточки на нёбной части ленка, деревянная колодка и колотушка для обработки кожи рыбы, чашки, тарелки, миски из дерева, бересты или глины.

У мальчиков были игрушечные лук и стрелы, фигурки человека, домашних животных, зверей, птиц, пресмыкающихся из дерева, бересты, кости, глины, а также свисток, манок, мяч, клюшка, травяной мяч и острога-ловушка для него. Будущие кормильцы семей играли с деревянными фигурками охотников, воинов, собачек, зверей, птиц, которые в игре становились персонажами какого-нибудь бытового, а порой сказочного, мифического или шаман-

ского сюжета. Все эти игры развивали навыки охотника, поэтому родители изготавливали для своих ребят всевозможные модели ловушек, манки из костей птиц, животных, стеблей растений; мастерили свистки, с помощью которых можно было подражать голосам птиц и животных. А для развития ловкости мальчиков обучали игре с мячом.

Из жизни куклы

Кукла – детская игрушка в виде фигуры человека, а также фигура человека или животного в специальных театральных представлениях. Такое определение можно прочитать в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова. Традиционная ульчская кукла не совсем соответствует этому определению, так как у нее нет лица, туловища, рук и ног. В научной литературе национальные куклы подразделяются на три вида: игрушка для детей; объект культового назначения для взрослых (кукла-оберег, кукла-сэвэн, кукла-амулет, шаманская кукла, кукла-покойник, кукла, предназначенная для гадания, кукла-врачеватель); куклы, представляющие различные фантастические изображения, о назначении которых до сих пор нет точных сведений.

Существовало два типа кукол для детей: плоские, вырезанные из бумаги или ткани, и объемные, сделанные из дерева или материи. Объемную деревянную куклу размером 15–20 сантиметров ульчи называли момо пиктэ – деревянный ребенок. Девочка давала ей имя, укладывала в берестяную люльку, качала, напевала те же песни, какие поет своему малышу мать. В отличие от плоских кукол, которые в большинстве случае изображали взрослых персонажей, объемные деревянные и матерчатые куклы символизировали грудных детей.

Плоская кукла называется хакуа. За исключением головы она имеет плоскую форму. Голову обычно делали из белой тряпочки, которая, кроме лицевой части, обшивалась черной материей (волосы), переходящей сзади в свободно свисающие полоски (косы). Посередине головы делали пробор, состоящий из узенькой бумажной полоски белого цвета. Матерчатая голова пришивалась или приклеивалась к плоскому бумажному, матерчатому или сделанному из рыбьей кожи туловищу трапециевидной формы. У хакуа нет рук и ног. Одежда не прикрепляется и не надевается на фигурку, а лишь прикладывается к ней сзади и прижимается к туловищу при помощи кос. Такой способ позволяет менять на куклах одежду с большей легкостью.

Среди хакуа встречаются также куклы без головы, но с косами-полосками, приклеенными к верхнему краю туловища. Чтобы обезопасить ребенка от злых духов и надежнее закрыть все входы и выходы в игрушку, на ее тельце-халат наносились полоски, имитирующие орнамент-оберег, как на настоящей одежде. Кроме того, куклы различались по прическе, одежде, украшениям. Например, у хакуа могли быть ушные серьги из бусинки, колечка или шерстинки.

У каждой девочки имелся кукольный инвентарь: подстилка-матрас, тюфяк *сэктэпун*, длинная подушка-валик *тирэпту*, одеяло *пулта*, коврик *хадач*, покрывало. Халаты представляют собой наиболее интересную часть кукольного гардероба. Они состоят из одного или нескольких кусочков бумаги, материи, кожи или меха и украше-

ны только на спинке. Так же орнаментируют и настоящую традиционную одежду, которая богаче всего украшена именно со стороны спины.

«На ночь» девочка укладывали своих кукол «спать». Когда наступал «день», на стену, около которой велась игра, вешали особые настенные коврики-циновки из тростника, соломки, бересты или бумаги. Когда игра заканчивалась, кукол и весь игрушечный инвентарь убирали в специальную берестяную коробку с крышкой, тоже богато украшенную орнаментом.

Вопросы и ответы

Изучение ульчских игрушек оказалось увлекательным. Собранный материал расширил наши познания о жизни и культуре ульчей. Мы решили установить, что знают о них наши земляки, и провели опрос среди жителей села Булава, возраст которых старше 50 лет – всего 104 человека. Анкета состояла из семи вопросов, а полученные ответы позволили сделать наше исследование наиболее полным.

На вопрос «Знаете ли вы ульчские игрушки?» 87 % опрошенных ответили «да» и 13 % – «нет».

На вопрос «Какие ульчские игрушки вы знаете?» мы получили развернутые ответы: кукла хакуа и связанный с ней инвентарь (покрывало, одеяло, подушка, матрас, коврик, чашки, тарелки, миски); фигурки животных, вырезанные из дерева; различные игрушки из глины; птицы из косточек рыб; игральные кости; лук и стрелы, свисток, манок, погремушки, маленькие нарты, сани, мяч, набитый шерстью или травой.

На вопрос «Делали ли вам в детстве традиционные игрушки ваши родственники?» 78 % ответили «да» и 22 % – «нет».

На вопрос «Делали ли вы ульчские игрушки своим детям?» 18 % ответили «Да» и 82 % – «Нет».

На вопрос «Играли ли вы сами в детстве ульчскими игрушками?»: 89 % опрошенных – «играли» и 11 % – «не играли».

На вопрос «Играли ли ваши дети ульчскими игрушками?»: 8 % опрошенных – «играли» и 92 % – «не играли».

На вопрос «Какое значение для ульчского народа имели игрушки?» отвечали следующим образом: «Учили детей труду и правилам поведения»; «Они имели развивающее значение, развивали навыки рукоделия»; «То же, что и для других народов: развивали, обучали»; «Развивали моторику, реакцию»; «Дети приобщались к культуре и традициям своего народа».

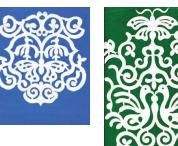
Таким образом, небольшое социологическое исследование позволяет сделать вывод о том, что большинство респондентов знает ульчские игрушки. Они ими играли в детстве, их им делали родственники, но для своих детей большая часть опрошенных уже не изготовляла традиционных кукол и других предметов для игр. Можно предположить, что это связано с появлением большого количества современных игрушек, их разнообразием и возможностью купить в магазине. И все же мы считаем, что даже в наш компьютерный век современным детям нужна рукотворная традиционная игрушка. Изготавливая ее и играя, они приближаются к искусству своего народа, сохраняя его традиции. Мы гордимся тем, что являемся наследниками богатой и своеобразной культуры ульчей.

Плоская кукла хакуа

Халаты

Кукольный иннвентарь – покрывала

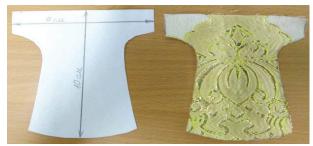
Кукольный иннвентарь – одеяла

Хакуа. Мастер-класс

Занимаясь нашим исследованием, мы познакомились с технологией изготовления некоторых ульчских игрушек и решили научить этому ребят первого и четвертого классов нашей школы. Выбрали куклу хакуа. Дети с интересом принялись за дело, с удовольствием рисовали национальные узоры, расписывали наряды кукол. Потом из этих работ мы сделали творческую выставку.

Итак, для хакуа необходимы следующие материалы: цветная бумага, картон, ножницы, клей ПВА, яркая ткань, белая ткань, вата, нитки, шерстяные нитки, иголка, бисер, пайетки.

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Трафарет № 1 «халат»

«горловина»

Трафарет № 4 и 5 «подол»

Туловище

Готовая кукла

Для начала нужно подготовить трафареты № 1 «халат», № 2 и 3 «горловина», № 4 и 5 «подол».

Трафарет № 1 «халат»: лист бумаги складываем пополам, рисуем контур халата и вырезаем по линии контура.

Трафарет № 2 и 3 «горловина» : лист бумаги складываем пополам, рисуем контур горловины и вырезаем по линии контура. Получился трафарет № 2. Трафарет № 3 выполняется по такой же схеме, как «подол», то есть на 0,5 см больше.

Трафарет № 4 и 5 «подол»: трафарет «халат» накладываем на лист бумаги, обводим нижнюю часть и по 0,5 см вверх с каждой боковой стороны. От нижней линии вверх по 1 см в нескольких местах ставим точки и соединяем плавной линией. Получилась изогнутая полоса – трафарет № 4.

Трафарет № 5 делаем по такой же схеме, как № 1, но с шириной 1,5 см.

Изготовление туловища

На цветной картон накладываем трафарет «халат», обводим и вырезаем. Вариант: на простой картон можно приклеить цветную ткань. Получится ярко и необычно.

На цветную бумагу накладываем трафареты «подол» № 4 и 5, обводим и вырезаем. Склеиваем по нижней части оба трафарета. Получается подол «два в одном» с тонкой полоской в верхней части. Его приклеиваем к нижней части «халата». Украшаем пайетками, бисером.

На цветную бумагу накладываем трафареты «горловина» № 2 и 3, обводим и вырезаем. Склеиваем по центру – получится горловина «два в одном». Приклеиваем ее на «халат» посередине верхней части. Украшаем пайетками, бисером.

Изготовление головы

В белую ткань размером 7 х 7 см кладем кусочек ваты, собираем плотный шарик, расправляем одну половину (это будет лицо), крепко по линии шеи перетягиваем белой ниткой и продолжаем обматывать вниз примерно на 1,5–2 см. Закрепляем нитку и отрезаем остаток ткани.

Нарезаем черные шерстяные нитки длиной примерно по 15 см, складываем пополам. Равномерно распределяя, пришиваем их по линии пробора на заготовку головы от лба до затылка – получились две косы. Каждую косу делим на три части и заплетаем, завязываем «бантик» из кусочка ниток другой расцветки или тонкой ленточки.

Привязываем на голову узкую яркую ленту, украшенную бисером, пайетками. Пришиваем сережки-бусинки.

Сборка куклы хакуа

Шею приклеиваем на обратную сторону халата так, чтобы лицо совмещалась с его украшенной стороной. Две косички располагаем впереди на халате. Игрушка готова.

> Руководитель исследовательской работы Светлана ВЕТКАН

Литература

- 1. Гонтмахер П.Я. Ульчи. Человек. Время. Культура. Хабаровск, 2003.
- 2. Иванов С.В. Орнаментированные куклы ульчей // Советская этнография. 1936. № 6..
- 3. Малакшакова В.Б. Ульчи: Каталог коллекции из собрания Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова. Хабаровск, 2017.
- 4. Смоляк А.В. Хозяйственная культура и быт в прошлом и настоящем. Москва. 1966.
- 5. Соболевская Н.А. Игрушка народностей Приамурья как этнокультурный памятник. Хабаровск, 1992.
- 6. Соболевская Н.А. Традиционная игрушка Дальнего Востока: рождение, одушевление, «оживление» // Словесница искусств, № 2 (16). 2005.

В одном котле

Свадебные обряды коренных народов Амура

Александра ДЕЧУЛИ,

ученица 10-го класса средней школы с. Булава Ульчского района Хабаровского края

Свадебная церемония у разных народов мира всегда занимала особое место. Наши предки относились к своим традициям очень серьезно, потому что с этим было связано продолжение рода. К сожалению, многое теперь забыто. Я живу в амурском селе Булава и знаю, что молодые ульчи сегодня не соблюдают свадебных обрядов предков и вообще практически не знакомы с ними. Свадьбы, конечно же, играют, но они давно лишены исконных традиций. Поговорив с учениками 5-11-х классов своей школы и опросив в общей сложности 110 человек, я узнала следующее. На вопрос «Знаете ли вы чтонибудь о традиционном свадебном обряде?» положительно ответили только пять человек. А на вопросы о том, какие свадебные обряды существовали в культуре ульчей и когда в последний раз проводилась традиционная ульчская свадьба, никто не ответил.

Поэтому захотелось узнать как можно больше о традициях моего народа, чтобы рассказать сверстникам и всем, для кого важна историческая и родовая память.

Кладезь знаний

Вопросами языка, культуры, происхождения малочисленных народов Севера, относящихся к тунгусо-маньчжурской группе и проживающих сегодня в Приамурье и Приморье, еще в конце XIX — начале XX века занимались известные ученые и исследователи Л.И. Шренк, Р.К. Маак, Л.Я. Штернберг, С.К. Патканов, И.А. Лопатин, а позднее, уже в советское время, большой вклад в дальневосточную этнографию внесли Н.К. Каргер, Т.И. Петрова, Е.П. Орлова, В.И. Цинциус, Г.М. Василевич, А.В. Смоляк, О.П. Суник и многие другие. Обогащают науку современные исследователи — представители коренных народов: лингвисты С.В. Ангина, Г.Г. Вальдю, создатели букваря ульчского языка для первого класса К.Ф. Дечули, Н.П. Дечули, С.П. Дечули, Т.Б. Матвеева.

Сегодня среди коренного населения Хабаровского края осталось мало тех, кто смог бы полно ответить на вопросы, связанные с их происхождением, этнической культурой. Авторы в своих публикациях используют, в первую очередь, сведения, которые оставили нам в этой области ученые прошлых столетий. Занимаясь своим исследованием, я общалась с известным нанайским писателем Константином Мактовичем Бельды, автором книги «Предания земли нани». Именно от него я узнала нанайское слово «саран», что означает «свадьба», и это было очень ценно для моей работы. Еще я многое спрашивала

у моей прабабушки Анны Ильиничны Дяфу, консультировалась с Лилией Петровной Дечули, Светланой Петровной Дечули, Ольгой Александровной Бельды, Натальей Алексеевной Кучекта. Информация, которой они щедро делились со мной, была познавательной и интересной.

Зажечь лампу

Свадьба у ульчей была общественным праздником. Поэтому к ней готовились тщательно и заранее. Будущая невеста с помощью бабушки или матери уже в детстве начинала шить себе приданое. Работы было много, так как свадебный наряд состоял из пяти халатов! Они надевались один на другой, и каждый был украшен множеством вышивок. Важный элемент орнамента — родовое древо с птичками, которые олицетворяли души еще не родившихся детей. Он должен был обеспечить молодой семье многодетность. Поверх халата невеста надевала передник с тяжелыми подвесками-оберегами. На голове у нее была шапочка, на ногах — расшитые унты. В день отъезда в новый дом невесте заплетали волосы, и в косу вплетали три черные ленты и одну красную.

Ульчский свадебный обряд включал сватовство, праздничное застолье и переезд невесты в дом жениха. Считалось неприличным быстро соглашаться на предложение сватов, и иногда переговоры затягивались на неделю. Когда приходили к согласию, определяли дату свадьбы.

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Холгой М.З. Шапка женская свадебная тугдема апу. Ульчи. Первая половина XX в. Мех, металл, x/б ткань, шелк, кожа, шитье. XKM

Сыды Ч.Е. Обувь женская свадебная пэтэлмэ ута. Ульчи. 1964. Кожа, х/б ткань, нитки, мех; шитье, аппликация, вышивка. ХКМ

Обычно свадьбы игрались три дня. Сначала гости собирались в доме невесты, а потом – жениха. В обоих домах делали обряды жертвоприношения духам – покровителям рода и высшим божествам. Например, невеста должна была наступить в котел, стоявший у входа в дом мужа. Затем котлы менялись, что означало обмен счастьем.

При выборе невесты важнейшую роль играло имущественное положение ее родителей: более состоятельные старались взять девушку с большим приданым. Во время сватовства обсуждались вопросы калыма и приданого. Когда обе стороны приходили к соглашению, в дом звали родственников отца невесты в качестве свидетелей. Сговор пандаву завершался пиром, который иногда продолжался два-три дня. Знакомство акпандаву жениха и невесты происходило через два-четыре месяца, когда родители жениха привозили часть калыма. В первую же ночь жених и невеста спали на нарах около отца невесты (акпандаву буквально означает «ложиться спать»). Через два-три дня, договорившись о дне свадьбы, жених с родителями уезжал. Свадьбу назначали через несколько месяцев, через полгода и даже через год-полтора, потому что подготовка приданого и особенно калыма иногда требовала большого срока.

В определенный заранее день приезжал жених вместе со своей матерью и другими родственницами, а иногда и отцом – на нартах или в лодке. Они привозили калым, водку, угощение. Пирушка в доме невесты продолжалась два-три дня, но жених с родственниками, даже если они жили в том же селе, ночевал в доме невесты.

Все расходы по организации пира несла семья жениха. Невеста покидала дом отца в послеобеденное время. Перед ее уходом совершали специальный обряд. Жениха и невесту подпоясывали поясами из тонких стружек и сажали на нары или на скамью; между ними ставили деревянное корытце, наполненное кашей, ягодами, мел-

ко нарезанной юколой. Затем эту посудину отец невесты уносил в тайгу и там, обращаясь к духу – «хозяину земли» на эдени, просил его о покровительстве, благополучии брака и предлагал ему угощение. Вернувшись, отец невесты снова ставил корытце между женихом и невестой, и тогда молодые и их родители доедали оставшееся кушанье.

Когда невеста выходила из дома, ей приходилось «топтать котлы». Специально для этого обряда жених привозил в дом невесты новый котел на трех ножках. Родители невесты тоже заранее готовили такой же по размеру котел. Девушка наступала в стоящие у порога два котла оди. При этом котел жениха ставился внутри дома, котел невесты – снаружи. Котел жениха оставался в доме родителей невесты, и они его бережно хранили. Котел невесты перевозили в дом жениха и ставили у порога внутри жилища, а снаружи размещали любой небольшой котел или даже просто клали большой плоский камень. Входя в дом жениха, невеста опять наступала в котел. Он становился семейной реликвией, его хранили долгие годы.

Невесту от ее дома к нартам или лодке вела под руку старушка – родственница жениха. На этом этапе следовало совершить обряд оусучу: к отъезжающей лодке или нартам привязывали длинную веревку, конец которой удерживал отец невесты или его родственники. Родственники жениха кричали: «Ваше счастье, сопки, – все с собой забираем», а родня невесты отвечала: «Хурэм хокло кадал калта» («Забирайте сопку, половину скалы»).

В лодку невесты укладывали все приданое, вместе с ней усаживались ее мать и родственники жениха, сам же он ехал с товарищами в другой лодке. От лодки до дома жениха невесту вела под руку все та же женщина. Невеста привозила с собой берестяное блюдо *итуа* с угощениями, приготовленными ее матерью, и потчевала новую родню, начиная с самых старших членов семьи, а

также соседей. Свадебную пищу по маленькому кусочку разносили в дома тех односельчан, которые не присутствовали на пире, посылали понемногу родственникам в соседние селения. Затем невеста по очереди угощала стариков привезенной из дома водкой. Каждый из них, прежде чем выпить, брызгал водкой на семейных деревянных идолов – «охранителей», на мали – священную часть дома, приговаривая: «Чтобы вам счастья, детей побольше», целовал невесту в обе щеки и желал счастья. Жених угощал водкой всех, при этом он перед каждым становился на колени. Невеста шла с ведрами к реке и на берегу разбрасывала немного крупы – «кормила хозяина земли». Она приносила воду, и ее пили все гости.

Праздник иногда затягивался надолго. Мать невесты находилась здесь два-три дня. Если родители жениха и невесты жили в одном селе, молодая не должна была в течение первого месяца заходить в дом отца. Если же молодые супруги были из разных сел, обычно они впервые посещали дом отца новобрачной лишь через несколько месяцев. Когда молодая женщина приходила к своим родителям, ее отец уходил в тайгу и там совершал жертвоприношение «хозяину» земли.

Обычай женитьбы на девушке из рода матери поульчски называется *ихэрэ тауди*. Буквально это означает «зажечь лампу». Ульчи говорят: «Каждая мать стремилась к тому, чтобы после нее осталась женщина из ее рода, которая бы вместо нее «лампу зажигала». Есть и другая трактовка: женщина стремилась, чтобы был продлен ее род, ее дорога. Обычай *ихэрэ тауди* связывают также с необходимостью передать женщине из своего рода приданое, полученное ее матерью при замужестве.

В брачных нормах ульчей сохранялись и другие древние черты. Традиционной считалась женитьба на дочери брата матери, двух братьев из одного рода на двух сестрах из другого рода, обменные браки брата и сестры из одного рода с братом и сестрой из другого рода, женитьба на двух сестрах (при полигамном браке, при моногамном часто женились на сестре умершей жены), на племяннице – дочери сестры. Брак с племянницей, как и обменные браки, давал возможность небогатым ульчам не платить калым.

Интересно рассмотреть традиционную одежду наших предков. Все девушки до замужества носили специальное украшение для волос – патанги. Заплетали две косы, потом соединяли их в одну и вплетали патанги. Маленькие девочки носили налобные повязки хэрэкэ. После замужества волосы заплетали в две косы и фиксировали сзади или спереди короной. Или же в распущенные волосы вплетали исача – тонкие черные тесемки. Прическа ульчанки зависела от возраста. Молодые ходили с распущенной косой, те, что постарше, делали корону.

Белье невесты выполняло оберегающую функцию и состояло из штанов *пэру* с орнаментом в нижней части живота и нательного передника, украшенного бронзовыми подвесками *кумпэ* и *ачи*, раковинами *каори*. Ноговицы гару шили обязательно из китайского шелка. Нижний халат был из хлопка, без подклада *покто*. Затем следовал халат из такой же ткани, но с подкладом *капчума*. Поверх этого надевали шелковые халаты. Если девушка выходила замуж зимой, ее костюм завершала шуба эру – из соболя, лисы, овчины. Бедные люди носили шубы из шкуры собак.

Девушки-подружки надевают на невесту головной убор и пояс. 2000. Нанайцы. Фото В.А. Спидлена

Жених в свадебном костюме с матерью. 2000. Нанайцы. Фото В.А. Спидлена

Нижняя одежда мужчин состояла из короткой тканевой рубашки энггэрэгдэ покроя кимоно с длинными рукавами, глубоким запахом (левая пола застегивалась на правом боку) и стоячим воротником, а также матерчатых коротких штанов пэру и ноговиц гару, удерживавшихся при помощи специального пояска тэлэ. Зимние ноговицы делали на вате или из собачьего меха — ингдаксама гару. Верхней одеждой служили матерчатые халаты капчума, зимние простеганные на вате халаты лэбэли, короткие куртки чаа тэтуэ. Орнамент на мужской одежде встречался редко.

Состоятельные ульчи носили шубы из меха лисиц – суликсама эруэ (суликса – лисья шкурка), покрытые сверху хлопчатобумажной или шелковой материей. Выглядели они как обычный халат. Мех выдры считался дорогим, поэтому его употребляли лишь для опушки. Одежду, рукавицы, шапки украшали камусами белок, выдр, соболей, собак. Шубы, как и халаты, иногда носили с поясами и нарукавниками.

Для праздников и свадеб шили мужские халаты сикэ из материи с застежкой спереди посередине и женские бусума арми с застежкой на правом боку. Такие халаты с рукавами до локтей обычно украшались на спине аппликациями или вышивались гладью; по подолу на них нашивали орнаменты из кусочков раскрашенной рыбьей кожи, разноцветные собачьи ка-

ГЛАВНАЯ ТЕМА

мусы. Оригинальной праздничной и свадебной одеждой ульчей были также орнаментированные ровдужные халаты урпичэ.

Пир на весь мир

Свадебные обряды нанайцев и ульчей во многом схожи. Семья у нанайцев к концу XIX – началу XX века была патриархальной. В нее входили кровные родственники, иногда встречались и чужеродцы. Семья группировалась по двум основным признакам – кровного родства или брачных уз. Главным условием создания новой семьи являлось строгое следование экзогамным нормам. Внутри рода браки строго запрещались. Несоблюдение этого табу осуждалось сородичами и строго наказывалось. Если кто-то из молодых его нарушал, их изгоняли из селения, рода. Таких людей называли особыми терминами, носившими оскорбительный характер: щука кору, заяц – тукса, ворона – гаи. Недозволенные брачные или добрачные связи карались вплоть до смерти, так как считалось, что они порождают самых страшных злых духов – сэккэ или сатька, которые поедают души родственников и их детей.

Если невеста с детских лет воспитывалась в доме своего будущего супруга, свадебные церемонии перед браком не совершали. Значительно сокращался свадебный обряд и при обменном браке. Если девушка вступала в семью брата ее умершего мужа, специальных обрядов тоже не существовало, ведь считалось, что она оставалась в этом же роде. Практиковался обмен женщинами между двумя семьями – дюэнди, дюэчин, что означало «обменяться». Иногда будущих супругов могли обручить еще в младенчестве. Такой обряд назывался саича, то есть отметка, отмеченная, обрученная. В жены могли взять младшую сестру умершей жены. Существовало и такое правило: брат женщины, убитой мужем нечаянно или из ревности, мог требоваться в жены сестру ее мужа. Чаще всего приобретали жен за калым – тори.

Свадьба у нанайцев тоже представляла собой сложную обрядовую систему – сватовство, добрачные церемонии, свадебная процессия, послебрачные ритуалы. Нередко сватовство растягивалось на несколько лет, а начиналось все с того, что родители взрослого сына старались разузнать, у кого имелась дочь на выданье. Подобрав сватов, родители жениха отправлялись на сватовство – мэдэликучи энэй. Они приезжали в стойбище, где жила невеста, и останавливались у ее родителей. Вели разговор о посторонних делах, обменивались новостями. Гости вынимали специально привезенную водку, но родители принимали угощение только в том случае, если были согласны на брак дочери.

Когда удавалось договориться, сваты без промедления уезжали домой и начинали готовиться ко второму визиту — енгси. Это слово встречается в нанайском, ульчском и родственных им тунгусских языках и переводится как свадебный пир, угощение, столование, свадьба. В приезд енгси сваты обговаривали размер калыма — торива токтори и время его выплаты. Тори состоял из денег, одежды из бараньего меха — балдаксама тэтуэ, тюков шелка — сэурэ гулухин и т. п. Вернувшись с енгси, родители и родственники жениха начинали готовить калым, и в этом им помогали все родственники.

Когда все необходимое было собрано, отправлялись с третьим визитом – *дэгбэлику* – примерно через год после сватовства.

В этот раз тоже привозили специальную водку – дэгбэлику аракини в особой керамической посуде – кагба. Обычно приезжали во второй половине дня, потому что часть калыма передавали только с наступлением вечера, и лишь потом можно было угоститься праздничным напитком. В этом случае водку наливали молодым, причем оба они стояли перед своими родителями. Затем жених угощал всех присутствующих, никого не обделяя, а перед старшими становясь на колени и выслушивая наказы и пожелания. Родители невесты стелили молодым постель: эту ночь им разрешалось провести вместе.

После дэгбэлику родители жениха возвращались домой, начиналась подготовка к встрече невесты и ее родственников. А родители невесты в свою очередь готовились к последнему этапу свадебного цикла – проводам и свадьбе. В день проводов девушка прощалась с подружками и родственниками. Перед тем как идти к лодке, она брала кочи, наливала в нее водку, подносила отцу и матери. Перешагивая порог родительского дома, нанайская девушка, тоже по старинному обычаю, «топтала котлы», после чего направлялась к свадебной лодке гила. На берегу ее встречал жених с сородичами, и здесь же дорогих гостей начинали угощать водкой. А невеста, вновь совершив ритуал с котлами, входила в дом будущего мужа и сразу начинала хлопотать по хозяйству. Начинался веселый свадебный пир, который длился несколько дней, а то и недель.

> Руководители исследовательской работы Екатерина ДИГОР, Наталья КУЧЕКТА

Литература

- 1. Ангина С.В. Ульчско-русский тематический словарь. СПб.: филиал изд-ва «Просвещение», 2005.
- 2. Вальдю А.П. Месяц первых цветов. Избранные произведения. Хабаровск: Кн. изд.-во, 2005.
- 3. Вальдю Г.Г. Словарь ульчско-русский и русско-ульчский. Богородское: издательство «Амурский маяк», 2005.
- 4. Гаер Е.А. Традиционная бытовая обрядность нанайцев в конце XIX начале XX в. Хабаровск: Платина-Хабаровск, 2012.
- 5. Гонтмахер П.Я. Ульчи. Человек. Время. Культура. Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2003.
- 6. История и культура ульчей (XVII–XX вв.): Историко-этнографические очерки. Санкт-Петербург: «Наука», 1994.
- 7. Краски земли Дерсу. Фоторассказ об искусстве малых народов Приамурья. Хабаровск: Кн. изд.-во, 1982.
- 8. Оненко С.Н. Нанайско-русский и русско-нанайский словарь. Л.:
- 9. Сипин Н.С. Случайные заметки (размышления об этногенезе коренных малочисленных народов Амура и Сахалина). Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2013.
- 10. Смоляк А.В. Ульчи: хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. Москва: «Наука», 1966.
- 11. Суник О.П. Словарь ульчско-русский и русско-ульчский. Л.: Просвещение, Ленингр. отд-ние, 1987.
- 12. Ульчи: Каталог коллекции из собрания Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова. 2017.
- 13. Кинофильм «Ульчская свадьба». Центрнаучфильм: объединение географических фильмов, 1968.

Гармония целого

«Жили-были...» в Дальневосточном художественном музее

Ольга КОНОВАЛОВА

Выставка в музее – всегда событие, всегда возможность явить зрителю знакомые вещи в новом ракурсе или показать работы, которые годами стоят в запасниках. Вдвойне интересно, если авторами тематической экспозиции становятся два разнопрофильных музея. Летом этого года Дальневосточный художественный музей и Музей истории города Хабаровска провели выставку «Жили-были…».

Прялка корневая северодвинская с борецкой росписью. Архангельская губерния. Конец XIX – начало XX в.

Гребень. Архангельская губерния. XIX в.

Собрание сравнительно молодого Музея истории города Хабаровска, созданного в 2004 году, на сегодняшний день насчитывает более 9 000 экспонатов. 90 из них показаны в рамках этого уникального проекта, потому что многие произведения представили впервые. Впервые в музейных стенах экспонировались предметы русского крестьянского искусства. Специфика Дальневосточного региона предопределила тематику показа декоративных предметов быта через прикладное искусство проживающих здесь народов. На выставке «Жили-были...» демонстрировались костюмы, прялки, посуда, бытовые приспособления Архангельской, Ярославской, Тульской, Вологодской губерний, а также древнерусские амулеты XI-XII веков.

Главным украшением экспозиции стали прялки – корневые, столбчатые и точеные, с ракульской, борецкой и мезенской росписями. Непременный атрибут крестьянского быта, украшенные резьбой и росписью, они превратились не только в символ семейного благополучия, но и в произведения искусства. Как правило, в декорировании предметов народного искусства присутствуют образы, отражающие эстетические и мифологические представления народа: птицы, кони, древо жизни, знаки-символы земли, воды и, конечно, солнца. Создаваемые столетиями предания, сказки, легенды нашли зримое отражение и в вышивке, и в росписи и

резьбе по дереву, и в керамике. Птица Сирин – фантастическое существо в облике птицы с головой женщины, конь – символ добра, оберегающий от нечистой силы, лебедь или утка, связанные с воздухом, водой и солнцем, само священное и божественное солнце переходят с прялки на подол поневы (шерстяная юбка у замужних женщин), рукава рубахи, и дальше - на хлебницу, навершие женского гребня, колыбель младенца. Каждый предмет, имеющий различную форму, материал и предназначение, объединяет главное средство выражения красоты в народном искусстве - декоративность. Именно устойчивость и традиционность этих образов во многом обусловливают высокую художественно-эстетическую ценность произведений народного искусства, причем это результат коллективной деятельности, здесь нет конкретных авторов в отличие от искусства профессионального, индивидуального.

В каждом музее есть картины, которые живут в запасниках и выставляются очень редко, иногда вообще однократно. Причина проста и обыденна: коллекции растут, пополняются, а экспозиционные площади остаются все теми же. Выставка «Жили-были...» впервые представила несколько живописных произведений из фондов Дальневосточного художественного музея. Среди них работа «Трепка льна» одного из самых значительных мастеров бытового жанра XIX века А.М. Корина.

Алексей Михайлович Корин (1865-1923) родился в семье известных палехских иконописцев. В училище живописи, ваяния и зодчества его наставниками были известные художники Е.С. Сорокин, И.М. Прянишников, В.Е. Маковский и В.Д. Поленов. Превосходный живописец, он примкнул к передвижникам и на начальном этапе своего творчества писал картины бытового жанра. Это были небольшие, камерные произведения, выполненные с натуры и изображавшие в основном окружающих художника людей в их повседневной жизни. Одним из самых любимых мест живописца был городок Плес и его окрестности. В течение многих лет осенью и летом Алексей Корин с этюдником путешествовал здесь в поисках новых мотивов. В

А.М. Корин. Трепка льна. Холст, масло

В.Н. Бакшеев. Жницы. Холст, масло

К.А. Коровин. Пейзаж. Холст, масло

В.Г. Шешунов. Приморье. Холст, масло

В.Г. Шешунов. В распутицу. Холст на картоне, масло

картине «Трепка льна», написанной непосредственно с натуры, художник в свободной живописной манере изображает работающих крестьянок на фоне уходящего вдаль зеленого леса и бескрайнего неба, что придает маленькому по размеру полотну черты монументальности.

Близким другом Алексея Михайловича Корина был художник Василий Николаевич Бакшеев. Выставка «Жили-были...» дала возможность впервые показать работу этого замечательного мастера «Жницы», поступившую в музей в 1937 году из Государственной Третьяковской галереи.

Василий Николаевич Бакшеев (1862–1958) родился в Москве, в дворянской семье и уже в раннем детстве проявил интерес к рисованию. Под влиянием старшего брата, известного архитектора, поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Общие

преподаватели, членство в Товариществе передвижных выставок, увлечение бытовым жанром, любовь к пейзажам средней полосы стали залогом дружбы двух художников – Корина и Бакшеева. В своем творчестве В.Н. Бакшеев развивал лучшие традиции реализма, поэтизируя при этом и повседневную жизнь, и русскую природу за счет светлого, с тонкими нюансами колорита, за что был назван самым задушевным художником своей эпохи. В 1930-е годы художник совершил ряд поездок по волжским местам, откуда привез несколько натурных работ. Картина «Жнецы» написана в характерной для этого времени манере, сочетающей реализм с легкой ноткой импрессионизма - вся сцена видится словно сквозь знойную дымку, окутывающую полотно.

Среди первых членов Союза русских художников был и Константин

Алексеевич Коровин (1861–1939). Прославившийся как русский импрессионист Константин Коровин известен хабаровским любителям искусства своей работой «Вечер. Последние лучи» из постоянной экспозиции музея. Однако на выставке «Жили-были...» творчество художника впервые представлено типично реалистическим пейзажем, написанным художником в 1907 году. Этот «Пейзаж» относится к тому периоду творчества Коровина, о котором сам он говорил: «Пейзаж нельзя писать только за то, что он красив: в нем должна быть история человеческой души».

Одна из самых больших авторских коллекций в собрании художественного музея связана с именем замечательного дальневосточного художника Василия Григорьевича Шешунова. Впервые на выставке экспонировалась его картина «Приморье». Василий Григорьевич Шешунов (1866–1922) родился в Иркутске. В раннем детстве любовь к рисованию привела его в иконописную мастерскую Иннокентьевского монастыря. Являясь вольнослушателем Академии художеств в Петербурге, он под влиянием своего учителя И.И. Шишкина главным жанром творчества выбрал пейзаж. Заочно полюбив Дальний Восток, привлеченный его живописной природой, Василий Шешунов вместе с братом приехал сначала в Благовещенск, а затем в Никольск-Уссурийск (ныне Уссурийск), где преподавал рисование и творил до конца своей жизни.

Выставка «Жили-были...» соединила на одной площадке вещи этнографического толка и произведения изобразительного искусства, что создало неожиданную гармонию целостности и единения, когда вещи не только не противоречили друг другу, а, напротив, дополняли и расширяли саму суть предметов. А в некоторых случаях позволили увидеть преемственность и определить первичность того или иного явления. Ведь народное искусство за долгие годы своего существования было источником вдохновения для многих поколений профессиональных художников и подарило миру бесчисленное количество прекрасных шедевров.

Изображая реальность

Старинная японская фотография в Хабаровском краевом музее имени Н.И. Гродекова

Анастасия МАГНУС

Искусство фотографии прижилось в Японии не сразу. Консервативное общество вначале даже считало его вредоносным. Поговаривали, что можно лишиться души или умереть, если твое изображение окажется «на картонке». Поэтому некоторые японские фотографы уезжали работать в другие страны.

Тамамура Кодзабуро, Огава Кадзумаса. Сад Сатакэ (Хотта) в Мукодзиме, Токио. 1880—1887. Альбуминовый отпечаток, раскраска. Из собрания МАММ

Кусакабэ Кимбэй. Игра в жмурки в парке Ногэяма, Йокогама. 1880–90-е. Альбуминовый отпечаток, раскраска. Из собрания МАММ

К таким путешественникам, например, относился г-н Ичидзи Такеучи, чей доходный дом и ныне украшает главную улицу Хабаровска по адресу Муравьева-Амурского, 7. А если бы Такеучи-сан остался в Японии, то застал бы переломный момент, когда фотографическое направление стало набирать популярность, а японские первопроходцы нового жанра принялись создавать свой стиль.

Нынешним летом хабаровчане могли видеть в Хабаровском краевом музее имени Н.И. Гродекова коллекцию старинных японских фотографий из собрания московского Мультимедиа Арт Музея. Удивляться традициям татуирования среди японцев, любоваться азиатскими пейзажами XIX века, рассматривать необычные одежды и музыкальные инструменты. Постановка ритуала сэппуку, который часто называют харакири, приветливые гейши, храм у тихого побережья: атмосфера старой Японии.

бытует формулировка «раскрашенная фотография эпохи Мэйдзи» (1868–1912), вернее было бы сказать «японская фотография для иностранцев». Такой она и была, когда фотоискусство прочно закрепилось в Стране восходящего солнца и местные фотографы поняли, что именно традиционные мотивы, изображенные на бумаге и подкрашенные, можно неплохо продать приезжим. Для своих граждан выпускались аналогичные фотографии с другими сюжетами. Большинство фотографий этого периода постановочные и практически все сюжеты лирические и умиротворяющие. Позировали не настоящие военные или обитательницы чайных домиков, а актеры. Зато подходили к созданию такой постановки очень тщательно, подбирая настоящие костюмы и предметы.

Тамамура Кодзабуро. Любование цветением глицинии в святилище Камэйдо-Тэндзин, Токио. Около 1897 г. Альбуминовый отпечаток, раскраска. Из собрания МАММ

Неизвестный автор. Вид на гору Фудзи с озера Аси в районе Хаконэ. 1880–90-е. Альбуминовый отпечаток, раскраска. Из собрания МАММ

В трилогии Николая Задорнова «Сага о русских аргонавтах» («Цунами», «Симода», «Хэда») рассказывается о событиях 1850-х гг., когда русские моряки во главе с адмиралом Евфимием Путятиным после того как буря потопила их корабль, на четыре месяца были вынуждены остановиться в японской деревне Хэда. По воспоминаниям офицеров, за это время русские сблизились с жителями островов. В Хэда до сих пор проводят «Путятин-мацури» — своеобразный фестиваль дружбы. И русско-япон-

ский памятник, изображающий лодку с адмиралом и двумя японцами, имеется. Стоит он в городе Фудзи.

А вот что любопытно: первые фотографии японской земли были сделаны «оппонентами» русских моряков – командой американского коммодора Мэтью Перри, которому в романе Задорнова уделено много внимания. Было это в 1853–1854 гг. При этом старейший сохранившийся снимок (расплывчатое изображение Симадзу Нариакира, главы княжества Сацума, ныне префек-

тура Кагосима) датируется 1857 г. Хотя первая фотокамера появилась на островах девятью годами ранее, в 1848-м. Начать фотографировать родную землю японцам мешал простой факт: они не умели закреплять изображение на бумаге.

И вот в Японию явились американские военные суда с категорическим предложением заключить торговое соглашение. Одновременно приплыли русские моряки, корабль которых позже затонул недалеко от залива Симода. Это, кстати, был последний парусный фрегат «Диана», построенный для российского флота. Именно благодаря его крушению японцы научились строить собственные корабли. Что-то умирает, что-то рождается. Закон жизни. В то же время, когда Путятин с командой собирал в японской деревне новое судно, попутно обучая местный народ азам кораблестроения, американцы показывали жителям Страны восходящего солнца, как фотографировать и закреплять снятое. Так родилось собственно японское фотографическое искусство с американскими, выходит, корнями. Кто знает, если бы «Диана» не пошла ко дну, может, именно русские стали бы фотопервооткрывателями Японии?

«Сясин о торимаска?» («Сфотографируемся?») - могут спросить у вас в Японии. Собственно, когда речь идет о японской фотографии, оказывается, что слово «ся-син» переводится как «изображение реальности». Появился этот термин еще в V веке и в ту пору обозначал рисунки к книгам, в которых рассказывалось об исторических, а порой и мифических героях. Среди множества заимствованных иностранных слов термина «фотография» долгое время не было (хотя сейчас употребляется слово フォト – foto). Первые фотографии – исключительно портреты знатных людей и постановочные кадры. Ничего личного: не счастливая семья на прогулке, не праздник в городском храме. Отношение к фотографии в стране Ямато изначально было не таким, как у европейцев. Фотография наследовала принципы укиё-э (картина изменчивого мира) - традиционной японской гравюры, появившейся в XVII в. А укиё-э в свою очередь появилась

в ответ на запрос небогатых слоев населения, которые не могли себе позволить картины, но иметь дома произведение искусства хотели. Впоследствии фотография «переняла эстафету» у этого направления искусства. Отсюда и сюжеты – прекрасные девушки, мужественные воины, знаменитые пейзажи.

К «Старинной японской фотографии» в Гродековском музее тоже стоит относиться не как к фотовыставке, а как к выставке художественных работ. Первое, на что обращали внимание пришедшие на ее открытие - яркая краска на определенных участках фотографий. Но дело тут не в особенном художественном вкусе японцев, а в качестве красителя. Некоторые цвета сильно выгорели за десятилетия, а коекакие неплохо сохранились. Много вопросов гости задавали об истории татуировок в Японии, хотя в экспозиции была представлена всего одна такая фотография.

Считается, что татуировки японцы переняли у айнов - исконного населения японских островов. Хотя китайские путешественники еще в 622 г. н. э. делали заметки о древней традиции нанесения рисунков на тело женщин на острове Рюкю. Исследователь из Поднебесной заметил сходство с узорами Тайваня и предположил, что у этих изображений единое южное происхождение. Между тем айнская культура с годами смещалась на север, вытесняемая японским народом. Вероятно, в Японии существовало как минимум два источника обычая татуирования. В период Кофун (250–538 гг. н. э.) татуировки были распространены среди небогатых слоев общества в тех местах, где климат мягкий. В определенном смысле рисунок заменял одежду, выполняя и информативную роль - сообщал, откуда родом человек и чем он занимается. Позже сформировалась традиции татуирования среди пожарных, которые тушили огонь практически обнаженными и «прикрывались» татуировкой.

В 712 г. в Японии появилась первая печатная книга с описанием татуировок и их роли. В первом случае это был символ высокого социального статуса, во втором знак

Неизвестный автор. Водопад Мино близ Кобе. 1880–90-е. Альбуминовый отпечаток, раскраска. Из собрания МАММ

Неизвестный автор. Музицирующие девушки. 1880–90-е. Альбуминовый отпечаток, раскраска. Из собрания МАММ

преступника. Появляется разделение – и начало того искусства, которое много веков спустя воплотится в фотографиях, которые представляли в Гродековском музее.

Примерно с VIII в. женщины, служившие в богатых чайных домах (в обиходе чаще всего их неверно называют «куртизанки»), наносили на свое тело изящное изображение – имя возлюбленного и покровителя в окружении цветов, птиц или узоров. В сознании многих людей цвет-

ная татуировка ассоциируется с якудза. Но только в 1232 г., когда ввели кодекс Дзёэй («Дзёэй сикимоку»), в котором приказывали «награждать» преступников татуировкой, она действительно стала символом принадлежности к преступному миру. Хотя еще много лет в среде чайных домиков и среди актерского сообщества сохранялись традиции декоративного татуирования.

Гости выставки по традиции задавали вопросы и о квартале Ёси-

Неизвестный автор. Прически и пояса. 1880–90-е. Альбуминовый отпечаток, раскраска. Из собрания МАММ

Тамамура Кодзабуро. Ворота тории святилища Тюгу на берегу озера Тюдзэндзи и гора Нантай, Никко. 1880–1887. Альбуминовый отпечаток, раскраска. Из собрания МАММ

вара. Это место появилось в Токио в 1617 г. Как и с татуировками, по этому поводу закрепился стереотип, что гейша – японская куртизанка, а Ёсивара – квартал борделей. Но Ёсивара был центром и источником моды, в его домиках придумывались новые прически и способы завязывания оби (традиционного пояса для кимоно), девушек обучали мастера танца и игры на традиционных

музыкальных инструментах. Здесь же располагались театральные студии и сам театр кабуки («искусные песня и танец») и более академичный театр но («мастерство, талант»). Интересно, что первоначально в кабуки выступали исключительно женщины, но указом 1629 г. им было запрещено показываться на сцене. Что касается тетра но, то его пьесы собирали исключительно образо-

ванных людей с тонким вкусом. Если для просмотра спектаклей театра кабуки требовалось просто некоторое знание японской истории, то постановки но были глубоко символичны и предназначались для узкого круга ценителей.

В фонде Мультимедиа Арт Музея есть фотографии гейш и музицирующих девушек. Интересная фотография «Прически и пояса», датируемая 1880–1890 гг. Это изображение четырех молодых гейш, сидящих на скамейке спиной к зрителю. Первые повязывали пояса оби сложным узлом на спине, а вторые – простым узлом на животе. Развязать свой пояс гейша без посторонней помощи, как правило, не могла. Гейко были душой чайного домика, умели поддержать разговор, разбирались в тех самых пьесах но и знали новости высшего света. Одни пели, другие танцевали или играли на инструментах. Свои умения девушки оттачивали годами. Минэко Ивасаки, автор книги «Настоящие мемуары гейши» (в русском переводе), писала, что за все годы обучения один раз пропустила занятие по танцам. Бессонная ночь или высокая температура не были причиной пропуска, несмотря на раннее время занятий и тот факт, что они были ежедневными.

Отдельное направление – пейзажная лирика. «Водопад Мино близ Кобе» или «Ворота тории святилища Тюгу на берегу озера Тюдзэндзи и гора Нантай, Никко» – это невероятно уютные и живописные виды, в которых покой сочетается с истинно японским представлением о красоте, то есть «живом расположении деревьев, тропинок и камней».

О коллекции раскрашенной фотографии можно прочитать на сайте Мультимедиа Арт Музея. И этими словами, пожалуй, стоит закончить: «При всей неестественности во многих композициях невольно проскальзывает неподвластное художнику дыхание жизни: смазанные фигуры-призраки на улицах, непосредственные проявления эмоций у второстепенных персонажей и «некрасивые» с точки зрения профессиональной европейской фотографии моменты, например, процесс вкушения пищи, где герои застыли с открытым ртом».

Протоиерей Сергий Мещеряков

Документальная фотография – зеркало правды, призрачная машина времени, держащая курс строго в прошлое. Она в непосредственной близости с вечностью. Касаясь слишком тонких материй, проникает в их суть. Черпая силы в неподдельных эмоциях своих героев, почеховски немногословная, она способна делиться пережитым опытом, не прося ничего взамен. Порой ее росчерки света переходят в редкие откровения, которые невозможно забыть.

Так декабрьские морозы под покровом ветреной ночи выжигают на стекле восьмиконечный крест, чтобы ты не свернул с выбранного пути,

Вслед за незримым лучом

Беседы с протоиереем Сергием Мещеряковым

Валерия РУМЯНЦЕВА Фото автора

Благословение

Праздник Крещения Господня в микрорайоне Красная Речка. 2011

чтобы вера твоя была крепче закаленной стали, а предстоящие испытания – лестницей в вечность. Возвышающийся, парящий над уснувшим городом и земной пустотой образ, созданный дрейфующими кристаллами льда, пробивается сквозь сито мерцающих созвездий – дендритов. Их рисуют воздух и пыль? Или это Вселенная говорит о самозабвенной, жертвенной любви на всем понятном языке?

Пролог

Настоятель храма святого великомученика Георгия Победоносца в селе Сосновка протоиерей Сергий Мещеряков – один из старейших священников Хабаровской епархии. Люди тянутся к нему, как все живое к лучам весеннего солнца. По его пламенным молитвам из горячих точек возвращаются домой православные воины, израненные духовно узнают правду о самих себе, сбившиеся с пути идут на свет, сомневающиеся укрепляются в вере, а после приумножают ее.

Из полудремы воспоминаний батюшки вспыхивают рассказы об истоках глубокой веры, белогвардейцах, судьбоносном поезде, следующем на Дальний Восток. Красной стрелой проносятся побуждающие одухотворенные лица, ночные диалоги, загадочные голоса. Тысячи прочитанных страниц, прошитых мудростью бесценного опыта Василия Великого и Игнатия Брянчанинова, распахивают двери в мир духовного познания. Как им хочется соответствовать... Но возможно ли?

Родился Сергей 10 января 1946 года в многодетной семье в селе Сутара Облученского района Еврейской автономной области. В Хабаровске окончил среднюю школу. Мечтал пойти по стопам воевавшего на фронте отца-сибиряка, механика (отличного мастера своего дела), но вскоре был призван в армию. Ввиду крепкого здоровья и хорошей физической формы пополнил ряды Тихоокеанского флота, стал боевым пловцом. И именно здесь достойно перенес первое духовное испытание, изменившее в дальнейшем всю его жизнь.

Откровение

В один из дней учебной подготовки отрабатывался аварийный выход из подлодки через торпедный аппарат. Задача эта требует от водолаза не только скорости, слаженности действий, но и психологической выдержки. Узкое пространство, сильное давление воды, глубина, ограниченный запас кислорода дают мало времени на раздумье в экстремальной ситуации.

- Я каким-то образом намертво зацепился за крышку торпедного аппарата, вспоминает отец Сергий. Понял, что сорваться там невозможно. Страха не было, но мысль такая мелькнула: «Конец подходит». И слышу голос:
- A если жизнь тебе даруют, что ты дальше делать будешь?
- Не знаю. Нужно найти какую-то цель в жизни.
 - Ав чем она?
 - В поиске Бога.

Тогда я не понял смысла этих великих слов. Но факт тот, что отцепился. Вышел белый как полотно. Никому не рассказывал о случившемся.

В первое увольнение принял крещение. Пришел домой, лег спать, и вдруг ощутил внутри себя необъяснимый поток - благодать Божия! Столько начало открываться! Ощутил рядом чье-то незримое присутствие, источающее тепло. И так хорошо мне и так легко было. Продолжалось это не час, не два - несколько дней. Я ждал ночи, как восхода солнца, чтобы уснуть и почувствовать эту ни с чем не сравнимую ласку. А потом, постепенно, это «чтото» стало меня наставлять. Что-то скажешь про себя, подумаешь – и ответ приходит: «Этого не надо. Поступай так». И так говорит, что я не спорю, не переспрашиваю.

Как мать кормит грудью своего маленького ребенка, ходит с ним везде, так и меня еще в то время ангел на руках начал носить. Он стал моей путеводной звездой.

С крещением Господь дает познание того, что ты не одинок.

Зерно света

Когда у человека есть духовный поиск, Всевышний старается его развить. Знаки какие-то посылает, всячески смиряет, рассекает жизнь на до и после, незримую помощь оказывает через других людей и обстоятельства. Зачастую мы не придаем этим маячкам особого значения, а оборачиваясь, собираем их в драгоценные звенья одной цепи.

Однажды любопытства ради Сергей зашел в церковь. Все здесь было иным: сотканным высотой. Казалось, что со всех сторон его обступили недосягаемые лики икон, на которые и взглянуть боязно. Со стен взирали святые, рентгеновскими лучами

Великое водосвятие Амурской протоки

просвечивающие душу. Так глубина рассматривала пустоту, вселяя свет в ее просторы. Стыд боролся с волнением внутри, а в голове петляло: «Неужто я совсем пропащий человек?»

В 28 лет Сергей впервые исповедовался и причастился. А дальше мертвая зона – пустыня, ждущая дождя. Но вскоре... Вседержитель его снова к себе привел.

С 1977 года по воскресным дням он стал ходить в хабаровский Христорождественский собор. Поднимался на клирос. Обладая музыкальным слухом, немного подпевал. Так неспешным шагом вошел в церковную семью. Изучал духовную литературу. Работая столяром-краснодеревщи-

ком, о том, чтобы стать священником даже не помышлял. Но зорким оком разглядевший в нем пастыря Христова протоиерей Николай Сальчук заронил в его сердце семя истинного предназначения, и через тернии сомнений пробились ростки. В 1986 году епископ Хризостом (Мартишкин) рукоположил Сергия Мещерякова в сан диакона. А дальше началось захватывающее дух путешествие по не исследованной никем реке жизни, полной удивительных открытий, опасных омутов и быстрин, вечных приобретений и неизбежных потерь.

Новое вытесняло ветхое изнутри. Огромное желание отдавать и быть полезным людям искало выхода. Од-

Четырехдневный крестный ход вокруг Хабаровска. 19 июня 2018 года

ним из первых среди священников в начале 1990-х он стал посещать пограничные заставы Дальневосточного региона. Неся свет православия в ряды защитников Родины, пробуждал в патриотах веру в Спасителя.

С 1990 по 2003 год отец Сергий был настоятелем храма святого благоверного князя Александра Невского. На его проповеди съезжались люди с разных уголков города. В его сердце стучались и находили отклик. Ища посильного участия и мудрого совета, ему вверяли самое сокровенное. После беседы с ним опустошенные наполнялись, унывающие обретали надежду. Для прихода это время стало тождественно гармонии, непрерывному сообщающемуся движению и духовному взлету.

На территории Хабаровского края под руководством батюшки было осуществлено множество крестных ходов, которые меняли вехи в жизни поселений и судьбах людей.

– Однажды мы отправились в тяжелый многодневный крестный ход вниз по Амуру, – рассказывает отец Сергий. – Военный катер нам дали и команду неверующую. В начале следования она с иронией смотрела на нас, смеялась, а спустя какое-то время наступил переломный момент, изумивший всех. В каждом населенном пункте останавливались. Совершали молебны, крестили, венчали людей. В село Булава Ульчского района должны были добраться ночью. Чтоб рулевой не проспал, всех предупредили, где нужно будет сделать

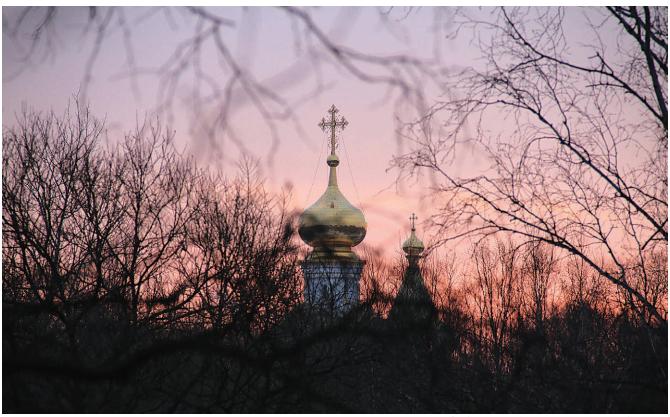
Встреча Благодатного огня в хабаровском Спасо-Преображенском кафедральном соборе. 2011

остановку, но никто не поверил, что нас там ждут в такое время. В два часа ночи доплыли к назначенному месту. Берег залил свет прожекторов. Все село (более 2 тысяч человек) вышло встречать! Столько людей с цветами! Мы взяли Казанскую икону Божией Матери и пошли в храм, там запели, отслужили Божественную литургию. А когда отправились дальше на Амгунь, щедрые сельчане решили нас снабдить продовольствием. Выстроившись в шеренгу на 500 метров, стали передавать из рук в руки ящики с поспевшими овощами и соленой рыбой. От переизбытка провианта катер накренился. Чтобы не пойти ко дну, пришлось остановить погрузку. Моряки были растроганы и поражены случившимся. Уверовав, захотели принять таинство святого крещения.

Ледяной плен

Как-то раз отец Сергий, будучи в небольшом отпуске, отправился с двумя сыновьями на зимовье. Шел берегом Тунгуски. Решил сократить путь и провалился под лед. Понял, что как ни старайся, а из тисков холодного капкана выбраться невозможно. Каждое движение губительно. Тонкий лед предательски крошился при любой попытке схватиться за край. Радиус полыньи увеличивался. Намокшая одежда отяжелела, тянула ко дну. До суши метров пятьдесят, а силы уже потеряны. Звать на помощь некого. Старший сын Андрей далеко ушел, а младший, Василий, близко, но ему шесть лет. Тогда батюшка взмолился покровителю моряков святителю Николаю Чудотворцу: «Отче Никола, конец пускай будет, если на то воля Божия, но не хотелось бы, чтоб мой ребенок его увидел. Выведи меня из этого состояния! Помоги!» Ноги стали всплывать параллельно льду. Тело резко покатилось по хрупкой поверхности, ломая ее под собой. Спасся! А Вася, не поняв произошедшего, спросил: «Пап, зачем ты купался?»

– Это случай, когда реально Николай Угодник мне помог в стопроцентно гибельном состоянии, – отмечает отец Сергий. – И таких примеров можно привести множество. Во всех жизненных ситуациях нас сопровождают Бог и его святые. Если мы не утрачиваем с ними связь, искренне молимся, они всячески стараются помочь, спасти. Их задача – привести

Храм преподобного Серафима Саровского в Хабаровске

каждого человека в Небесное Царство. А наш путь на Земле – это только начало – грезы жизни.

Божий промысл

В хабаровском парке «Северный» каждый желающий может побродить по лабиринтам многочисленных пешеходных тропинок, полюбоваться ландшафтным разнообразием, послушать птиц, прикоснуться к миру символики церковной архитектуры. А еще остаться наедине со своими мыслями на одной из залитых солнцем скамеек, прокрутить всю жизнь, словно кинопленку, и на мгновение остановить ее в решающий момент.

Сухие ручьи слишком молоды, а вот перешептывающиеся с березами дубы-исполины помнят все, но признания от них не дождаться. А ведь они могли бы поведать удивительные истории, предопределившие строительство храма преподобного Серафима Саровского на этой отмеченной свыше земле. С каждым годом они обрастают легендами, и докопаться до истины становится все сложнее.

Несколько десятилетий назад на этой территории велась стендовая стрельба, поэтому жители Краснофлотского района прозвали ее Стрельбищем. Было в ней что-то инфернальное – притягательное и отталкивающее одновременно. Миниатюрный лес, овеянный шлейфом загадок, находился неподалеку от железной дороги. Своей неспешной скрытной жизнью, пружинящими коврами мха, порывами ветра, превращающими кроны деревьев в бушующее море, он набрасывал тенета на многих странников. Романтики устраивали здесь пикники, школьники собирали гербарии, белки и бурундуки играли в салочки, лыжники оставляли отпечатки-елочки на снегу. А еще, по словам очевидцев, здесь неоднократно видели блуждающий огонь, слышали духовное песнопение, находили брустверы и гильзы, обугленные стволы деревьев с высеченными на них рунами. Уже тогда, на этом месте велась упорная борьба добра и зла.

– На территории храма Александра Невского находится могила старицы схимонахини Серафимы (Марусовой), – рассказывает отец Сергий. – Она была очень мудрой, духовной женщиной. Чувствовала людей, вселяла в них надежду. Не высвечивалась тем, что имела большой жизненный опыт. Ночами не спала. При свете лампадки, стоя на коленях, беспрестанно молилась. Я благодарен Богу за встречу и годы знакомства с матушкой. Никогда к ней не рвался. Бывало, иду на службу,

а она видит меня и стучит рукой в окошко, улыбаясь говорит: «Зайди ко мне сегодня!» Приду, начнем пить чай, и за разговором о погоде, как бы невзначай, издалека, она подводит к тому, что тревожит, а в завершение открывает решение сложившейся ситуации. Так просто, без назиданий: доверишься – и все случится. Нарыв лопнет, и душа успокоится.

Она была истинной молитвенницей, обладавшей даром прозорливости. Епископу Марку (Тужикову) в 1990-е годы неоднократно говорила: «Что ты медлишь? Мне было несколько раз сказано храм Серафиму Саровскому строить. Я его там видела. Ты только начни, помощь придет отовсюду, и все управится. Не жди, когда тебе Господь укажет!»

Помню, как мы организовали крестный ход от храма Александра Невского до лесопарка в Северном микрорайоне. Пришли туда и во время молебна внезапно земля зашаталась под нами. Люди, почувствовав колебания, от страха преклонили колени. Позже на этом месте установили металлический крест, освятили его, и с того момента начали там каждую среду читать акафист Серафиму Саровскому. Молитва сделала свое дело: сначала часовню построили, а потом и храм возвели...

Владимир Бабуров. Быть художником

8 декабря 2020 года не стало скульптора, ювелира Владимира Бабурова.

Даже если вы не знаете имени этого человека, вы видели его работы. Памятник Николаю Задорнову на набережной Хабаровска, мемориальную доску первому ректору Тихоокеанского государственного университета Михаилу Даниловскому... Мы публикуем монолог, составленный из фрагментов последнего интервью Владимира Филипповича, которое организовал и записал его сын Алексей Бабуров.

Следующий пророк. 1984. Горячая эмаль, чеканка, медь, латунь. 30,5 х 37,5

Выпадение на красном фоне. 1985. Горячая эмаль, чеканка, медь, железо. 44 х 52

Мадонна с младенцем. 2011. Камея. Халцедон. 2,9 х 2,0 х 0,3 см

Несколько лет назад американские социологи провели исследование. Примерно 10 процентов населения Земли обладает какими-то качествами, отличающими их от остальных 90 процентов. Но из этих 10 процентов только 1/10 – люди творческих профессий, а 9/10 - криминал. Получается, из 100 человек 90 - обычные люди, которые каждый день ходят на работу, 10 желают свою жизнь сами делать, и лишь 1 из 10 художник или ученый. Так что художники по-своему необычными должны быть. А необычность, на мой взгляд, в том, что художники не приемлют рутину, монотонность каждодневных обязательств: каждый день делать одно и то же, ходить на одну и ту же работу, выполнять одни и те же действия – и все это ради зарплаты. У художника смысл жизни несколько в ином. В том, чтобы проявлять себя как создатель чего-то нового...

По другим социологическим исследованиям, человечество делится на потребителей и на созидателей. Основная масса – это потребители, которые потребляют и материальные блага, созданные кемто, и социальные блага и даже ориентируют себя как потребителей в плане общественного места, которое они занимают в жизни. А художники – это, как правило, люди, ориентированные на созидание.

Быть художником – основная суть моей жизни.

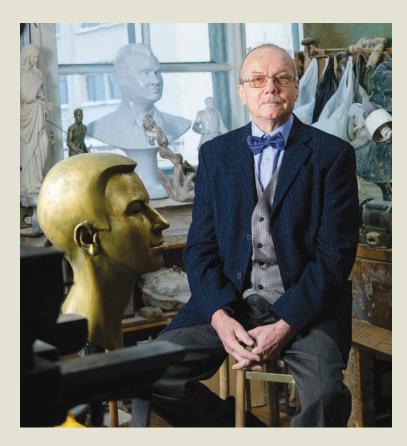
Художника больше определяют врожденные способности к такому образу жизни. До сих пор считается, что художник – это тот, кто умеет рисовать. Все равно что писатели – это те, кто умеет писать. Нет, писать умеют все, кто закончил школу. А писателями становятся личности, которые обладают некими особыми мировоззренческими взглядами и кото-

рым есть с чем обратиться к человечеству. Вот так и художники. Научить рисовать можно каждого, если он не будет от этого отбрыкиваться. Умение рисовать это всего лишь средство передачи визуальной информации, это грамота. А художник, скорее, образ жизни, образ восприятия мира, мироощущение. Хотя этому тоже можно научить... Но ни в одном из вузов нашего государства, насколько я знаю, не учат именно художников. Не развивают мировоззренческую позицию. Каким образом те врожденные художественные задатки, которые не контролируются сознанием, в себе обнаружить, как их развить и реализовать? Дают грамоту: рисунок, живопись, формальные композиции и только. А станет ли учащийся художником или нет, дается на откуп самому выпускнику...

В нашем мировом сообществе есть очень разные личности с разным мироощущением и мировосприятием, есть очень рациональные формы восприятия мира и, наоборот, очень эмоциональные. Искусство способно отражать весь спектр этих ощущений, этих мировосприятий. Поэтому есть разные художники. Например, Казимир Малевич и его теория супрематизма - рационально выверенная, очень продуманная. Противоположность ему Василий Кандинский с экспрессивным абстракционизмом, когда он выплескивает эмоции в чистом виде на холст в виде какихто импульсивных движений (он вообще исключал логику и рационализм из своего творчества). Так что творчество обладает очень широким диапазоном. А у нас на бытовом уровне считают, что творчество – это изображение действительности. То есть изобразить пейзаж, натюрморт, человека похоже. Хотя с конца XIX века, как только появились иные средства передачи действительности, это уже не совсем так.

Судя по моему жизненному опыту, когда перед художником ставятся задачи – это, как правило, задачи заказа, который надо выполнить ради денег.

Как-то Пикассо спросили: «Как вы объясняете смысл своих работ?» Он ответил: «Спросите у соловья о смысле его пения». Вот так и с задачами, которые художник перед собой ставит. Сегодня у меня такое настроение, и я встал и делаю, а завтра у меня другое состояние. Потому что искусство очень зависит от эмоционального восприятия мира, а эмоции каждый раз могут быть разными. На них влияет и внешняя среда, и вну-

БАБУРОВ Владимир Филиппович (1946–2020) родился в г. Кирове Калужской области. На Дальнем Востоке с 1952 года. В 1968 году окончил художественно-графический факультет Хабаровского государственного педагогического института. Член Союза художников России с 1993 года.

В 1970–1973 годы преподавал на художественно-графическом факультете пединститута, в 1973–1978 годах возглавлял кафедру изобразительного искусства на архитектурном факультете Хабаровского государственного политехнического института. С 1997 по 2000 год преподавал специальность «Художественное литье» в должности профессора кафедры литейного производства технического университета.

Владимир Бабуров автор более 20 осуществленных памятников и мемориальных досок в Хабаровском крае. Среди них памятник, установленный в устье реки Ульи, посвященный Ивану Москвитину со товарищи, - первым русским, вышедшим к берегам Тихого океана (Охотский район), памятник в честь 30-летия Победы - в Хабаровске возле ТОГУ, обелиск с барельефным изображением Геннадия Невельского (Петровская коса, залив Счастья под г. Николаевском-на-Амуре), памятник односельчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны (с. Могилевка, район им. Лазо), памятный знак «Журавли» в честь выпускников школы № 20 г. Вяземского, павших смертью храбрых в годы Великой Отечественной войны, памятник писателю Н.П. Задорнову (г. Хабаровск), памятник заслуженной артистке России Валентине Соловых (г. Хабаровск), мемориальные доски, посвященные известным людям (установлены в Хабаровске): академику Святославу Федорову в Хабаровском филиале МНТК «Микрохирургия глаза», художнику Григорию Зорину на доме по ул. Фрунзе, 65, председателю Хабаровского крайисполкома Григорию Подгаеву и первому секретарю Хабаровского крайисполкома КПСС, почетному гражданину города Алексею Черному на здании Хабаровской краевой думы, первому ректору ТОГУ профессору Михаилу Даниловскому и др.

В 2019 году Владимиру Бабурову присвоено почетное звание «Заслуженный художник Хабаровского края».

Противостояние. 2018. Тонированный пластик. 97 х 70 х 34 см

Ноктюрн. 2016. Латунь, дерево. 95 x 26,5 x 17 см

Трио. Триптих. 2015. Пластик, тонирование. Виолончель. 45,5 x 27 x 19 см; Скрипка. 51 x 23 x 24 см; Флейта. 52 x 21 x 16 см

треннее состояние организма, и все что угодно, в том числе случайности. Поэтому настоящее творчество вряд ли можно планировать.

На мой взгляд, все эти классификации - современное искусство, несовременное, стили, направления - всего лишь необходимость искусствоведов, чтобы как-то в этом хаосе разобраться, ввести какую-то систематику, обозначить того или иного художника принадлежащим к тому или иному кругу творчества, чтобы им было легче об этом судить и разговаривать. По-настоящему современный художник, если он очень честен перед собой, что бы ни творил, всегда будет современен, поскольку живет в этом времени и другому времени у него неоткуда взяться. А вот попытки себя умозрительно в какие-то рамки всунуть - это вторично и кроме как к какому-то подражательству ни к чему не приводит. Будь искренен – и будешь современен.

В советское время я надеялся (но не верил), что доживу до того

Депрессия. 2019. Дерево. 58 x 16 x 13 см

момента, когда это время рухнет, рассыплется как неприятный сон. И с тех пор ни на секунду не пожалел, что оно рассыпалось и рухнуло. А разговоры о том, что государство поддерживало художников... Нет, государство эксплуатировало искусство в своих политических це-

Стоик. 2017. Дерево. 52 х 13 х 8 см

лях. И кто соглашался в этом участвовать, оказывался в привилегированном положении и пользовался какими-то преференциями, если не сказать грубое слово, – подачками.

Наше государство пока постепенно восстанавливает экономику, и со временем, я уверен, дойдут руки и до искусства (спорт вон как подняли!). Как бы то ни было, сейчас для художников время более справедливое.

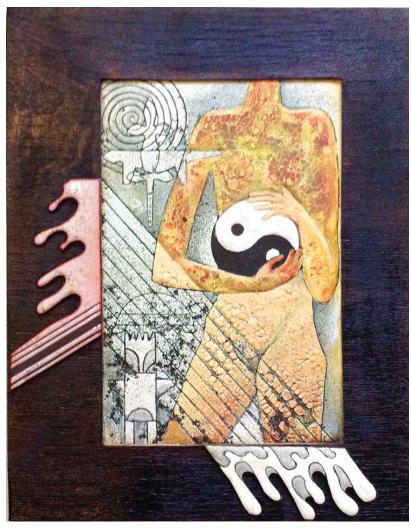
В советское время московские художественные вузы (Строгановка, Суриковка) выпускали за год художников больше, чем во всей Италии в эпоху Возрождения. И так каждый

Неотвратимость. 2015. Пластик, медь, камень. 90 x 32 x 42 см

год. Куда все эти художники делись? Где они, эти художники, на обучение которых тогда тратились большие государственные деньги? Вот меня этот вопрос интересует. И нужно ли, чтобы шеренгами на праздничной демонстрации шли колонны художников? Художник – единичная, штучная даже не профессия, а личностное явление. Да, нужны хорошие учебные заведения с качественной подготовкой. В советское время я бывал в художественных институтах, и уже тогда начиналась профанация ради формального диплома...

Профанации не было, пожалуй, в дореволюционное время в Академии художеств в Санкт-Петербурге, которая была единственной на всю Россию. Студенты, обучающиеся здесь, каждый год проходили конкурс, на котором распределялись места по итогам их успеваемости. Лучшие награждались стипендиями от государства, посылались на стажировки в Италию, причем на неограниченный срок пребывания (до 10 лет). И потом они оттуда привозили шедевры. Например, Брюллов создал «Последний день Помпеи», Иванов – «Явление Христа народу».

Монада. 1984. Горячая эмаль, медь, дерево. 26 х 33

Аркадия. Цельный комель дерева. 2020

Это был действительно вклад государства в искусство. А когда у нас в каждой деревне своя академия... В одной Москве этих академий наплодилось... Их все надо закрыть. Оставить по одной в Москве и Питере. И на Дальнем Востоке, чтобы люди не ездили в такую даль. Но с очень хорошим обеспечением, с привлечением лучших специалистов, в том числе из-за рубежа, с чудовищным конкурсом. А для обывательского потребления типа дизайн, интерьер, текстиль, рукоделие можно организовывать какие-то курсы, учебные заведения среднего уровня, чтобы желающие могли приобщаться к творчеству, искусству. И то, я считаю, там больший упор надо делать на теоретическое обучение, чтобы выращивать, скорее, грамотных потребителей искусства. У нас же нет грамотных потребителей искусства! Население до сих пор смотрит: похоже - не похоже. Вот и весь критерий. А современное искусство требует подготовленных потребителей. И общий уровень культуры должен соответствовать. Вот такой, на мой взгляд, должна быть в общенародном плане подготовка людей искусства.

Я позволил себе обобщить свои мысли и выпустил серию публикаций на эту тему, которые назвал «Художникам, если они хотят знать, чем же они все-таки занимаются». В редакционной версии это звучит немного иначе: «Что такое искусство и как его понимать» (научно-практический журнал «Культура и наука Дальнего Востока» № 1, 2 / 2017, № 1, 2 / 2018. – *Ред.*). На самом деле у нас мало художников, осознающих, чем же они занимаются…

Я как-то думал на тему, что бы я поменял в своей жизни. И подумавши, решил, что любое изменение событий повлекло бы за собой абсолютно другую жизнь. А я своей жизнью доволен и ничего бы принципиально менять не хотел. Я считаю, что человек должен быть уже благодарен Провидению, Богу или Космосу за то, что ему выпал из миллиардов шанс появиться на Земле и пройти свой путь. А все эти недовольства... Что такое счастье? Это всего лишь умение быть счастливым. Я не пережил войну, не пришлось никуда бежать – и на том спасибо. У меня есть роскошь заниматься тем, что нравится, что интересно. Когда дело нравится, значит, оно соответствует твоей гармонии. В противном случае это мучение, дисгармония. Поэтому я могу сказать на сегодняшний день: жизнь удалась.

Подготовила Ольга ВОЛКОТРУБОВА Полная видеоверсия интервью на платформе YouTube: https://m.youtube.com/watch?v=Nz5CzAkwDTQ&feature=share)

Так друзья называли Александра Петровича Лепетухина, так он назвал своего зайца из «Хехцирских сказок». Представляем вашему вниманию беседу с его женой, художницей, преподавателем изо Натальей Лепетухиной.

Наталья Лепетухина

- Уже пять лет без Александра Петровича. Невосполнимая утрата не только для его близких, но и для культурной среды нашего города. Какие творческие события прошли в связи с этим?
- Лепетухина не забывают. К его дню рождения, а в этом году он совпал с праздником Пасхи – 2 мая, открылись сразу две выставки. «Ретроспектива» проходила на этаже художественно-графического факультета Хабаровского педагогического института, где Александр Петрович проработал около 40 лет. Евангельские сюжеты из его цикла «Путь» показали в Москве, в культурном центре «Покровские ворота». Выставка «Путь» стала передвижной и отправилась из столицы в Новокуйбышевск, в галерею «Виктория». Надеюсь, что ее путешествие продолжится в Киров и Санкт-Петербург. В этом же году издан альбом-каталог «Путь», куда вошло 200 работ из этого цикла.
- А ведь с культурным центром «Покровские ворота» связано имя художника-символиста и галерейщика Серебряного века Федора

Диалог о Петровиче

Артем ИВАНОВ

На открытии выставки «Путь» в культурном центре «Покровские ворота». Москва

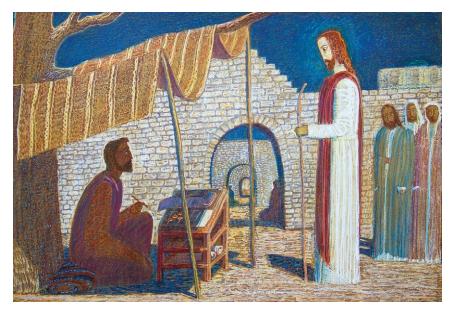
Боткина, представителя знаменитой семьи Боткиных.

– Известно, что многие из Боткиных были собирателями художественных произведений наряду с Третьяковым. Были среди них и коммерсанты, и предприниматели, и врачи, и художники. Здание, где сегодня находится культурный центр «Покровские ворота», принадлежало Федору Боткину, и в начале XX века здесь тоже проходили художественные выставки. Некоторые источники дают основание предполагать, что именно в этом зале показывал свои палестинские этюды сам Василий

Дмитриевич Поленов. И это весьма символично. Выставка «Путь» открылась на Светлой седмице и собрала немало москвичей, в том числе и бывших хабаровчан. Было много сказано хороших слов в адрес Александра Петровича и его работ. Выступали барды, звучала музыка хабаровских композиторов.

– Творчество Александра Петровича Лепетухина продолжает объединять самых разных людей. Его альбом-каталог «Путь» включает комментарии сотрудника Третьяковки, посвященные ему фильмы Анны и Альберта Самойло-

вых привлекают интерес не только дальневосточников, но художников Питера и Москвы. Создан ли фонд Лепетухина? Кто и как помогает проводить эти выставки?

– Действительно, наследие художника и писателя Александра Лепетухина достойно того, чтобы остановить на нем свое внимание. Это наша память о времени, о людях, о событиях, о простых житейских отношениях, которые вряд ли повторятся. И что как не память дает нам понимание выбора нашего будущего. Оно зависит от наших действий сегодня. Я благодарна всем, кто помогал и помогает в сохранении творческого наследия. И не только Лепетухина, но и всех творческих людей прошлого и нынешнего столетий.

Фонд Лепетухина – это пока громко сказано. В течение пяти лет наряду с организацией и проведением выставок мы собирали финансовые средства, которые пошли на

издание альбома-каталога «Путь». Большую помощь оказали те, кто досрочно выкупил альбомы и этим помог расплатиться с типографией.

Важно, что география творческих проектов, посвященных Александру Лепетухину, постепенно расширяется. На выставках показываются отрывки из документальных фильмов о нем, их полные версии смотрят тысячи людей в интернете.

– Летом в хабаровской Галерее Плюс открылась выставка «Черты времени», представляющая творчество Александра Лепетухина. А планируются ли проекты в других выставочных залах и галереях?

– Выставки в Галерее Плюс всегда становятся яркими самоцветами в художественной жизни нашего города. Благодаря камерности организовать стены галереи намного проще, чем большой зал. Это позволяет заострить внимание на определенной теме и по-

казать одну из граней таланта художника. «Черты времени» – это небольшая подборка картин, сделанная специалистом Художественного музея Комсомольска-на-Амуре, но в каждой работе можно почувствовать присутствие доброй силы и радости жизни. Видеть, понимать и передавать красоту окружающего нас мира - основная задача художника, в этом и состоит его искусство. Средства и приемы, с помощью которых создаются произведения, выражают творческую манеру. Опытный глаз умеет отличить самобытность и неповторимый стиль, присущий только ему.

Выставка «Черты времени» помогла нам собраться и вспомнить Александра Петровича. Пришли друзья, ученики, знакомые и просто люди, которым не безразлична судьба его творений. И опять была музыка и песни. Так мы отметили пятилетие со дня его ухода. А в конце августа выставка передвинулась в художественный музей Комсомольска-на-Амуре, где творчество Лепетухина было представлено впервые.

– Надеюсь, и литературное наследие Александра Петровича не забыто?

– Остались последние экземпляры «Хехцирских сказок», которые в 2018 году помог опубликовать яхт-клуб «Лагуна». Интерес к сочиненным Лепетухиным сказкам не уменьшается, а даже наоборот. «Сказки нашего прихода» издаются индивидуально небольшим тиражом иереем Игорем (Сальниковым). Хотелось бы сделать тираж побольше, но пока на это нет средств. Все сборы от продажи книг и работ художника поступают на счет его фонда.

Что касается неопубликованных статей, то это, вероятно, работа архивов и музеев, куда переданы рукописи Александра Петровича. Белый театр написал проект на получение гранта, чтобы осуществить постановку спектакля по «Хехцирским сказкам». Конечно, мы бы все с удовольствием его посмотрели. Вообще актеры Белого театра всегда поддерживали художественные проекты Петровича: «Твоя степень свободы», «Перманентная выставка». Я считаю, что этот коллектив был важной частью культурной жизни Хабаровска, но теперь он остался без помещения, что очень огорчает. Будем надеяться, что здравый смысл все же победит в нашем обществе, а это напрямую зависит от культурного состояния людей и его духовных сил.

Энергия лидера

Елена ГЛЕБОВА

2021-й — год потерь. В мае, когда дальневосточная природа просыпается и начинает бушевать красками, ушла из жизни Светлана Юрьевна Черепанова — бессменный председатель Хабаровского краевого благотворительного фонда культуры, директор Хабаровского филиала Российского фонда культуры. Очередной номер «Словесницы Искусств» за первое полугодие увидел свет уже без нее, но в выходных данных журнала, где Черепанова значится в редакционном совете, рука не поднялась очертить ее имя черной рамкой.

И вспомнился май 1999-го, когда на берегу Амура торжественно открывали памятник писателю Николаю Задорнову. Черепанова тогда взвалила на себя тяжелейший груз всех забот, проводила творческий конкурс среди хабаровских скульпторов, контролировала каждый этап, спорила с чиновниками, организовала творческие встречи с приехавшим в Хабаровск сыном писателя Михаилом Задорновым. А когда подошли к финальной точке, перерезали традиционную ленточку и, наконец, выдохнули, еще долго расставляла цветы у подножия памятника и была абсолютно счастливым человеком.

И многие другие майские дни, когда Черепанова все свои выходные проводила в «Русской деревне» на Хехцире, руководила строительством будущего культурного комплекса, сажала цветы, создавала чудеса ландшафтного дизайна. Через несколько лет помимо избы с настоящей русской печкой и избы ремесел, музея матрешек, творческих площадок, деревянной скульптуры по мотивам народных сказок, рукотворного озера здесь построили и освятили православную часовню в честь великой равноапостольной княгини Ольги.

Во всем ощущалась ее энергия лидера. В том, как она придумывала и воплощала сложнейшие проекты, поддерживала творческие инициативы, собственноручно делала экспозиции в Арт-подвальчике – галерее, которая на несколько десятилетий стала центром притяжения для художников, поэтов, музыкантов, актеров. Светлана Черепанова была типичным пассионарием, то есть личностью, согласно теории Льва Гумилева, способной реально менять мир вокруг себя. Так и происходило.

И еще важно написать так: если бы не она... Если бы не Светлана Черепанова, горожане не собирались бы

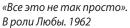

Светлана Юрьевна Черепанова в день 75-летия. 2015

каждый год на центральной улице Хабаровска, где проходил летний праздник День гончара. Она поддержала идею хабаровских керамистов, выделила творческое пространство, созвала всех неравнодушных. Если бы не она, дети из приютов, детских домов, неблагополучных семей не узнали бы радости общения с настоящими художниками, не почувствовали во всей полноте счастья творчества. В «Русской деревне» их ждали, устраивали фольклорные праздники, приобщали к народной культуре, проводили мастер-классы. Если бы не она, ветераны культуры, искусства не имели бы возможности встречаться несколько раз в год в теплой, почти домашней обстановке Арт-подвальчика и чувствовать, что важны, не забыты. Этому Черепанова посвятила одну из основных программ фонда культуры, назвав ее «Наше наследие». И вряд ли на здании краевого театра драмы появился бы барельеф памяти выдающихся актеров Елены Паевской и Валерия Шаврина, созданный исключительно по инициативе Черепановой и на средства фонда культуры.

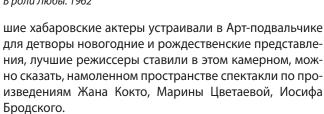
К слову, она всегда по-особому относилась к театру. Потому что сама была профессиональной актрисой (в 1963-м окончила театральную студию во Владивостоке, почти 15 лет играла в театрах Сибири и Дальнего Востока), позднее перешла на другой уровень – замдиректора Новокузнецкого ТЮЗа, директор Красноярского, а затем Хабаровского ТЮЗа. Она возглавила фонд культуры, но связь с театром осталась такой же прочной. Луч-

В роли Пеппи Длинныйчулок

Если бы не Светлана Черепанова, в свет не вышел бы сборник стихов дальневосточной поэтессы Лады Магистровой, очерки и воспоминания последних лет писательницы Юлии Шестаковой, исследование о Ерофее Хабарове историка Валерия Павлика, книга о традиционной одежде нанайских детей известной амурской мастерицы Ларисы Бельды. И, возможно, не было бы журнала «Словесница Искусств». Но Светлана Юрьевна подхвати-

Владивосток. 1963

Вручение стипендии Хабаровского фонда культуры юной скрипачке. 2014

ла эту идею, поверила в нее и многие годы несла полную ответственность за судьбу нашего издания.

Она была сложным человеком, иногда непредсказуемым, не во всем справедливым. Но кто сказал, что у пассионариев удобный характер? При этом обладала редчайшим во все времена качеством – умела искренне восхищаться людьми, их талантом. Не прощала равнодушия, черствости, лености. Потому что сама горела, торопила жизнь, подталкивала к активным действиям всех, кто ее окружал.

Судьба отмерила Светлане Юрьевне Черепановой достаточно долгий путь – 80 лет. И она успела сделать очень многое для своего города, края. Мы это знаем. И помним.

В «Русской деревне». 2016

Личное ощущение гармонии

Памяти Геннадия Матвеевича Кутурова

Виктория ШИШКИНА

Время уходит, часто ускоряя бег и неумолимо сметая все со своего пути. Но порой встречаются люди, чье присутствие внутренне ощутимо через долгие годы разлуки. Идея написать о своем первом преподавателе на хабаровском худграфе Геннадии Матвеевиче Кутурове (1937—1999) была у меня давно.

Н.И. Холодок, в центре Г.М. Кутуров, Е.В. Бурлов. 1 мая 1985 г. Из архива Н.И. Холодка

Пленэр. Сикачи-Алян. 1961. Из личного архива Е.В. Бурлова

Геннадий Матвеевич Кутуров

Евгения Сергеевна Чернецова

Уже прошло много лет со дня прощания с ним в Федотовской галерее ледяным январским днем 1999-го. К сожалению, из-за моей нерасторопности этот материал получился скупым, так как совсем недавно ушла из жизни жена художника Евгения Сергеевна Чернецова (1947-2021). Она была выпускницей художественно-графического факультета. Сначала работала преподавателем на архитектурном факультете политехнического института, затем учителем изо в средней школе. Позже полностью посвятила себя дочери Вике. Главное, Евгения Сергеевна всегда была рядом с мужем – и в радости, и в горе. К сожалению, боли и страданий этой семье выпало несправедливо много. Я опоздала на месяц, и разговор с Евгенией Чернецовой уже никогда не состоится. Вместе с ней навсегда ушли в небытие многие события творческой биографии художника. Поэтому статья – это в первую очередь воспоминание о хорошем человеке, художнике и педагоге.

Остались друзья Геннадия Матвеевича, остались его картины и рисунки. Воспоминания полувековой давности начну с черно-белой фотографии, принадлежащей Николаю Иннокентьевичу Холодку. На обороте сохранилась карандашная надпись: «1 мая 1985 г.». За этой фотографией десятилетия прошедшей жизни, разные судьбы, радостные и печальные события, растворившиеся во времени. На ней три семьи в мастерской Кутурова. В центре снимка улыбающиеся Геннадий Матвеевич с дочерью Викой, рядом Евгений

Стройка рыбного порта. Холмск.
Картон, масло, 40 х 49.
Галерея современного искусства «Метаморфоза» (Комсомольск-на-Амуре)

Бурлов и Николай Холодок с женами и детьми. Молодые, смеющиеся, успешные. Не нужно быть проницательным, чтобы догадаться – это встреча друзей после праздничной демонстрации и перед веселым застольем. Трех художников долгие годы связывала дружба. Кутуров и Бурлов познакомились, подружились и учились на хабаровском худграфе. Об этом студенческом периоде жизни Геннадия Матвеевича и Евгения Васильевича хорошо написал Александр Лепетухин.

Позднее, уже после окончания в 1965 году института, Бурлов познакомил Кутурова с Холодком. Эта встреча также положила начало дружбе длиною в жизнь. По совету Бурлова Холодок, тогда кадровый офицер, обратился к Геннадию Матвеевичу с просьбой о подготовке его к поступлению в Московский полиграфический институт на факультет художественно-технического оформления печатной продукции. На-

Модель. 1980. Двп., масло, 77 x 58. Галерея современного искусства «Метаморфоза» (Комсомольск-на-Амуре)

чалось время ученичества, активного штурма академического и конструктивного рисования с натуры и освоения техники живописи. Двухлетнее упорство принесло долгожданные плоды в 1974 году. Несмотря на постоянный большой конкурс в московский престижный вуз, знаменитый полиграф был взят Николаем Холодком с первого раза. В творческой биографии Кутурова тоже начался важный и продуктивный период. Параллельно с Холодком он в течение пяти лет синхронно выполнял абсолютно все учебные задания по специальным дисциплинам. В сущности, Геннадий Матвеевич самостоятельно, только лишь для своего профессионального роста, прошел весь курс обучения в столичном институте. Это важная и существенная черта характера художника, который постоянно стремился к освоению нового в своем деле. Еще одним источником профессионального роста Кутурова были творческие дачи Союза художников СССР. Рисунки и этюды с изображением прибалтийских городов, сенежские пейзажи и ландшафты средней полосы России появятся на этюдах и в графике Кутурова. Ежегодные пленэры по просторам Дальнего Востока обогатят его зрительную память, помогут найти и раскрыть новые темы.

Холодок вспоминает, как однажды, уже после окончания полиграфа, к нему в мастерскую зашел Кутуров со словами: «Николай, хватит заниматься только графикой. Тебе пора переходить на цвет!». И протянул увесистый пакет, доверху наполненный тюбиками масляных красок.

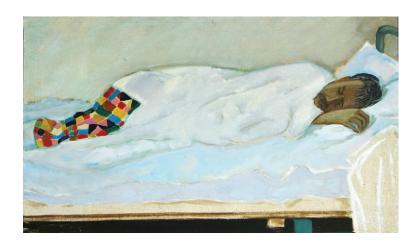
Моя первая встреча с художником Кутуровым произошла в худграфовской мастерской рисунка в сентябре 1967 года. Геннадий Матвеевич был невысок, карие глаза внимательны и доброжелательны. Глаза человека, открытого общению. Обычно Кутуров приходил в мастерскую раньше студентов, раскладывал принесенные с собой альбомы и книги. Беседуя с нами, всегда стремился показать, как изменяется художественный результат при использовании той или иной техники. Поэтапно рассказывал о том, как правильно выполнять задание, четко определяя учебную задачу. Старался щадить нас при анализе ошибок в работах, особенно по композиции. Перебирая наши наброски, Кутуров мгновенно выбирал удачные. По сути, он постоянно говорил нам о том, что в искусстве нет мелочей. Даже к начальным этапам по подготовке инструментов к работе, выбору художественных материалов надо подходить ответственно. Безусловно, Кутурова напрягали наши сухие, «проволочные» рисунки и маловыразительные этюды. Желая нас раскрепостить, он однажды подробно рассказал, как работать в технике монотипии, в которой не всегда бывает предсказуем результат; хотя это не было предусмотрено программой, Геннадий Матвеевич наглядно показал нам, как выполнить такое задание, не поленившись принести для этого все необходимое. Как педагог Кутуров был очень начитан и глубоко эрудирован.

С 1972 года, после завершения педагогической деятельности, Кутуров постоянно работал в Хабаровском отделении Художественного фонда СССР. В 1975 году стал членом Союза художников СССР. При этом как художник он никогда не выпадал из поля зрения людей, знавших его, – на выставках всегда можно было видеть его живописные и графические произведения.

В мастерской Николая Холодка висит этюд с неожиданным и необычным названием «Не спи, не спи, художник» (1980-е годы). Он быстро сделан с натуры, несет черты незавершенности: приблизительный рисунок и оставленные незаписанными фрагменты холста. Общий колорит композиции прохладный, ассоциирующийся с глубоким и спокойным сном. Гармонию дремы и тишины нарушает самое сочное пятно этюда – фрагмент яркого лоскутного одеяла. Он словно напоминание о солнечном дне и его заманчивых и изменчивых красках. О спящем натурщике Кутуров обычно говорил, что это Николай Холодок.

Глядя на эту незавершенную композицию, сразу вспоминаешь студенческие годы и ранние подъемы на пленэре. Геннадий Матвеевич будил нас на этюды с первыми лучами солнца. Часто над Уссури еще стоял легкий слоистый туман, и все вокруг казалось написанным китайским художником на рисовой бумаге. Однажды, не успев до начала пленэра загрунтовать картон и холсты, мы с подружкой решили, что можем это сделать и во время практики. Нам был срочно нужен горячий клеевой грунт, но сложенная на берегу горка влажного топляка никак не хотела превращаться в костер. Геннадий Матвеевич обнаружил нас совершенно случайно, когда мы уже обильно полили дрова уайтспиритом, не подозревая о взрывоопасных свойствах этой жидкости. К счастью, Геннадий Матвеевич уберег нас от травм и ожогов. Каждый вечер он приходил к нам в деревенскую избу, просматривал и анализировал нарисованное за день. Выявив устойчивые ошибки, всегда давал толковые советы. Это спокойное и деловитое общение создавало ощущение той творческой атмосферы, которой жил сам художник.

Вспоминая участие Кутурова в выставках, трудно сказать, какому именно жанру он отдавал предпочтение. Среди его графических и живописных работ есть пейзажи, портреты и натюрморты. Все, к чему обращалось внимание художника, было нарисовано и написано с натуры. По-видимому, для его мироощущения это было важно, так как именно реальность становилась предметом творческих размыш-

лений и фиксации на бумаге или холсте. Она давала ощущение причастности к незаметным обычному глазу, но таким важным для художника постоянным изменениям в природе. Многочисленные пленэрные поездки по Дальнему Востоку представлены этюдами, на которых часто можно видеть пейзажи Сахалина и Камчатки. Это любимые места для творчества Кутурова. На этюдах ветви кедрового стланика на светлом песке, уединенные бухты и шумные рыбные цехи с силуэтами стоящих у пирса судов. Некоторые из них стали основой для завершенных произведений. Однажды во время такой поездки на Сахалин совместно с Холодком они сделали роспись для одной из школ города Томари по эскизам, разработанным Ку-

«**Не спи, не спи,** художник». 1980-е. Холст, масло. 53 х 80. Собственность художника Н.И. Холодка

Материнство. Холст, масло

Подросток. 1980-е. Холст, масло. 130 х 100. Собственность художника Н.И. Холодка

ков горячо благодарили в местной администрации и вручили по памятному значку.

Множество панорамных этюдов явно написаны художником из окна мастерской на шестнадцатом этаже в доме по улице Ленина. Рассматривая их, невольно задумываешься о том, как по-особенному видит окружающий мир художник. Обывателю трудно предста-

Девочка в дверях. Холст, масло. 80 х 60. Галерея современного искусства «Метаморфоза» (Комсомольск-на-Амуре)

вить, каким неисчерпаемым источником эстетических впечатлений может быть привычный пейзаж. Для художника это всегда занимательный, естественный и изменчивый театр природы. В этюдах Геннадий Матвеевич стремился запечатлеть редкие состояния освещения раннего утра или приближающихся сумерек с силуэтами домов, подсвеченных из окон. Искал особенные цветовые отношения, пропорции земли и неба для истекающего зноем хабаровского лета или зимней стужи. Фактурные эффекты в его этюдах также направлены на выявление задуманного художественного результата. Композиции, посвященные Хабаровску, написаны в разной манере. В одних преобладает декоративное, порой плоскостное начало, другие отмечены пространственной глубиной. В равной мере в таких композициях меняется отношение к цвету, то интенсивно насыщенному или, наоборот, сближенному по пятнам.

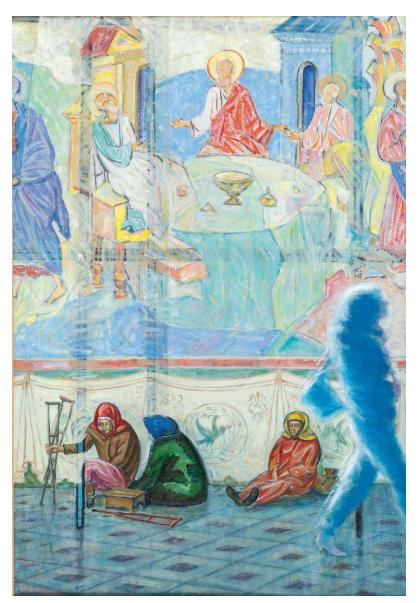
У многих мастеров есть темы, к которым они обращаются постоянно. Такой лирической, камерной темой в творчестве Кутурова были образы дочери Вики и жены Евгении Сергеевны. Большинство детских портретов не датировано, их нельзя расположить в точной последовательности, но в них всегда можно увидеть черты дочери. В композиции «Девочка в дверях» маленькая терпеливо позирующая модель написана большими цветовыми отношениями в холодной цветовой гамме. Это усиливает матовую прозрачность ее лица. Звучность ультрамарина и изумруда подчеркивает контраст красного, заряжая холст напряжением. Это круг солнца на груди, словно пульсирующее сердце и фигурка игрушечной лошадки. Они кажутся обычными атрибутами беззаботного детства. Вика изображена словно стоящей на пороге жизни, но тревожный колорит картины напоминает о годах переживаний и безуспешной борьбы родителей за ее хрупкое здоровье.

В холсте «Подросток» (1980-е) мастер запечатлевает память о своей девочке на пороге взросления, который так и не наступил. Фоном для портрета послужили сохранившиеся детские рисунки Вики. Взметнувшаяся, написанная рельефными мазками занавеска открывает образ сказочной принцессы, тонкой, кареглазой девочки с раскрытой книгой. На ее фигуре художник сконцентрировал внимание зрителя, активно выделив цветом. В композиции есть черты некоторой незавершенности, ассоциирующейся с внезапным обрывом жизненной нити. В ней передано главное: сохранено тепло чувств и нежность, светлая память и неугасающая горечь невосполнимой утраты. Тема материнства и детства всегда была значима для художника и годами развивалась в творчестве. Образы Евгении и маленькой Вики на многочисленных рисунках и этюдах. Много сил отдано художником при создании холста «Материнство». Геннадий Матвеевич тяжело переживал, когда эта картина, прошедшая отбор выставкома, не была представлена в экспозиции одной из выставок в 1998 году. Как потом окажется, это был последний год его жизни.

В собрании Дальневосточного художественного музея есть холст «Реставрация» (1950-1988). Судя по датировке полотна, Кутуров эпизодически входил в работу над ним на протяжении длительного времени. Нечасто в произведениях художников периода развитого социализма можно было увидеть интерьер храма, да еще и с фигурами убогих старушек. Произведение такого мыслящего художника, каким был Геннадий Матвеевич, явно несет черты какого-то сюжетного начала. Даже на житейском уровне у зрителя возникает вопрос о том, что же конкретно имел в виду художник, когда задумывал и писал произведение. Сейчас это уже не восстановить, но, без сомнения, промытая от вековой копоти, сияющая прозрачными красками фреска с изображением Троицы Ветхозаветной задает цветовое и философское звучание композиции. Ее торжественный, канонический строй о вечной гармонии и совершенстве мира небесного. Если обратиться к весьма отдаленной аналогии, то замысел композиции «Реставрации» перекликается с общей структурой средневекового алтарного складня. На контрасте миру небесному мир земной несовершенен, полон боли и скорби. Пространство храма дает возможность выйти за пределы своего мифического времени и соотнестись с временем реальным. Нечеткая, с размытыми контурами фигура на переднем плане играет важную роль в восприятии композиции, создавая эффект сиюминутности бытия человека. Конечно, это смысловое наполнение композиции не может быть исчерпывающим в беглых заметках и совпадать с замыслом художника, так как даже не раскрывает данное ей название «Реставрация».

Приоткрыть смысл произведения помогает Николай Иннокентьевич Холодок, не раз беседовавший с Кутуровым. Еще в предперестроечное время художник размышлял о необходимости реставрации веры как духовной составляющей жизни России. После долгих лет безверия, глумления над святынями и разрушения храмов наконец возвращается вера. Просветленные лики Троицы дают надежду на возрождение лучших качеств в характере русского человека и одно из них – сострадание. Обновление личности никогда не происходит сразу и со всеми. Вот и мелькнула на первом плане безразличная к чужому горю фигура.

Можно сказать, что в творчестве Геннадия Матвеевича графика и живопись переплетались постоянно. Он работал и экспериментировал в разных видах и техниках графики, постоянно участвовал в выставках, получал дипломы, подтверждающие его профессиональ-

Реставрация. 1950–1988. Холст, масло. 150 x 105. ДВХМ (Хабаровск)

Городской пейзаж. Холст, масло. 79,5 x 99. ДВХМ (Хабаровск)

Товарные знаки

Хабаровский центральный универмаг

Хабаровский завод алюминиевых конструкций

Мелиорация

«Продолжим подвиг на Амуре!»

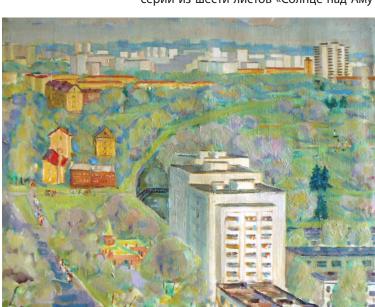
1970–1973. Дерево, картон, гуашь. 100 х 70. Городской краеведческий музей (Комсомольск-на-Амуре)

Вид сверху на парк «Динамо». 1993. 39 х 49. Галерея современного искусства «Метаморфоза» (Комсомольск-на-Амуре)

ное мастерство. Самые значительные среди них Республиканская выставка плаката в Ленинграде (1972), Всесоюзная художественная выставка «50 лет гражданской авиации» в Москве (1973), Выставка Торгово-промышленной палаты СССР в Таллине (1974), участие в Международном конкурсе «Плакат Олимпиады-80» в Москве (1980), Международная выставка «Плакат в борьбе за мир» в Москве (1982) и другие. Кутуров сам перечислил их в своем каталоге.

Мастер владел техникой вырезной графики. Хотя самой технике уже не одно столетие, Геннадий Матвеевич смог удачно ее интерпретировать в тематической серии из шести листов «Солнце над Аму-

ром» (1970-е). В композиции «Приготовление талы» художник сохраняет характерные черты традиционного быта коренных народов Амура (каталог), подчеркивает этническое начало криволинейным орнаментом аппликации старинного ковра. Хотя перед нами графическая композиция, в соотношении белого и черного цветов художник смог достичь впечатления солнечного дня. В собрании ДВХМ есть повторение этой композиции, названной мастером «Светлое утро». В ней художник сделал легкое подсвечивание фона, обогатив этим приемом цветовую гамму. Лист из этой же серии «Амурские волны» решен на синтезе некоторой условности изображения людей и мощной декоративной интерпретации водной стихии. Закрученные спирали за бортом лодки подобны известному орнаменту бегущей волны коренных народов. Они убедительно передают стремительность летящего по волнам судна и ассоциируются с мифическим водным драконом. Николай Холодок подчеркивает, что Кутуров первым инициировал обращение к приемам вырезной графики, вызвав и у него интерес к освоению и экспериментам в этой технике.

Емкий и лаконичный язык плаката также был доступен Кутурову. Некоторые листы посвящены первостроителям Комсомольска-на-Амуре («Колумбам Комсомольска-на-Амуре – слава!», «Продолжим подвиг на Амуре!» и др.), дальневосточной авиации («Воздушные линии Дальнего Востока»), создана серия «Русские офицеры» («С. Макаров», «Витус Беринг», «Г. Невельской») и т. д. Многие плакаты обращены к значимым событиям истории родного края. Точный отбор реалий, обобщение силуэтов и стилизация, максимальная выразительность и ассоциативность цвета используются в арсенале изобразительных средств художника. При этом стилизация не является самоцелью для Кутурова, не стирает и не размывает образ, не делает его нечитаемым для обычного зрителя. Основы такого понимания были положены и отточены еще в первые годы после окончания худграфа. В самом начале творческого пути, работая в Дальневосточном филиале ВНИИТЭ, Кутуров развил специфику и особенности лаконичного дизайнерского мышления. Он разрабатывал товарные знаки для различных предприятий Хабаровска и Хабаровского края, решая их строго и выразительно.

Так сложилось в непростой жизни Геннадия Матвеевича, что отчаянная ситуация с его здоровьем при необходимости постоянного лечения в стационаре обусловила появление графической серии «Больхроника». Как художник, он не мог не рисовать ежегодно несколько месяцев. Поэтому больничная палата на это время становилась мастерской Геннадия Матвеевича, а персонал больницы и ее обитатели натурщиками. Герои серии – врачи, медсестры, нянечки и

санитарки, а также те, кто ждет и надеется на облегчение. На некоторых лицах героев цикла видны черты усталости, но в них нет беспощадной безысходности. Особенности условий создания «Больхроники» определили преимущественно мягкие и подвижные материалы серии (карандаш, уголь, пастель и т. д.). Это действительно реальные, быстрые наброски и зарисовки из больничной жизни без какой-либо лакировки и ложной патетики. В 2002 году большая часть серии «Больхроника» была представлена на выставке в стационаре, а после подарена больнице. Организаторами этой художественной акции стали Николай Холодок и Евгений Бурлов.

Тяжелая, дымная осень 1998 года. Хабаровск затянут мрачной, пепельной мглой окруживших его лесных пожаров. Осень оказалась роковой для здоровья Кутурова. Геннадий Матвеевич ушел из жизни в первый день нового, 1999 года. Прошли десятилетия, но этот художник, работавший с нашей студенческой группой всего-то около полутора лет, хорошо запомнился. Остался в памяти студентов доброжелательным и интеллигентным педагогом, умевшим спокойно настраивать на серьезную работу. Рядом с ним как бы само собой образовывалось эмоциональное поле уверенности и деликатности.

Естественно, уход из педагогической в творческую деятельность стал для Кутурова продуктивным. Возможность самому планировать собственное время, выбирать место пленэров плодотворно сказались на его творчестве. Он смог полностью раскрыться как мастер изобразительного искусства и создать свою художественную реальность. Геннадий Матвеевич не был склонен к мелочному правдоподобию и условной рафинированности в творчестве. Он стремился к пластически целостной и обобщенной трактовке форм, подчеркивая их цветом. Его живописи не свойственна патетика, она рассчитана на неспешное созерцание.

Индивидуальное воспроизведение Кутуровым окружающего мира развивалось в традициях советского изобразительного искусства 1970–1980-х годов и всегда было наполнено и окрашено его личным ощущением гармонии и подлинности.

Геннадий Матвеевич свои произведения часто не датировал, и сейчас многие из них невозможно расположить в хронологической последовательности. Они находятся в Дальневосточном художественном музее (Хабаровск), Картинной галерее им. А.М. Федотова (Хабаровск), Музейно-выставочном центре Забайкальского края (Чита), Музее современного искусства ЕАО (Биробиджан), Галерее современного искусства «Метаморфоза» (Комсомольск-на-Амуре). Конечно, долгожданные встречи зрителей на ретроспективных выставках с произведениями Геннадия Кутурова возможны.

Автор выражает искреннюю признательность художникам Н.И. Холодку и Е.В. Бурлову за предоставленные фотографии из личных архивов и помощь в подготовке этой статьи.

Особая благодарность директору Галереи современного искусства «Метаморфоза» (Комсомольск-на-Амуре) О. Приваловой и художнику И. Грабовскому, любезно предоставившим фотографии произведений Г.М. Кутурова.

источники

Кутуров Геннадий Матвеевич: Каталог выставки. Хабаровск: Риотип, 1992. с. 8.

Лепетухин А.П. Три судьбы: ДАЛЬ: альманах /ХГПУ. 2007, № 1. с. 18–26.

Морозова А. «Больхроника» без темных красок // Словесница искусств. № 11. 2003. С. 21.

Амурские волны.

1974.

Бумага, печатная графика, подцветка. 35 х 45. ДВХМ (Хабаровск)

Светлое утро.

1989. Бумага, печатная '

графика, подцветка. 28 х 30. ДВХМ (Хабаровск)

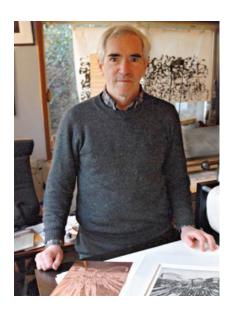
Тут и там

Линии жизни

Быстротечный мир в фотогравюрах Питера Миллераольга ЗОТОВА

Линии жизні

Прозрачный водопад... Упала в светлую волну Сосновая игла.

Мацуо Басё

Питер Миллер работает в сложной технике фотогравюры. Он живет в Японии, но выставки мастера проходят во многих городах мира, в том числе Владивостоке, Иркутске, Санкт-Петербурге. К нашей стране он испытывает особые чувства и размышляет об этом в нашей переписке: «Россия представляет для меня своеобразный парадокс: я действительно люблю бывать в ней, там есть глубина дружбы и симпатии, которой больше нигде нет. И посетители моих выставок глубоко понимают, что я делаю, действительно ценят мою работу».

Одна из персоналий Питера Миллера «Линии жизни» проходила во Владивостоке в 2016 году и получила название от работы, в основу которой легла фотография из серии, сделанной в 2011 году во время поездки автора на Хоккайдо. Морские водоросли, длинными линиями растянутые по берегу для сушки, явили картину, наделенную отнюдь не гастрономическим смыслом. Рисунок этих линий воплотил метафизическое состояние, которым полна японская культура, превращающее обычный урожай в загадочное состояние мира, наполненное едва уловимым звучанием вечной мелодии жизни. Здесь соединились и

вкусовые предпочтения японцев, и загадки морских глубин, и собственно основа мировоззрения островной страны.

Им же навеяны и другие названия - «Снова время», «Тут и там», «Интерлюдия», «История бамбука»... Скрытый смысл, заложенный в основу вполне конкретных образов, выдает в авторе истинного поэта, способного вложить в оттиск на бумаге тонкое настроение хокку, будто следуя фразе Басё: «Узнавайте все о сосне у самой сосны, о бамбуке – у самого бамбука». Удивительно тонкие и эстетичные работы Питера Миллера пронизаны медитативным настроением, прямо связанным с мировоззрением ваби-саби. В кратких электронных словарях дается довольно точное толкование этого термина: «скромная простота» (ваби – воздержанность, саби – ржавчина, винтаж). Ваби-саби представляет собой обширную часть японского эстетического мировоззрения. «Ваби» ассоциируется со скромностью, одиночеством, неяркостью, но в то же время внутренней силой. «Саби» с архаичностью, неподдельностью, подлинностью.

Однако не только цитаты из словаря, но и многих книг, посвященных японской культуре, недостаточно, чтобы это мировоззрение стало настоящей частью души художника. Питер Миллер оказался в числе немногих личностей, воспитанных в традиционной западной культуре, безусловно принявших эстетику японского образа жизни, дзэнское ощущение мира с его меланхолией, сосредоточенностью на неброском, лишенном излишеств мире.

биография Сама его более чем красноречива. Он родился в 1945 году в Пенсильвании (США), изучал социологию в Колумбийском университете и Беркли. Карьера складывалась вполне успешно: защитив диссертацию, Питер работал консультантом в государственных и частных компаниях. Впервые он приехал в Японию в качестве консультанта компании «Хонда». И остался здесь, изменив свою жизнь во всех смыслах - внешнем (отказ от предсказуемой успешности менеджера) и внутреннем (принятие непостижимого, следование своему пути со стремлением запечатлевать пре-

Снова время

История бамбука

красное с одновременным ощущением временности жизни).

Врастание в ткань японской повседневности происходило постепенно и не было легким. В одной из наших бесед Питер рассказал о моменте, когда понял, что принят этой страной. Он постоянно покупал рис в одной из маленьких лавочек, и прошло много времени, прежде чем хозяин первым поздоровался с ним.

В 1991 году Питер Миллер переехал в Камакуру и стал одним из жителей города с почти тысячелетней историей. Окруженная горами

и морем, Камакура давно перестала быть оплотом сегуната, и привлекает больше художников и писателей. Храмы дзэнской школы, высокие тории, бронзовый Дайбуцу создают тот фон, на котором отчетливее прочитываются произведения, создаваемые Питером. Он размышляет о философии восточного искусства, в котором внимание художника фокусируется не на человеке, а на окружающем его мире, ландшафте, где может «потеряться» фигура; о возможностях воображения и свойствах памяти; об оттенках черного цвета, кото-

Вторая весна

Окрыленная Фудзи

рый в монохромных фотогравюрах становится средством выразительности. Несколько лет назад Питер Миллер завершил строительство мастерской. Здесь он не только работает сам, но и готов обучать желающих фотогравюре.

Художник выбрал очень трудоемкую технику, став специалистом высочайшего класса. Сложный процесс переноса фотоизображения на металлическую основу с последующим получением из нее формы для оттиска, популярный в XIX веке, сегодня используется нечасто, в том числе в силу прагматических соображений. Перенос изображения с позитива на медную пластину длителен, процесс травления вреден, станок для ручной печати громоздок. Однако под впечатлением работ Генри Эммерсона и европейской гравюры Питер в 1989 году обратился именно к этой технике, возвращая живущих в эпоху высоких технологий к истинной красоте. Художник тщательно изучает технику печатания в Англии и Франции. В одном из своих интервью говорит о том, что фотогравюры как настоящие произведения искусства трансформируют реальность и формируют восприятие. Графические и живописные эффекты, достигаемые методом фотогравюры, позволяют создать полноценный художественный образ. Он отсылает к искусству монохромной живописи суми-э с его гармоничным единством безупречной художественной формы и философского смысла, особым эмоциональным звучанием. Частицы мира, сведенные воедино в изображении, ведут зрителя к величественному целому. В 1983 году Питер Миллер стал первым иностранным членом японской Ассоциации фотографии горных пейзажей.

Есть еще одна сторона творчества этого мастера. В одном из писем он подробно остановился на феномене ощущений, которые формируются искусством, размышляя о наполненности и пустоте. Не той вселенской пустоте, из которой согласно восточной философии приходит все и куда все уходит. А о той, что нередко остается от лицезрения объектов актуального искусства, часто порождаемых исключительно стремлением эпатировать. Свою задачу художник видит в противоположном – дать зрителю прикоснуться к красоте, наполнить душу священным огнем искусства, о котором писал Николай Рерих.

Популяризируя искусство фотогравюры, Питер Миллер занимается активной выставочной деятельностью и уже провел более 40 выставок. Одна из самых значительных состоялась в 2018 году в музее современного искусства «Эрарта» (Санкт-Петербург). В разное время зрители Франции, Англии, Швейцарии, Германии, Испании, России и других стран испытывали истинное восхищение, прикасаясь к его творчеству. За последние 20 лет автор создал несколько сотен тиражей фотогравюр. Все они наполнены впечатлениями от быстротечных явлений природы и повседневности.

Произведения Питера Миллера хранятся в коллекциях Музея современного искусства в Камакуре (Япония), Галереи Сэклер Смитсонианского музея (Вашингтон, США), Национального музея американского искусства (Вашингтон, США), Хьюстонского музея изобразительного искусства (США), Музея Виктории и Альберта (Лондон, Англия), Музея Йениш (Веве, Швейцария), музея «Артэтаж» (Владивосток, Россия) и в других собраниях и частных коллекциях.

Крылья хехцирской бабочки

Дальневосточные образы в творчестве Романа Босова

Ольга АПОЛЛОНОВА

Конец лета – начало осени в нынешнем году у хабаровского скульптора Романа Босова были наполнены событиями и перелетами. Еврейская автономная область, Москва, Сахалин. Мастерство литейщика нарасхват. В санатории «Санус», что в поселке Кульдур (EAO), он создал особую эстетическую среду: въездные ворота, козырек над входом из стекла и металла, фонтан «Взлетающий лебедь», декоративные ограждения для лестницы, ротонду, балюстраду и многое другое. Завершающим штрихом стала авторская скульптура «Шах и мат». В сентябре в Охе торжественно открыли памятник военным летчикам, чей полк базировался на севере Сахалина. Для воплощения идеи Роману Босову потребовалось три года.

– Было конкретное техзадание: в монументе должны присутствовать памятная доска с фамилиями и званиями летчиков, специальная символика. Словом, материал, с которым нужно работать, – рассказывает скульптор. – Я размышлял, как это скомпоновать, чтобы все выглядело гармоничным, красивым. В итоге получилась композиция, центром которой стала двухметровая фигура смотрящего в небо летчика, а памятную доску словно обвивают взмывающие вверх три самолета (проект памятника разработан совместно с художником-архитектором из г. Охи Олегом Носыревым. – Примеч. ред.). Образ летчика собирательный, поскольку это знак памяти семерым погибшим, и было бы несправедливо изображать кого-то конкретного.

Выбор профессии для Романа Босова не был случайным. Повлиял пример отца, тоже скульптора, Виктора Босова. Хотя в определенный момент судьба могла сложиться иначе.

– Мой отец в мастерской работает всю жизнь. Раньше это были мастерские Союза художников России, сейчас они относятся к Дальневосточному художественному фонду. Отец строил это здание, когда был студентом, и до сих пор трудится здесь. Он художник-исполнитель, другими словами, рабочие руки и голова. То есть тот, кто воплощает в жизнь замыслы других художников. Мне было лет пять, я зашел в гараж к отцу и увидел, как он лепит из пластилина скультуру моей двоюродной сестры. Сход-

БОСОВ Роман Викторович – художник, скульптор.

Родился в 1983 г. в Хабаровске. После окончания в 2005 г. художественно-графического факультета Хабаровского государственного педагогического университета был принят на работу в скульптурный цех, в организацию ОО «Дальневосточный художественный фонд Союза художников России». Член Союза художников России с 2011 г.

В совершенстве владеет технологиями и приемами изготовления художественных работ из черного и цветного металла, стекла, бетона, полимерных смол.

ство с оригиналом оказалось таким разительным, что решил для себя: я тоже стану художником, скульптором. Да и пластилин в детстве был моей любимой игрушкой. А еще я конструировал роботов – это вторая страсть.

Однако к окончанию школы у Романа появились и другие интересы. Увлекся археологией, ходил в экспедиции, раскапывал артефакты и всерьез подумывал об историческом факультете педагогического института. Но родители напомнили о прежней страсти – к скульптуре, декоративному искусству, и Роман решился...

Противостояние

Дерсу Узала

– В институт я поступил в 2000-м, а уже через год начал помогать отцу в мастерской. Как раз тогда в Хабаровске строился стационарный цирк, и нужно было отлить фигурки на купол – они и сейчас стоят по его диаметру. А мастеров для такой работы у нас на всю страну по пальцам одной руки можно пересчитать. Вот я и подключился: месил бетон, резал детали, клал мозаику.

С тех пор профессиональных скульпторов стало еще меньше, причем не только в нашей стране. Потому даже из Европы обращаются с заказами, в том числе и к хабаровским мастерам.

– Пару лет назад мне позвонил знакомый из Москвы и говорит: «У нас тут заказ из Италии. Нужно 19-метровую фигуру Девы Марии сделать из меди. У нас некому». Пришлось помочь. А причина в том, что у нынешних заказчиков почему-то изменился подход к искусству. Раньше любая скульптура, изготавливаемая художником, причем не только по госзаданию, обязательно оценивалась художественным советом, куда входили мэтры отрасли. Сейчас же критерии изменились: лишь бы клиенту понравилось и в бюджет уложиться. Этот процесс никем не регулируется, а у самих заказчиков почему-то с каждым годом уровень культуры становится все ниже. Вот мы и получаем уродливую лепнину в Питере, несуразные городские скульптуры и прочее безобразие, но людям, как ни странно, нравится. Но я убежден, что все это обесценивает труд настоящих мастеров.

И все же Роман Босов не думает бросать любимое дело – отливать скульптуры из бронзы. Говорит, это его призвание. К тому же в 2008 году у него появился напарник – инженер-литейщик, и они отличная команда. А ближайших от Хабаровска мастеров литья из бронзы можно отыскать теперь только на Урале и в Сибири.

– Мы начинали работать в небольшой комнате, где стояла маленькая газовая печь. Помню первый опыт: август, за окном тридцать градусов, в мастерской все шестьдесят, а мы отливаем бронзового тельца. Расплавили тогда пять килограммов металла, залили три фигуры, и только одна из них получилась. Теперь этот бычок – наш талисман. Затем была бронзовая памятная табличка на особняк Алексея Клементьевича Черного. Дальше – больше. Была и работа в бригаде, когда делали Труса, Балбеса, Бывалого и Атаманшу из мультфильма «Бременские музыканты» для аллеи на городских прудах. Отливали рельефы для сквера пограничной славы на Уссурийском бульваре и многое другое.

Последние несколько лет Романа приглашают работать в Приморье, Якутию, Еврейскую автономную область, в том числе и для переделки старых больших монументов. В этом году, например, восстановлена скульптура солдата высотой три с половиной метра. Прежде она была из бетона, теперь в бронзе. А на подходе новый заказ – скульптурная композиция для Хабаровска «Врачу и учителю посвящается». Она займет центральное место в реконструированном сквере за гостиницей «Интурист».

Но, безусловно, настоящему художнику не дают покоя собственные замыслы. Жаль, что на них не всегда хватает времени, однако отдельные проекты все же удается воплотить, хоть и в малой форме. Эти произведения составляют важную часть творчества Романа Босова. В 2010-м

МАСТЕРСКАЯ

Лето

Айога Уреки

Рыбацкая удача

Скульптурная композиция «Шах и мат». Санаторий «Санус», п. Кульдур (EAO)

Памятник военным летчикам 583-го истребительного авиационного полка 146-й Хинганской дивизии. Оха, Сахалинская область

Санаторий «Санус», п. Кульдур (EAO)

Фонтан «Взлетающий лебедь». Санаторий «Санус», п. Кульдур (ЕАО)

скульптура «Дерсу Узала» признана лучшей в молодежном блоке Всероссийского конкурса скульптуры «Наше отечество» в Москве, где участвовали работы художников из более 400 городов России и зарубежных стран. Скульптура «Лето» заняла первое место в Международном Британском конкурсе GOLDEN TIME TALENT, и подарена Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу. Ее копия хранится у Романа в мастерской.

– Мои скульптуры в основном посвящены Дальнему Востоку. «Лето» – это тема природы и коренных народов нашего края. Девочка одета в нанайский халат, на голове у нее венок из таежных трав и цветов, на пальчике сидит хехцирская бабочка. В бронзе подобную скульптуру еще никто не делал.

Ждет своего воплощения скульптурная композиция «Противостояние», занявшая первое место в хабаровском городском конкурсе парковой скульптуры. И наверняка во что-то большее может превратиться «Айога» – образ, созданный Романом в 2010 году по мотивам нанайских сказок.

– Я изобразил девушку с длинной шеей и птичьими перьями в волосах: в сказке Айога сильно загордилась и вотвот превратится в гусыню. Вот я ее и изобразил на грани перевоплощения. Мои скульптурные образы всегда собирательные. Еще хотелось бы сделать странствующего шамана в ритуальном облачении верхом на медведе с мешками да корешками. Мне кажется, это было бы очень интересно.

Творческие замыслы Романа Босова высоко оценивают многие профессиональные художники. Работы скульптора сегодня находятся в фонде Дальневосточного художественного музея, в частных коллекциях.

Пианизм как игра в бисер

Владимир БУДНИКОВ

Для многих, и для меня в том числе, Лидия Александровна Хусаинова – знаковая фигура в музыкальном мире российского Дальнего Востока. Фортепианный педагог столь большого масштаба, энциклопедически образованный музыкант живет и работает в детской школе искусств № 1 г. Амурска.

Осмысливая свой путь, прихожу к мысли, что встреча с ней была для меня судьбоносной и, думаю, неслучайной. Общение с такой личностью драгоценно, в том смысле, что оно позволило увидеть себя в отражении ее крупного мировоззрения. Человек ведь есть зеркало для другого. Если личность человека велика, то зеркало его души обладает увеличительной силой: ты видишь себя в перспективе собственной судьбы.

Сейчас понимаешь, что пианизм – это не просто движения пальцев, а музыка не есть просто искусство звука. Играть на рояле и быть музыкантом – разные вещи. Быть музыкантом – это, в первую очередь, быть человеком. А исполнительство на рояле – это способ существования души. Самый восхитительный из возможных способ вырвать свою сущность из цепких объятий обыденности. Великие композиторы Бах, Бетховен, Чайковский и многие другие открыли и зафиксировали в нотной записи потрясающее разнообразие человечных форм существования души. В звуках их музыки, тайну сочетания которых знали только они, сама правда о смысле бытия. Они высказали блистательные музыкальные мысли о взаимосвязи материальной жизни и пространств души, об оправданности земного человеческого существования творчеством... Кто читал роман Германа Гессе «Игра в бисер», поймет меня. Осознание того, что пианизм и вообще музыкальное исполнительское искусство находится в чрезвычайно широком контексте культуры, пришло после прочтения именно этого произведения. Но я не смог бы провести аналогию между своей исполнительской жизнью и идеей романа, если бы во мне изначально не был бы заложен определенный музыкантский фундамент, на основе которого я начал мыслить по-другому.

Умение рассуждать широко, находить подобия в разных областях человеческого знания, в науке, литературе, живописи и, прежде всего, в музыкальном искусстве внедрила в мое сознание учитель по классу фортепиано в музыкальной школе Лидия Александровна Хусаинова. Две ее короткие жизненные сентенции ясно запечатлелись в юношеском сознании: «Все – разное» и «Все – подобно». Увеличительная «оптика» этих емких фраз настроила на иное восприятие мира, дала толчок к пониманию цельности мира и взаимообусловленности его частей.

Лидия Хусаинова. Москва, 1960-е

Судьба любого призванного музыканта - это существование в мифической внутренней идеальной Касталии, о которой мечтал Гессе. Его «игра в бисер» – изящная головоломка сферы духа, погружающая игрока в глубины познания мира. Суть игры сводится к тому, чтобы найти и продемонстрировать общее основание для нескольких, казалось бы, несовместимых «этажей» знания. Первоначально эту тождественность манифестировали музыка и математика. Сыграть, например, произведение И.С. Баха – это все равно что раскинуть партию в бисер - в фуге много математического. По сути, обе эти сферы в своем слиянном намерении выявляли гармонию космоса и души человека. В зависимости от эпохи из элементов духа собираются различные представления о мире и душе. Для музыканта это наилюбимейшая категория партий: доказать существование души посредством звуков.

Первая ступень мастерства игры в бисер (для музыканта) – провести параллель, аналогию между музыкой и иной сферой; вторая – вывести аналогии к другим темам; последняя – свести заявленные темы к Единому через импровизационную увязку с многообразием мира и души.

Пример воображаемых «разыгрываемых» партий:

• Мажоро-минорная система музыки \to периодическая система элементов Менделеева \to теория аффекта.

- Символика баховского языка → нотная графика (геометрия) → нравственные постулаты Канта.
- Додекафония ightarrow формальная логика ightarrow теория хаоса (энтропия).
- Теория лада \to электромагнитное взаимодействие \to психология бессознательного.

Совсем недавно я листал газету «Дальневосточный Комсомольск» за 1958 год в поисках информации о начале строительства Амурска. И случайно обнаружил две статьи, в которых упоминается ученица ЦМШ Комсомольска-на-Амуре Лидия Хусаинова. Приведу две цитаты.

«Самым ярким было выступление отличницы музыкальной школы ученицы 7 класса Лиды Хусаиновой (класс М.Б. Берлин). В концерте она исполняла одну из самых задушевных пьес Э. Грига «Весной». Лида сумела воспроизвести чудесный мир образов природы, созданных композитором. Успех Лиды Хусаиновой – результат не только ее музыкального дарования, но и плод большого труда». «Учитывая проявленные Л. Хусаиновой большие музыкальные способности, усидчивость и увлеченность, с которой она на протяжении ряда лет их развивала под умелым руководством лучшей преподавательницы школы Б.М. Берлин, педагогический совет единодушно рекомендовал ей поступление в музыкальное училище».

Бронислава Моисеевна Берлин не просто прекрасный педагог с великолепным образованием, но и музыкант, обладающий знаниями непосредственной пианистической традиции. Берлин училась в Ташкенте и позже в Московской консерватории у Григория Гинзбурга. Работала в Гнесинском училище до тех пор, пока не уехала в Комсомольск-на-Амуре вслед за мужем, которого командировали на судостроительный завод. В августе 1958-го Лидию Хусаинову снабдили рекомендациями и направили в Москву для поступления в Гнесинку. В советское время всерьез заботились о талантах: если отправляли, значит, было основание. Значит, Бронислава Моисеевна, осознавая свою преемственную связь с легендарным учебным заведением, считала своим долгом таким образом определить судьбу начинающего музыканта. Она обеспечила безусловно талантливой ученице возможность поступить в училище.

Лидию Хусаинову зачислили в класс Софьи Викторовны Девенишской, ученицы самой Елены Фабиановны Гнесиной, и она получила фортепианную школу из первых рук. Окунулась в атмосферу, которую определяли большие музыканты: А. Алексеев, Г. Гинзбург, М. Фейгин, Е. Либерман, Т. Гутман, другие и, конечно, Елена Фабиановна. В студенческой жизни Лидии происходили и совершенно неожиданные мимолетные встречи, вносящие свой вклад в формирование души. Случайно столкнуться с Д. Шостаковичем или А. Гольденвейзером (а ведь он общался с Л.Н. Толстым и С. Рахманиновым) и посмотреть в их глаза – это ли не воспитание чувств? Ходила на концерты великих пианистов и получала неоценимый слуховой опыт: «как должно звучать». Однажды в зале им. Чайковского слушала выступление В. Софроницкого: лучше него никто не играл Скрябина.

Попасть на высококлассные концерты было трудно, но в советское время студенты посещали концерты бесплатно – просто проходили и всё: билетеры их пропускали. Много слушала живьем С. Рихтера. Вспоминает впечатление от его личности и артистического обаяния: «Слушаю и перестаю себя ощущать». А концерт Юдиной! Осталось яркое воспоминание о том, как Мария Вениаминовна перед выступлением подошла к краю сцены, поклонилась, потом села за рояль, нашла в кармане платок, достала очки, протерла, надела на нос. Играла она сонату Белы Бартока! Впервые в России! Юдина была страстным пропагандистом новой музыки. Кстати, это произведение она однажды играла в концертном зале Хабаровской филармонии, что не понравилось, насколько я знаю, местной фортепианной «элите». Музыка Бартока сложна по языку, но, безусловно, талантлива. Московская публика более благосклонна и терпелива. После последних звуков Юдина встает, подходит к краю сцены и обращается в зал: «Мне кажется, вы не поняли? Послушайте еще раз!» Исполняет снова. Потрясающий пример служения искусству.

Благодаря Лидии Александровне годы моей учебы в музыкальной школе были периодом настоящего общения с Музыкой. Школа располагалась в 1960–70-е годы в самом старом каменном здании Амурска. Для погружения в музыку педагогическому процессу не нужно ни заискиваний, ни «развлекаловки» - ничего уводящего от сути в сторону. Для работы только стул и фортепиано – все! Даже частые перебои с электричеством не помеха. Когда отключали свет, а мои уроки стояли в расписании последними, Лидия Александровна доставала свечу, которая всегда лежала в столе, и урок продолжался: столько, сколько нужно. Уже на позднем автобусе я добирался домой. Понятно, что настоящий учитель никогда не будет считаться со временем: музыка за «суетливые» 45 минут не раскроет свои тайны. Подобная атмосфера способствовала раскрытию взаимосвязи музыки с внутренним и внешним миром. Интуитивно я эту связь понимал, но более чувствовал, чем понимал. Думаю, общая природа музыкальности в этом и состоит. Если тебе дано видеть подобия в разнообразных явлениях жизни, то легче найти и свой путь в искусстве. Точнее, тебе только и место, что в искусстве. Искусство играет исключительно подобиями. Геометрические подобия - первое приближение к пониманию искусства. Но только тот, кому суждено стать музыкантом, способен услышать подобия в сочетаниях звуков. Слухом измерить и сравнить не только природные явления, но и человеческие чувства. А в пропорциях звуковых соотношений уловить нравственные коллизии романов Т. Манна или Г. Гессе. Эти интеллектуальные романы ХХ века раскрывают фаустианскую тему. Особенно отчетливо - в знаковом именно для музыкантов сочинении Манна «Доктор Фаустус», которое продолжает традицию интерпретаций немецкой средневековой легенды о докторе Иоганне Фаусте.

Тема «сделки с чертом» своеобразно преломлена и в творчестве Ф.М. Достоевского. Его романы сложны не только для чтения, но и для понимания. Лидия Александровна считала, что еще и опасны. Поэтому

всегда повторяла: «Достоевский но в меру». Были разговоры о Раскольникове и братьях Карамазовых. Встреча Ивана Карамазова с чертом эмоционально насыщеннее, как мне кажется, чем беседа композитора Адриана Леверкюна с тем же чертом в романе Манна. Достоевский психологически более убедителен. Это и опасно. Опасно явлением смердяковщины, иллюстрирующей возможность преступить черту дозволенного. Образ младшего брата -Алексея Карамазова, послушника при святом старце Зосиме, преподносился как пример правдивой диалектики жизни: без познания мира человеческих страстей святости не бывает. Алексей должен пойти в мир и, только познав его, вернуться в скит. Диалектические законы - тот общий знаменатель, который помогал, образно говоря, решать партии «игры в бисер».

Действие диалектических законов Лидия Александровна распространяла и на фортепианный процесс. Помню корректировку закона диалектики о переходе количества в качество: только качественное (!) количество (качественные занятия на инструменте) может перейти в качество. Ведь только вдумчивая игра (пусть, просто тренаж, но - качественный), способна накопить нужное количество слухового материала, которое скачком перейдёт в новое качество. Философские подходы к пианизму расширяли горизонты восприятия. Демонстрацией умения видеть саму суть вещей, было, например, «философское» рассмотрение стула: смысл стула исчерпывался наличием трех опор и горизонтальной плоскости. А любое пианистическое движение осмысливалось ею через процесс «переливания» весовых ощущений из пальца в палец и подкреплялось изречением Гераклита: «Все течет, все изменяется». Проводились параллели с романом «Война и мир», цитировались стихотворения А.С. Пушкина, строфы романа «Евгений Онегин», произведения Б. Пастернака, в том числе знаменитое стихотво-

Училище им. Гнесиных. Выпуск 1962 года

Бронислава Моисеевна Берлин и Лидия Хусаинова

Л.А. Хусаинова (сидит). Н. Долгих, Е. Котоманова, Н. Бурим, В. Будников, Л.Т. Юренкова, Е. Нагорная

рение «Быть знаменитым некрасиво». А одно стихотворение Н. Заболоцкого вывешено в ее классе № 11 и всяк входящий волей-неволей читает:

Не позволяй душе лениться! Чтоб воду в ступе не толочь, Душа обязана трудиться И день и ночь, и день и ночь...

Ученики ее класса намертво запоминали, что лень - самая большая человеческая страсть, нельзя допустить, чтобы она тобой овладела. С ленью нужно бороться. Упоминались книги из далеких областей: Н. Карамзин «История государства Российского», Е. Тарле «Наполеон», В. Ленин последние письма и «Материализм и эмпириокритицизм». Для Лидии Александровны философский труд Ленина был ценен тем, что в нем тот дал определение материализма и высказал мысль, что вселенная так же неисчерпаема, как и атом. Мне была знакома теория строения атома, поэтому тезис о бесконечной познаваемости материи был несложен. Заодно и взаимоотношение тоники и доминанты, как тяготения, аналогичного электромагнитному, тоже было понятно. «Алгоритм мыслительных операций в науках один и тот же», - говорила она. Удивительно, но Лидию Александровну и сейчас интересует вопрос, когда в научном сообществе будет решено, что есть электричество, гравитация и магнетизм. Третий закон Ньютона упоминались на каждом уроке. Феномены противодействия сил и всемирного тяготения были общим местом. Они иллюстрировали музыкантский исполнительский процесс, связанный и с движением пальца, и с мелодическим интонированием, и с гармоническим тяготением. Помимо этого, в пианистической технологии находились параллели с законами строения кристаллических атомных решеток. То есть диалектика статики, прочности, с одной стороны, и упругости, текучести, с другой, проецировалась на конструкцию кисти руки. Когда проблема звукообразования на фортепиано, связанная с кистевыми движениями, требовала знаний классической механики, то возникала полемика по поводу высказывания Архимеда о точке опоры: «Дайте мне точку опоры, и я сдвину 3емлю». Этот любимый тезис Лидии Александровны подтверждал возможности «механики» руки.

Такого энциклопедического подхода к музыкальному образованию я ни у кого не встречал. В подавляющем большинстве случаев параллели с физикой заканчивались на «действии» закона Ома. Энциклопедический обзор в ее подходе к музыке, более чем удивителен. Принцип делать отсылки в различные сферы знания стал примером для моего мышления. В стройности гармонии уже много позже мною находилась красота периодического закона Менделеева. Ведь закон – это не просто таблица, в которой собраны элементы, а принцип повторяемости свойств элементов. Свойства зависят от строения атома! Так же в музыке: свойства лада определяются его внутренним устройством.

Безусловно, основной акцент в фортепианном классе Лидии Александровны Хусаиновой делался на музыке как таковой, и особенно русской: Чайковский, Рахманинов... До сих пор музыка Чайковского: Первый фортепианный концерт, опера «Пиковая дама» (мы сравнивали исполнение партии Германа двумя большими артистами Г. Нэлеппом и В. Атлантовым) будоражит мое воображение. Ее любовь к «русскости», понимание причастности к великой русской культуре передалось и ученикам. Она нередко повторяла слова П.И. Чайковского: «Я до страсти люблю русский элемент во всех его проявлениях. Я русский в полнейшем смысле этого слова».

Заканчивая школу, я соглашался с тем, что надо направить все усилия на одну задачу: сосредоточиться на профессиональной отделке выпускной программы, позволяющей поступить в училище искусств. Действовал закон Ома: чем больше ограничений (меньше «распыления» и больше сопротивления), тем ярче сила исполнения музыкальных произведений. К концу 10-го класса встала дилемма: выбрать музыкантский путь или научный. Параллельно я закончил заочную физико-математическую школу при НГУ и получил рекомендацию для поступления в университет. Все (семья, школа), конечно, ждали именно этого. Надо сказать, что Лидия Александровна Хусаинова делала очень мудро. Она готовила меня к поступлению в училище, давая возможность самому решать, куда идти, но одновременно поддерживала намерение лететь в Новосибирск для поступления на химико-биологический факультет. Благодаря ей, оказавшись на жизненном перепутье, я получил равные возможности для выбора своей судьбы: быть ученым-химиком или музыкантом. Я, безусловно, поступил так, как посчитал нужным, но профессионализм и талант учителя обеспечил возможность важного для меня выбора.

Выбрав путь, нужно продолжать «бить в одну точку». Так она говорила мне не раз. Удержаться в этом направлении нелегко. Мало «бить в одну точку». Чтобы это похвальное действие не превратилось в битье головой о стену, нужно уметь «создавать себе обстоятельства», попав в которые уже легко идти вперед и, что важнее, не иметь возможности «увильнуть» от достижения поставленной цели. Это трудно, но правильно. «Жить трудно» – ее емкий афоризм, поясняющий, что каждому дано испытание по его силам. А если ставишь себе высокую цель, то это значит только то, что ты способен ее достичь.

Древняя эзотерическая мудрость гласит: «Что вверху, то и внизу. Что внизу, то и наверху». Необходимо добиться чуда единства. Все было создано созерцанием единства, все порождается единством, претерпев определенные изменения». В ней заключены духовные основания игры в бисер, о которых писал Герман Гессе. Принцип игры, действительно работающий в Музыке, раскрывает связь с Единством мира и, что самое главное, призывает добиваться этого Единства в своей Деятельности.

В юбилейный год хочется пожелать Лидии Александровне Хусаиновой здоровья, душевного спокойствия, творческого настроения. Ее ученики всегда думают о ней и очень благодарны за те драгоценные уроки жизни и фортепианной игры, которыми она щедро нас одарила.

Внимая флейте

Марина ДУБИНИНА

С латинского название «флейта» переводится как «дуновение». Без этого инструмента сегодня невозможно представить концерты симфонической или духовой музыки. Входит она и в состав оркестра русских народных инструментов. С флейтой связаны легенды и предания, имена великих мастеров, композиторов, музыкантов.

Подарок речного бога

История этого музыкального инструмента уходит в глубину времен. Один из древнегреческих мифов повествует о сатире Марсии, который нашел флейту, оброненную Афиной, и осмелился вызвать на состязание самого бога музыки Аполлона. В наказание за дерзость Аполлон содрал с сатира кожу и повесил на дерево, но при первых же звуках флейты она затрепетала. В другом говорится о Пане – владыке лесов и покровителе пастухов. Его изображали играющим на многоствольной флейте – сиринге. По легенде, Пан полюбил нимфу по имени Сиринкс. Он был уродлив, с козлиными ногами, поэтому нимфа в страхе бросилась бежать. Путь преградила река, но речной бог спас Сиринкс, обратив ее в тростник. Опечаленный Пан срезал стебель и сделал из него флейту.

Флейта Пана – общее название группы духовых инструментов – многоствольных флейт, представляющих собой набор параллельно расположенных скрепленных трубочек разной длины. У разных народов флейта Пана имеет свои названия – греческий сиринкс, русские кувиклы (кугиклы). Инструмент состоит из набора открытых с верхнего конца бамбуковых трубочек, которые издают звуки разной высоты. (Современный тип поперечной флейты изобрел немецкий мастер Т. Бём в первой половине XIX века.) Среди камерных произведений Клода Дебюсси выделяется небольшая пьеса «Сиринкс» для флейты соло, на создание которой композитора вдохновил древний миф.

Флейта была популярна в разные времена. В России XVIII века существовал оркестр, состоящий только из флейты и барабана. Прихотливые изгибы мелодии флейт, звучащих на фоне неуклонно ритмичного барабанного боя, напоминали звучание походного марша. Такую музыку исполняли в эпоху правления Петра I и позднее, во время Отечественной войны 1812 года.

Этот инструмент часто солирует в оркестре. Самый характерный пример – соло флейты в опере К. Глюка «Орфей» (в концертной практике это произведение называется «Мелодия»). Флейта звучит в вальсе из оперы «Иван Сусанин» («Жизнь за царя») М. Глинки, где она соревнуется с другими деревянными духовыми инструментами. Соло флейты можно услышать во второй части концерта № 1 для фортепиано с оркестром П.И. Чайковского, в оркест-

Ирина Николаевна Петроченко

ровом эпизоде из оперы Ж. Бизе «Кармен», в произведении К. Дебюсси «Послеполуденный отдых фавна», сюите М. Равеля «Дафнис и Хлоя», а также в лирической части «Весенней увертюры» В. Халилова.

Деревянные духовые инструменты (флейта, гобой, кларнет, фагот) незаменимы в симфоническом и духовом оркестрах, и каждый из них имеет неповторимый тембр. У многих людей, даже не сведущих в музыке, голоса этих инструментов ассоциируются с определенными образами. Тембр флейты в верхнем регистре – пронзительный, яркий, звенящий, в среднем регистре чувствуется воздух, пространство, нежное дуновение ветра, в низком регистре звуки флейты создают ощущение чего-то бестелесного, прозрачного.

Харизма музыканта

Среди музыкальных дисциплин Хабаровского колледжа искусств всегда существовал класс флейты. За долгую жизнь учебного заведения сменилось немало педагогов, но уже больше 30 лет игру на этом инструменте студентам преподает Ирина Николаевна Петроченко.

Она родилась и выросла в Казахстане. Ее отец был шахтером, а мать строителем. Семья жила в поселке Актас, и здесь шестилетняя Ирина начала заниматься музыкой. Нужно сказать, что в то время в республике существовали три специализированные школы и 22 музыкальных училища. В десять лет Ирина поступила в специальную музыкальную школу для одаренных детей в Караганде, выбрав класс флейты.

Это было непросто. Девочке пришлось оторваться от родного дома и жить в интернате, а родителей навещать только по выходным. Кроме того, элитная школа была платной (45 рублей в месяц – по тем меркам баснословная сумма), а система обучения жесткой и авторитарной. Но Ирина была в числе лучших учеников, и после школы поступила в Алма-Атинскую консерваторию. На третьем курсе вышла замуж, доучилась и уехала к мужу на Дальний Восток.

В Хабаровском колледже искусств она преподает с 1987 года, подготовив за это время более 36 лауреатов различных музыкальных конкурсов. Труд этого педагога отмечен почетной грамотой Министерства культуры Российской Федерации. Многие выпускники Ирины Николаевны Петроченко сегодня работают в детских музыкальных шко-

лах и школах искусств Хабаровского края. Роман Сандлер окончил Московскую консерваторию, остался в столице, играет в оркестре народных инструментов. В Санкт-Петербурге в военном оркестре служит Андрей Бугреев. В 2020 году Петроченко выпустила еще одну ученицу — Алису Ильину, стипендиата премии губернатора Хабаровского края, лауреата городских, краевых, международных конкурсов. Алиса учится на факультете журналистики в ТОГУ, но флейту не оставляет, выступает в детских музыкальных школах, домах ветеранов, Доме творческой интеллигенции. В ее репертуаре произведения как популярные, так и редко исполняемые, а также современные, с элементами джаза.

Сама Ирина Николаевна Петроченко тоже ведет активную сольную концертную деятельность, сотрудничая с музыкальными коллективами Хабаровска — симфоническим оркестром колледжа искусств, Дальневосточным симфоническим оркестром и духовым оркестром штаба Восточного военного округа. Сольные программы флейтистки звучали на краевом радио и телевидении. На фестивале «Ладони Земли» в Болгарии Ирина Петроченко получила диплом первой степени. Вместе с духовым оркестром штаба Восточного военного округа она побывала в Гонконге, Корее, Китае, играла в Москве на фестивале «Спасская башня», и, конечно, каждый год участвует в хабаровском фестивале «Амурские волны».

Соло на флейте

По сложившейся традиции все духовые инструменты, относящиеся к одноголосым, не считались сольными в отличие от фортепиано, скрипки, виолончели, классической гитары. Но в оркестре, и в симфоническом, и в духовом, они неповторимы. Таким образом, сольные концерты на этих инструментах музыканты дают очень редко. Это не принято. А как же быть студентам духового отделения, если они играют свои сложные программы лишь на академических концертах, на экзаменах или эпизодически солируют в оркестре? Хорошо, что есть такие преподаватели-энтузиасты, как Ирина Петроченко. Они приучают студентов к публичным выступлениям, воспитывают в них чувство сцены и единения с публикой. Но не только эти задачи решает педагог. Ирина Николаевна знакомит слушателей и с духовыми инструментами, и с написанной специально для них музыкой.

Одной из таких просветительских площадок стал клуб «Нескучная классика», которым я руковожу. На одном из концертов играли студенты класса Петроченко: Тимур Рыжков исполнял «Мелодию» К. Глюка, Вера Ряскина «Плясовую» В. Блока и «Мелодию» П. Чайковского. Алиса Ильина выступила с пьесой А. Онеггера «Козочка». Сама Ирина Николаевна не только играет в ансамбле со своими учениками, но и создает молодежные музыкальные коллективы, тем более что у студентов колледжа искусств есть предмет «ансамбль духовых», который выносится на государственный экзамен. В исполнении ансамбля флейтистов в клубе «Нескучная классика» звучали такие произведения, как «Французская кадриль» М. Глинки, «Маленькая ночная серенада» В. Моцарта, «Танго» И. Альбениса, «Аве Мария» Дж. Каччини и другие.

Особенно запомнился концерт, прошедший в 2020 году в детской школе искусств № 6 Хабаровска. Небольшой зал был заполнен до отказа, здесь собрались руководители и педагоги школы, преподаватели и студенты колледжа

искусств, которые пришли поддержать коллег и послушать редко звучащую музыку. Дело в том, что Петроченко – педагог ищущий. Ее не удовлетворяет учебная программа, и она расширяет для своих учеников горизонты знаний. Вот почему на концерте звучали произведения Ф. Данци, Вл. Цыбина, К. Боллинга, Дж. Б. Виотти. Имена этих композиторов не очень известны, а многим даже не знакомы, но Ирина Петроченко рассказала о них интересно и увлекательно.

Франц Данци (1763–1826) – немецкий композитор итальянского происхождения, виолончелист и дирижер. Его творчество знаменует переход от классицизма к романтизму, он принадлежит к числу так называемых «милых мастеров». Композиторское наследие Ф. Данци велико, им созданы концертные симфонии для флейты и кларнета, концерты для флейты, а также несколько опер, лучшей из которых считается «Полночный час». Композитор дружил с К.М. Вебером и оказал заметное влияние на его оперное творчество.

Владимир Николаевич Цыбин (1877–1949) – русский советский флейтист, педагог, дирижер, композитор, заслуженный деятель искусств РСФСР. До революции он учился в Московской консерватории, был солистом оркестра оперной труппы под руководством В. Сука, оркестра Большого театра, а затем и Мариинского. В 1914 году окончил Петроградскую консерваторию, композиции учился у Лядова и Глазунова, позднее и сам преподавал в Московской и Петербургской консерваториях. Цыбин писал симфонии, сюиты, оперы, инструментальные концерты и пьесы, но наибольшую ценность в наше время представляют его сочинения для флейты – родного для автора инструмента, которым он владел в совершенстве. Эти произведения прочно вошли в концертный и учебный репертуар флейтистов всего мира: «Тарантелла» и «Анданте» – жемчужины русской лирики во флейтовом репертуаре.

Клод Боллинг (1930–?) – композитор, французский джазовый пианист, аранжировщик и актер. Учился в консерватории в Ницце и в Париже. Написал более 100 произведений для французских фильмов. В своем творчестве удачно использовал сочетание классической музыки и джаза, зародив тем самым наряду с Джорджем Гершвином новое направление в музыкальной культуре. Боллинг работал в паре с классическим флейтистом Рампалем, благодаря чему родилась прекрасная сюита № 2, состоящая из семи номеров для флейты и фортепиано (в оригинале произведение написано для флейты и джазового трио).

Имя итальянского музыканта и композитора Джованни Баттиста Виотти (1755–1824) хорошо знакомо скрипачам, так как он написал огромное количество скрипичных концертов и дуэтов, струнных квартетов и трио. скрипичные дуэты. Он учился музыке у своего отца валторнисталюбителя, позднее у скрипача Г. Пуньяни. Гастролировал по Германии, выступал в Варшаве и Петербурге. Жил Джованни Баттиста Виотти в Париже, где организовал и возглавил Итальянскую оперу.

На концерте в детской школе искусств прозвучали вторая и третья части концерта Виотти ля мажор для двух флейт и фортепиано в исполнении Ирины Николаевны Петроченко, Алисы Ильиной и Мелиты Феликсовны Шальтис. Музыканты, подобно художникам-живописцам, наполнили это произведение неповторимыми красками, став одним целым и показав в очередной раз, что музыка обладает огромной объединяющей силой.

Айнский халат из рыбьей кожи

Этапы реставрации редкого этнографического памятника

Екатерина ОРЛОВА

В собрании Музея истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева (Владивосток) особое место занимает этнографическая коллекция, отражающая культуру айнов — одного из самых загадочных народов. Когдато они населяли низовья Амура и несколько островов — Сахалин, Курилы, Хоккайдо, причем культура и язык этих этнических групп существенно различались. После Второй мировой войны почти всех айнов, живших на Сахалине, переселили в Японию.

Крупнейшими обладателями айнских коллекций являются несколько российских музеев, среди которых Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого и Российский этнографический музей в Санкт-Петербурге, Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродекова, Музей истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева и Сахалинский областной краеведческий музей. Основу этих собраний составляют предметы, характеризующие культуру сахалинских айнов и собранные в конце XIX – начале XX века.

Айнская коллекция Музея истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева (МИДВ), также отражающая культуру сахалинских айнов, сегодня насчитывает несколько десятков экспонатов. Она начала складываться с 1885 года, основными собирателями были Я.Л. Семенов, Тропин, Л.А. Кропоткин, Н.В. Кирилов, А.Е. Ошаров, Б.О. Пилсудский. В конце 1950-х годов по приказу Министерства культуры СССР часть музейных собраний коренных народов Дальнего Востока передали в создающиеся музеи Магадана, Анадыря, Южно-Сахалинска, Петропавловска-Камчатского. Таким образом была нарушена и целостность айнской коллекции музея: большая ее часть поступила в Сахалинский областной краеведческий музей. Из оставшихся айнских предметов в Приморском краеведческом на реставрацию в 2019 году поступил мужской праздничный халат из кожи рыбы. В 1899 году вместе с другими этнографическими предметами его привез с Сахалина Н.В. Кирилов.

Е.В. Орлова за очисткой халата от биологических загрязнений

Несколько слов о собирателе этой коллекции. Николай Васильевич Кирилов – врач, сын военного фельдшера, посетил множество регионов и стран. Его всегда интересовали быт, обычаи, особенности промысловой культуры коренного населения, поэтому наряду с исследованиями по медицине он написал множество этнографических статей. На Сахалин Кирилов прибыл в 1896 году, вдохновившись личной встречей с А.П. Чеховым и знакомством с его книгой «Остров Сахалин». В 1899 году он находился на юге Сахалина, изучал быт, язык, традиции и народную медицину айнов, собрал и передал в музей Общества изучения Амурского

Халат в процессе увлажнения на вакуумном реставрационном столе

края (ныне Музей истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева) коллекцию предметов их культуры. В их числе находился айнский мужской халат, о котором пойдет речь в этой статье.

Традиционно айны изготавливали одежду из материалов животного происхождения (кожи рыб, морского зверя, шкур животных), растительного (ткань из волокон луба, вяза, крапивы), а также из текстиля фабричного производства (шелк, хлопок). Однако одежда из кожи рыбы довольно редко встречается в музейных коллекциях, несмотря на то, что выделка этого природного материала являлась одним из традиционных ремесел айнов.

Некоторые исследователи полагают, что искусству выделки рыбьей кожи они научились у нанайцев, орочей. В статье М.В. Осиповой и П.Я. Гонтмахера «Айны: женский взгляд на мир и пространство» отмечается: «Для пошива одежды айны использовали шкуры лососевых и гольцовых пород рыб. Кожу рыбы снимали ранней весной в апреле или осенью, с наступлением холодов, когда не было мух. Свежую рыбу вялили до тех пор, пока имеющаяся на ней слизь не превращалась в корочку. Это делалось для того, чтобы рыба не скользила во время обработки. Снимали шкурку и сушили каждую в расправленном виде. Высушенную кожу рыбы складывали чешуей друг к другу, затем сворачивали сначала по длинным сторонам навстречу друг другу, а затем - по коротким, потом били в мялке. Очищенную от чешуи кожу рыбы смазывали бульоном из рыбы или растолченной в воде икры лосося. Смазанные шкурки складывали внутренними сторонами друг к другу и клали под пресс на 1-2 часа. После этого мяли руками, растягивали, разглаживали края и вешали сушить и еще раз обрабатывали в мялке. Обработанную кожу сворачивали рулоном и подвешивали над очагом для того, чтобы она продымилась и приобрела устойчивость к моли».

Способ выделки рыбьих кож у амурских народов (нанайцы, ульчи, орочи) подробно описан у Е. Глебовой в книге «Метаморфозы рыбьей кожи. Путь древнего ремесла коренных народов Амура» (методика записана у нанайской мастерицы Ю.Д. Самар): «Кожу снимаем со свежей, замороженной и даже соленой рыбы, предварительно вымачивая в воде. Полностью очищенную от мяса и жира кожу промывали в воде. Затем в чистой воде с добавлением соли, пищевой соды, уксуса вымачивали несколько часов, чтобы удалить запах. Вымоченную кожу расправляли на ровной поверхности, но не растягивали. Оставляли до высыхания. Плавник удаляли, когда кожа высохнет полностью. Сухую шкурку скручивали и на станках (кожемялках) разминали. Сворачивали сухую шкурку рулоном и разминали. Скрутку часто меняли, чтобы разминалась равномерно. Чем дольше мяли в станке, тем мягче она становится. Если кожа очень жесткая, лишние волокна снимали ножовкой по металлу, напильником». Как видно, в этих методиках много общего.

Халат, поступивший к нам на реставрацию, предположительно изготовлен из кеты. Его крой туникообразный,

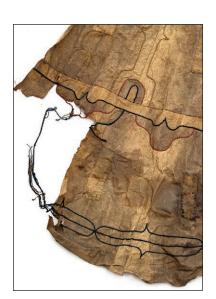
Общий вид халата до реставрации. Вид спереди

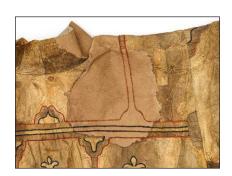

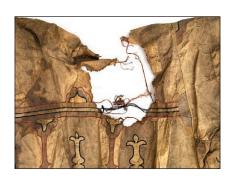
Общий вид халата до реставрации. Вид сзади

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

Халат в процессе восполнения утрат и вышивки на спинке и подоле. Фрагменты

Общий вид халата после реставрации. Вид сзади

Общий вид халата после реставрации. Вид спереди

Фрагмент халата до и после тонировки

Общий вид халата после реставрации. Вид с внутренней стороны

распашной, с отрезной по талии широкой юбкой. Спереди по центру прямой разрез. Рукав с заниженной линией плеча, сужающийся к запястью, с листовидной ластовицей. Воротник – высокая стойка без застежки. Халат богато украшен традиционным орнаментом, характерным для айнов – овалы, круги, прямоугольники, выполненные в технике аппликации из различных по цвету фрагментов рыбьей кожи. Дополнительным декоративным украшением является вышивка цветными шерстяными нитями в технике «вприкреп» (основной мотив – фигурные скобки). Композиционно декор располагается ярусами, наиболее плотно в области груди, спинки и подола. Халат не имеет застежек.

Первичный внешний осмотр выявил загрязнение, сильнейшую сухость кожи. Обнаружены крупные проникающие пятна на спинке и юбке халата и пятна темнокоричневого цвета с четкими краями, жесткие на ощупь, вероятно, жирового происхождения. Зафиксировано также несколько отпечатков орнамента (от ниток красного цвета) и диффузных линялых пятен от нестойкого красного пигмента шерстяных нитей вышивки.

Халат имел значительные повреждения: отсутствовали крупные фрагменты кожи в верхней части от 40 до 20 см, а также на подоле, обшлагах и ластовице рукавов. Края утрат имели следы обугливания. По музейным легендам было известно, что в помещении, где хранился раритетный предмет, произошел пожар. В описании халата, составленном регистратором музея Румянцевым в марте 1931 года, эти утраты уже были зафиксированы. Можно предположить, что пожар случился в период от 1900-х до начала 1930-х годов. Пострадала также большая часть вышивки, находившаяся рядом с утратами: множественные обвисания, обрывы, спутанность нитей. Часть вышивки исчезла вместе со сгоревшей кожей. Кроме крупных утрат по всей площади изделия имелось множество мелких утрат и разрывов. Также на халате обнаружены и следы биологического загрязнения: многочисленные чехольчики моли в заломах кожи, паутина, яйца пауков. В результате чрезвычайной сухости экспонат сильно деформирован.

Проведение дальнейшего восстановления айнского халата решили приурочить к моей очередной стажировке во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре имени академика И.Э. Грабаря (ВХНРЦ), где работают специалисты с многолетним опытом реставрации сложнейших музейных экспонатов. Предварительно договорились с заведующей отделом реставрации кожи и археологического текстиля, автором уникальных реставрационных методик Н.П. Синицыной.

Первым этапом реставрации стала особая подготовка для транспортировки ценного экспоната из Владивостока в Москву. В первую очередь была проведена сухая механическая очистка халата от поверхностных пылевых загрязнений специальным музейным пылесосом на некотором удалении от него. Поскольку перевозка халата из пересохшей кожи на столь большое расстояние достаточно рискованна, провели его отдаленное увлажнение: в течение шести месяцев до момента отправки предмет находился в закрытой камере с контролем влажности воздуха. Халат регулярно переворачивали, расправляли крупные заломы и в расправленных участках проводили дополнительную сухую очистку. Такие меры позволили обеспечить безопасную транспортировку. Большую поддержку оказала компания «Аэрофлот»: халат в упаковке разместили в бизнес-классе самолета, что позволило исключить во время полета перепады температур, деформацию, дополнительные повреждения.

Основная работа по реставрации айнского халата проходила в мастерской ВХРНЦ с ноября по декабрь 2019 года под руководством реставратора высшей категории Натальи Павловны Синицыной и реставратора 1-й категории Анастасии Юрьевны Утехиной. Очистку наружной и бахтармяной (внутренней) сторон изделия поэтапно проводили реставрационным пылесосом

с использованием гибких насадок, которые, проникая в самые мелкие складки и заломы, позволили полностью удалить следы биологических загрязнений. Силиконовой крошкой дополнительно очистили снаружи от поверхностных пылевых загрязнений. После механической очистки проводили полувлажную очистку пеной неионогенными поверхностно активными веществами (ПАВ) с последующей промывкой дистиллированной водой при помощи полуотжатых тампонов. Чистые и увлажненные участки кожи оставляли под грузом (мешочки с песком), постепенно расправляя фрагмент за фрагментом. После полувлажной очистки бахтарму механически очищали абразивной бумагой разной степени зернистости. Такой метод позволил не только эффективно уменьшить загрязнения, но и дополнительно пластифицировать кожу, расправляя крупные заломы.

Параллельно проводилась предварительная работа по удалению пятен. Их внешний вид, а именно четкий ореол (контур), жесткая фактура, темный цвет, проба каплей воды для определения угла смачивания, косвенно указывали на жировую природу. Реставраторы опробовали композиции различных растворителей, и лишь один из них (рецептура ВХНРЦ) дал легкое ослабление, но по причине значительной токсичности препарата и большой площади пятен решили его не применять. Повышать концентрацию других растворителей для использования на столь хрупкой коже было опасно. В результате приняли решение оставить пятна без изменений.

Следующим, достаточно длительным этапом стала дальнейшая пластификация экспоната. Для этого провели процедуру специального отдаленного увлажнения на вакуумном столе с поддержанием влажности 60 % в течение часа и с последующим расправлением: фрагмент за фрагментом халат оставляли под прессом в виде мешочков с песком. Процедуру повторяли несколько дней. Для окончания пластификации в качестве поджиривающей и консервирующей смазки выбрали состав на основе ланолина и вазелинового масла с воском в определенной пропорции.

Наиболее сложным оказалось решение, какой материал использовать для восполнения крупных утрат. Дело в том, что даже хорошо выделанная кожа рыбы всегда имеет определенную жесткость. Расположенные на спинке такого халата сложные орнаментальные композиции амурских народов выглядели как единое художественное полотно. Следовательно, дублировочный материал должен обладать похожими качествами. Поскольку крупные утраты были в области плеч, заплаты требовались еще белее жесткие, чтобы держать форму, и в то же время эластичные во избежание деформации предмета. В итоге выбрали свиную кожу, давно зарекомендовавшую себя при дублировании кожи рыб: она деликатно имитирует фактуру оригинального материала и обладает хорошей эластичностью и плотностью.

Из свиной кожи подготовили ряд образцов: шерфованные (спиленная кожа) и нешерфованные фрагмен-

ты, которые дублировались на микалент (длинноволокнистую хлопковую бумагу), нетканый материал Reemay, японскую бумагу различной плотности с целью придать дополнительную жесткость наиболее крупным фрагментам утрат на плечах и воротнике-стойке халата. Из готовых образцов больше всего подходил вариант нешерфованной кожи, дублированный на японскую бумагу с плотностью 6 г / кв. м. Для того чтобы реконструированные фрагменты кожи не выбивались по цвету из общей цветовой гаммы халата, их решили предварительно тонировать (дублировочный материал, кожу и японскую бумагу). Небольшие разрывы и утраты также восполнялись свиной кожей, но уже шерфованной и без дублирования на бумагу. Для склеивания во всех случаях использовали синтетический швейцарский акриловый клей Lascaux 303 HV, обладающий такими важными характеристиками, как обратимость и эластичность. После восполнения утрат стало возможным укрепление обвисших и оборванных нитей орнамента с помощью акрилового клея и их точечная фиксация иглой и газовыми нитями.

Окончательное устранение деформации халата требовало длительного времени, но моя стажировка подошла к концу, поэтому завершающий этап реставрации проходил уже во Владивостоке, в реставрационной мастерской Музея истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева под руководством реставратора высшей категории Веры Васильевны Кобко. В результате пошаговой реставрационной работы постепенно расправлялись небольшие участки кожи. Незначительно увлажненные фрагменты помещались под груз с песком и оставлялись на сутки, а затем оставлялись открытыми для окончательной просушки. Таким образом удалось устранить деформацию всего халата, благодаря чему проявились его лаконичность и изящество кроя, сочетающиеся с природной красотой кожи рыбы. Искусно расположенные декоративные элементы орнамента подчеркивали конструктивные особенности айнского халата.

На завершающем этапе было решено на дублировочном материале крупных утрат имитировать соединительные швы шкурок рыбы, а на дублировочной коже подола левой полочки выложить сохранившиеся нити орнамента, точно соблюдая симметрию с орнаментом подола правой полочки. Пятна красного красителя значительно ослабли при очистке, но ореол от красного пигмента сохранялся, поэтому для улучшения визуального восприятия эти участки кожи тонировали пудрой акварельных карандашей Koh-l-Noor.

Так в результате кропотливой реставрационной работы, которая заняла почти год, удалось сохранить редкий этнографический памятник, отражающий культуру загадочных айнов.

Литература:

Глебова Е. Метаморфозы рыбьей кожи: Путь древнего ремесла коренных народов Амура. Хабаровск, 2010. 176 с.

Осипова М.В., Гонтмахер П.Я. Айны: женский взгляд на мир и пространство. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.icrap.org/ru/osipova-gontmacher-11-1.html (дата обращения 28.04.2021).

Попавшие на остров

Фольклорное наследие уйльта (ороков) Сахалина

Лидия ФЕТИСОВА

Генетическая и культурная общность тунгусоманьчжурских народов получила убедительное обоснование в научной литературе, однако в этом ряду особняком стоят обитатели Сахалина, до недавнего времени называвшиеся ороками. Наряду с этим, как и других тунгусо-маньчжуров, их именовали орочонами / орочёнами. Одновременно использовались этнонимы уильта / ульта / ультя / ульча. Ныне для этого народа официально определено наименование уйльта. Мы будем употреблять как равноценные этнонимы ороки и уйльта. Последний, по мнению ряда авторов, указывает на родство с ульчами представителями тунгусо-маньчжуров в Приамурье. О связи с ульчами, нанайцами, орочами свидетельствует также зафиксированное некоторыми исследователями самоназвание «нани», иногда в форме наннёни. Согласно переписи 2010 года, численность уйльта составила 295 человек, большая часть проживает на Сахалине. В 1926 году их насчитывалось 462 человека, а в 1950 году – 442. Заметное уменьшение численности к 2010 году, возможно, связано с ошибками переписчиков, а также с отсутствием единого эндоэтнонима (самоназвания).

Покидая Амур, обретая новую родину

История ороков (уйльта) свидетельствует о многоуровневых и разновекторных этнокультурных контактах, оставляя неясным вопрос о времени их появления на Сахалине и выделении в самостоятельный этнос. О том же говорит непрекращающаяся дискуссия относительно названия народа. При этом никто не отвергает их материковое происхождение с последующим переселением на остров.

По антропологическим признакам уйльта (подобно негидальцам) ближе к байкальскому, нежели к амуро-сахалинскому типу. Таким образом, антропологами установлено их родство с северными тунгусами – эвенками и эвенами. На это указывает и занятие оленеводством, отмеченное всеми наблюдателями начиная от живущих рядом нивхов, айнов, японцев и заканчивая учеными-этнографами. Вместе с тем особый тип ведения оленеводческого хозяйства заметно отличает ороков от других тунгусских народов, что и стало играть роль этноопределяющего фактора в наши дни. По наблюдениям Л.И. Миссоновой, «сохраняющаяся память об оленеводстве уйльта (и в

Уйльта. Остров Сахалин

Орочские (уйльтинские) дети

северной, и в южной группе) зачастую служит критерием отнесения (самоидентификации) человека, давно далекого от практического оленеводства, именно к этой малочисленной этнической общности Сахалина». Автор справедливо полагает, что приверженность некоторых уйльтинских родов хозяйственным традициям своих прародителей не связана с надеждой на «экономически высокую стабильность завтрашнего дня»; для них более важно, что такое существование обеспечивает «стабильную размеренность жизни».

Часть исследователей видели в культуре ороков эвенкийский «след», А.Ф. Старцев предлагает более внимательно изучить также эвенскую составляющую сахалинского этноса. Материалы этнографических экспедиций, проводившихся в 1920-х годах, содержат информацию о том, что некоторые ороки считали своими предками «настоящих» ульта-оленеводов, живших где-то на севере Охотского побережья. По-видимому, речь шла об эвенах. Эти сведения подтверждали и эвенки-тунгусы, сравнительно недавно появившиеся на Сахалине.

В.А. Иннокентьев, уйльта из с. Вал (1946 г.р.) в 1998 году изложил С.В. Березницкому следующую версию о появлении своих соплеменников на Сахалине. «Еще до монголов орочоны жили на материке в районе Ванино. Оленей у них не было. Они ловили рыбу на льду. Вот один раз льдину оторвало и прибило к Сахалину в районе мыса Тык. Тык — это орочонское название. Происходит от слова "тыккэ" — "начало". То есть место, откуда орочоны стали расселяться по Сахалину. Оленей орочонам дал бог. Они стали ловить маленьких оленят и приручать их. Вот так и появились орочоны на Сахалине и так появились у них олени…». В наши дни сюжет о рыбаках, занесенных морским течением на Сахалин, имеет наибольшее хождение среди уйльта.

Орокские предания, записанные Дальневосточной этнографо-лингвистической экспедицией в 1960-х годах, говорят о том, что предки ороков ранее жили на Амгуни и в верховьях р. Удыль. Они имели оленей, с которыми пришли на Амур. *Мангбо (Мангбу)* – Амур как прежняя родина постоянно упоминается в фольклорных произведениях ороков.

Эта информация кажется противоречивой только на первый взгляд. На самом деле, она подтверждает разнородность орокского этноса, на что указывает и анализ их родового состава. Поскольку мигрирующие группы состояли главным образом из сравнительно молодых мужчин, естественно, завершив переход, они вступали в браки с представительницами местных народов. Дети, рожденные от таких браков, воспитывались в языковой и – что особенно важно! – культурной среде материнского рода. С течением времени весьма вероятной стала смена языка. Поскольку устное творчество является особой формой существования и функционирования языка, была воспринята и южная версия фольклорной культуры тунгусо-маньчжуров.

Данное предположение позволяет понять и устранить несоответствие между антропологическим типом и духовной культурой ороков. Известно, что лингвисты относят орокский (уйльтинский) язык к южной (маньчжурской) группе тунгусо-маньчжурских языков, отмечая его особую близость к ульчскому и нанайскому. Это подтверждают жанровые и сюжетно-образные характеристики повествовательного фольклора. В частности, для обозначения повествовательных жанров, содержание которых признавалось достоверным, ороки, как ульчи и нанайцы, использовали слово тэлуну / тэлунгу. Чтобы подчеркнуть древность повествования, его определяли как горопчи тэлуну – рассказ предков. Устные рассказы о событиях недавнего прошлого ороки называли турпин, выделяя их из общего массива несказочной прозы. Термин для наименования сказочного эпоса нингма(н) ближе всего к нанайскому нингман и ульчскому нинма. На родство этих народов указывает также общее наименование эпического героя – Мэргэ(н) и героини $\Pi y \partial u(h)$.

Взгляд на мироздание

Мифологическая картина вселенной у ороков была сформирована универсальными представлениями о трехуровневом принципе мироустройства. Согласно их воззрениям, вселенная состоит из верхнего мира – уунгу буга, среднего – дулин буга и нижнего – буни. В небесном мире обитает Женщина-Солнце Нюлта Калиулин. Однако описание разных ярусов имеет и этноотличительные черты. Например, по словам Е.С. Бибиковой, на «верхней земле» (как и на средней, населенной людьми) находились пастби-

ща оленей, которых пасла «умелая и расторопная» девица Коргалдё. Это еще раз подтверждает важность оленеводства для самоидентификации этноса. Нижний (загробный) мир описывается неоднозначно. С одной стороны, это место обитания душ, исчерпавших срок пребывания на земле. С другой стороны, буни населяют существа, представляющие опасность для человека: «Они внутри земли живут, убивают людей, варят и едят. Дым столбами идет». На земной поверхности есть места, ведущие в нижний мир, их надо «далеко обходить».

Южные истоки ряда мифологических сюжетов отчетливо видны в образе первотворца, культурного героя, носящего имя *Хадау*. Он не только создает культурные ценности и шаманские ритуалы, обучает людей правильному отправлению обрядов, но и спасает обитателей среднего мира от палящего жара нескольких Солнц, оставив на небе лишь одно дневное светило.

В пантеоне уйльта исключительное место занимают божества тайги Доонто / Дуэ и моря Тэому / Тэму. В первом нашел отражение культ медведя, во втором – культ косатки, которая, как считалось, обеспечивала морских зверобоев добычей. Однако каждый из этих культов существовал автономно; не случайно шаманы после камлания разжигали два ритуальных костра. Аналогичную картину можно видеть в обрядовой практике ульчей и орочей.

В материалах К.А. Новиковой имеется *тэлунгу* о смене промысловых приоритетов. Орок из рода *Ториса* увидел, как дерутся медведь и морж. Человек помог медведю, но вынужден был откочевать в горы и не охотиться на нерпу. Спустя три года охотник вышел к морю и увидел моржа. Он испугался и прыгнул вниз. Морж прыгнул следом, но застрял в развилке дерева, росшего на склоне. Зверь стал просить о помощи и предложил мир. С тех пор люди рода *Ториса* спокойно охотятся на нерп. Концовка нарратива указывает на влияние нивхского *тылгура* об охотнике и тигре, а в целом текст служит свидетельством вытеснения таежной охоты морским зверобойным промыслом.

В уйльтинских верованиях иногда обнаруживается совмещение образов медведя (дуэ) и кабана (нэктэ): изображение последнего также называли дуэ. В коллекции РЭМ хранится такая антропоморфная фигурка с головой вепря, но обшитая медвежьим мехом. По справедливому заключению исследователей, это свидетельствует о приоритете образа медведя. Вместе с тем здесь уместно напомнить об отголосках почитания дикого кабана, зафиксированных сказочным эпосом других тунгусо-маньчжуров, в частности, нанайцев: сын дикой свиньи и даже кабанья шкурка, впоследствии обернувшаяся прекрасным мэргэном, представлены как настоящие эпические герои. В негидальском мифе кабан был первым животным, сотворенным духом высшего порядка Буга.

Среди мифологических персонажей встречаем духа-хозяина леса Калдяму / Колдями, также известного всем тунгусо-маньчжурам: Какзаму (ороч.); Кадзяму (ороч., удэг.); Калгам / Калгама / Калгаму (нан., негид., ульч.); Кальдяму / Колдями (ульч.). Как видим, уйльтинское имя этого персонажа ближе всего к ульчским вариантам. По рассказам поронайской уйльта Х. Огава, колдями является существом «среднего рода»: «Колдями – это такой лесной житель. Он и мужчина, и женщина. Он живет в лесу и ворует детей. Ноги у него очень длинные, и он может переходить вброд очень глубо-

кие реки. За то, что он ворует детей, мы его так и называем "колдями-воровка". Колдями и на материке тоже есть. Правда, сейчас их мало стало, наверное, люди их разогнали. Понастроили своих городов. Когда колдями ворует детей, то он замазывает им глаза смолой. В лесу он живёт в пещере или норе. Еще он кушает рыбу, оленей, мясо. Зверей и рыбу он ловит голыми руками...».

Другое уйльтинское именование духа-хозяина лесных угодий – *Пурэ эдэни*. Рядом с этим таежным великаном обнаруживаем владычицу моря в образе нерпы *Пэттэ эдэни*, что указывает на влияние нивхской мифологии.

Уйльта с. Вал рассказывают о мифической великанше онгена, похитительнице детей: «Онгена – это женское существо огромного роста. Голова острая. Волосы лохматые. Может быть и ребенком, и девушкой, и старухой. Особенно много онген в окрестностях залива Набиль. Там вообще какая-то заколдованная земля. Всякие разные случаи происходят. Очень много злых духов. Поэтому там нужно быть очень осторожным. Вот однажды маленькая девочка пошла вместе с женщинами в лес за ягодами. Пошла и в лесу потерялась. Женщины стали ее искать. Искали, искали – нигоде нет. Вдруг услышали ее плач. Кинулись туда – никого. И так несколько раз. Так они ее не нашли и вернулись домой без девочки...». К счастью, на следующий день девочку нашел местный житель, проезжавший мимо на олене. Иначе через три дня девочка превратилась бы в Онгену.

По информации из других источников, Онгена – существо мужского пола, обладающее необычайной силой и враждебное людям. Ему противостоит манга-богатырь Хониракку – носитель светлого начала: «Тот Хониракку с духом Онгеной сражался».

Особо почитаемым божеством являлась хозяйка (иногда – хозяин) огня Подя / Пудя. Благодетельный огонь не только согревал людей, но и обеспечивал им промысловую удачу, однако в случаях несоблюдения установленных правил он сурово карал ослушника, вплоть до предания его смерти. Рассказы о мести Подя бытовали до недавнего времени. «Жили два брата. Один бедный, другой богатый. Бедный, хотя и сам голодал, но всегда угощал хозяина огня. А богатый брат никогда не давал огню ничего, не угощал его. Пришел бедный брат к богатому в гости. Легли спать. Тут бедный брат увидел, как из очага вышел очень худой человек – хозяин огня. Вышел и говорит бедному брату: "Твой брат никогда меня не угощал, даже каплю крови не давал. Уходи к себе домой, я сейчас сожгу твоего брата". Бедный брат испугался и убежал к себе домой. Огонь сжег дом и самого богатого брата. А утром все олени достались бедному брату. Такой закон: нужно кормить огонь. Всё». В приведенном тексте отчетливо видно отражение позднего социального устройства (противопоставление бедности богатству), но вместе с тем сохраняется и базовое представление о правилах («законах») взаимоотношений с высшими силами.

На тесную связь сахалинских уйльта с материковым населением указывает наличие в их фольклоре такого персонажа, как тигр (дусэ, амба). Члены рода Сюкта / Сукту считали тигра своим покровителем.

Не менее показателен сюжет о красных волках дяргули, которые являлись олицетворением злой силы, враждебной человеку. Звери приходили с другого берега реки (скорее всего, речь идет об Амуре). От их лая люди теряли сознание и погибали, пока герои из рода Гетта не прогнали

красных волков с помощью огня. В ряде произведений победителями этих животных названы безымянные эпические герои манга мэргэ: «Эти богатыри при своей жизни много волков уничтожили».

Примечательно, что уйльтинские тексты дают отнюдь не реалистическое описание дяргули: эти персонажи показаны в виде мелких зверьков, опасных исключительно в силу своей агрессивности и многочисленности. По данным фольклора, их было так много, что они *«справлялись с силь*ным большим медведем». «Это маленькие зверьки, похожие на ласку, тонкие и гибкие, очень хищные, жадные, прожорливые. Когда они появлялись в стойбище, то поедали и пищу, и вещи из шкур животных. Поэтому ороки уходили из жилищ за реку – они считали, что дяргули боятся воды». По свидетельству информантов С.В. Березницкого, эти животные, похожие на мелких грызунов, являлись воплощением злого духа. На самом деле красные волки – довольно крупные хищники, в прошлом широко распространенные в южной материковой части региона, но не на Сахалине. Удэгейцы называли их нэнгуй. В фольклоре нанайцев также встречается сюжет о красных волках, убивших охотника. В нанайском героическом эпосе «Гарилдан и Гарбилдан» девица Дяргуй / Дяргой (Красная волчица), напротив, показана как небожительница, большая шаманка, выбравшая себе в мужья человека.

Зафиксированный у ороков культ орла является разновидностью этого широко распространенного мирового культа. В одном из орокских мифов птица наказала человека, вознамерившегося разорить ее гнездо: мужчина упал в воду и утонул. Однако безутешную вдову разорителя гнезд орел пожалел: он посоветовал женщине сделать однострунный музыкальный инструмент дэккэрэ, игра на котором поможет заглушить тоску. Не исключено, что этот нарратив возник под влиянием нивхского мифа о происхождении музыкального инструмента, известного под названием тынгрын (тын рын); термин восходит к монгольскому тэнгэри – дух-небожитель. Об обрядовой и «утешительной» функции подобного инструмента упоминается также в фольклоре удэгейцев и нанайцев.

Отголоски давних сражений

Среди рассказов о межэтнических конфликтах, местом действия которых являлся Сахалин, особенно большое распространение имели сюжеты о столкновениях с айнами, которым приписывалась исключительная жестокость. По данным фольклора, айнами были полностью истреблены тончи. Возможно, в связи с этим заслуживает внимания этноним тазунг/тозунг, которым называла себя часть ороков (уйльта). Ч.М. Таксами перевел нивхское слово тозунгу/тозюнгу как «люди, переправившиеся через водное пространство». Ученый полагал, что так нивхи назвали орочей, отправившихся на Сахалин вместе с ороками, а затем вернувшихся на материковое побережье.

В 1961 году Ч.М. Таксами записал орокское историческое предание, которое, по его мнению, объясняет истоки вражды между айнами и уйльта. В предании говорится: несколько семей ороков поселились на юге Сахалина, где уже жили айны. Новоселы угостили соседей оленьим мясом. Из-за непривычной пищи у гостей заболели желудки, и они решили, что их хотели отравить. Тогда айны перебили всех ороков, удалось уцелеть лишь одному. Он отправился на

север и вернулся с вооруженными сородичами, которые перебили рыбачивших в заливе айнов. Так началась война с многочисленными жертвами с обеих сторон.

Стремление жить с айнами в мире отражено во многих орокских фольклорных текстах. Айны же, напротив, убивали ороков при первой возможности, нападая обычно ночью. Дети, которым удавалось спастись, повзрослев, мстили за родителей: они убивали айнов стрелами, зимой топили в проруби, их соломенные дома сжигали. Убивали не только мужчин, но также детей и стариков, а молодых женщин брали в жены. В исследовании Л.В. Озолиня отмечается, что мстя за гибель старших братьев, повзрослев, «младший брат отправился убивать айнов»; «... потом они всех айнов убили, стрелами постреляв и спалив их травяные дома».

Проявление жестокости со стороны мстителей представлялось как оправданная ответная мера. Показательна позиция рассказчика: он всячески подчеркивал немотивированную агрессивность противника и миролюбие этноса, к которому принадлежал сам. Лишь со временем между двумя народами установились мирные отношения, что привело к заключению смешанных браков и взаимодействию культур.

Таким образом, несказочная проза во всех ее разновидностях, оставаясь важным явлением духовной жизни народа и неотъемлемой частью его фольклорного наследия, не утратила своей познавательной ценности. Однако при этом необходимо учитывать, что реальная действительность, зафиксированная художественным сознанием, нуждается также в научном осмыслении. Данное положение особенно актуально при анализе аборигенного сказочного эпоса.

Жила-была семья уйльта

Поиск брачного партнера является основой значительной части произведений, относящихся к сказочной прозе, где язык мифа несет не столько информационную, сколько художественную нагрузку. Расширение жанровых границ привело к тому, что популярный сюжет о поиске девушкой достойного супруга был перемещен из мифологического времени в сказочно-эпическое, дополненное реалистическими вкраплениями. Одиночество брата и сестры стало трактоваться не как появление пары первопредков, а как результат раннего сиротства: «Жила-была одна семья уйльта в тайге. Отец, мать, дочь и сын. Потом родители умерли, и брат с сестрой остались одни. Ну что делать? Надо жить дальше. Стал брат ходить на охоту и добывать зверя. Сестра дома сидит. Готовит пищу, шьет одежду...». Потребность создать семью возникла именно у девушки, что в традиционных текстах нередко приводило к инцесту. В данном случае сама возможность кровосмесительного брака однозначно отвергается рассказчиком. В поисках супруга девушка отправляется вниз по течению реки.

По-видимому, первоначально героиня находилась в границах мифологического пространства, поскольку замужество ей предлагали вороны, а затем тюлень. Наконец она достигла низовьев реки: «А там нивх рыбу ловит. Они, как только увидели друг друга, так сразу и поженились». Брат, отправившийся на поиски сестры, «пришел в то место, где нивх живет... Так они и познакомились. И с тех пор уйльта и нивхи стали вместе жить. Стали меняться всякими продуктами. Оленя – на тюленя, оленью кожу – на рыбу. Уйльта ловили медвежат и приводили к нивхам. Нивхи откармливали медведей и потом вместе делали праздник. Вот так».

Естественно, перед нами поздняя интерпретация распространенного сюжета. В тексте достаточно ясно виден материковый след: герои живут в верховьях реки, брат занимается охотой, тогда как нивх обитает в низовьях реки, где ловит рыбу. Но в финале дана исторически достоверная картина жизни на Сахалине. При этом брат представлен как оленевод, а его зять – как морской зверобой и рыболов. Весьма интересным представляется сообщение о совместном проведении медвежьего праздника.

Отголоски медвежьего культа, распространенного у сибирских народов, находим в нингма о брачном союзе женщины и медведя. Как правило, это насильственный брак, связанный с похищением женщины, но один из уйльтинских текстов повествует о добровольном характере такого союза. Более того, в конечном счете все члены новой семьи обрели человеческий облик: «Давно ли медведями были, как людьми стали? – думает человек. Очень его это интересует». Такой вопрос задает себе один из персонажей – зять жены медведя (муж ее младшей сестры). Он отправился на поиски свояченицы и убедился в том, что она довольна своей судьбой.

В реальной обрядовой практике ороков исследователями зафиксирована не тунгусская, а нивхско-айнская версия медвежьего праздника, когда зверь не является охотничьей добычей, но специально выращивается для совершения ритуала. Вместе с тем в фольклоре имеется сюжет об обучении орока правилам охоты на медведя и последующим проводам зверя в мир мертвых. Из зачина следует, что человек не знал этих правил, поскольку его основным занятием было рыболовство. Когда медведь съел все запасы добытой ороком рыбы, тот решил его наказать: подкараулил и ударил топором. «Люди-медведи» доставили человека в свое селение и объяснили его ошибку. «Ты, – говорят, – топором не руби, копьем надо убивать медведя. Его посреди сердца втыкают. Копьем убитый медведь для нас хорошо. То, что его зарубил топором, плохо. Убивай только копьем. А перед тем, как проводить убитого медведя в буни (мир мертвых), надо устроить праздник...» Как видим, рассказчик пытался если не устранить, то хотя бы объяснить противоречия, которые наблюдались в реальных верованиях и обрядовой практике.

Среди нингма о брачных союзах человека и животного заслуживает внимания уйльтинская сказка, где одним из действующих лиц является женщина-лягушка удала-пудин. Она приняла облик красавицы-пудин, надела ее одежду и украшения и даже вышла замуж. Опубликованный текст имеет следующую концовку: люди разоблачили обманщицу и прогнали ее на болото, где она и сейчас живет. Оригинал полевых записей содержит иной финал. Лягушка-удала, даже присвоив человеческий облик, не стала хорошей хозяйкой. Приготовленный ею обед оказался несъедобным: «О-о, она намешала всего (вареная рыба, ягоды с мусором)...». Затем она проглотила всю кухонную посуду и притворилась беременной. В конце концов лягушку убили и выбросили из дома.

Неспособность удала-пудин к домашней работе постоянно подчеркивалась разными рассказчиками: «Принесла она палки, ветки, сучья, мусору принесла»; «Она принесла ведро, полное лягушек и ящериц». В материалах К.А. Новиковой амфибия, занявшая место девушки, носит имя хэрэ, что также означает «лягушка». Бывших подруг взяли в жены два брата: носивший одежду из шкур рыси (т.е. богатый)

взял лягушку в наряде *пудин*, а бедный брат в одежде из рыбьей кожи взял девушку, превращенную в лягушку. Выйдя замуж, *хэрэ* бросала в очаг мусор и приносила лягушек и ящериц, а трудолюбивая девушка успешно занималась хозяйством. В конце концов люди поняли, в чем дело, и лягушку прогнали. Наличие значительного числа вариантов традиционного сюжета указывает на длительность его бытования и укорененность в системе этнокультуры.

Награда для героя

Для уйльтинских героико-эпических нингма характерны типичные для данного подраздела фольклорной прозы сюжеты о борьбе главного героя с могущественными противниками и осуществление кровной мести за гибель родителей и других членов рода. Центральный персонаж наделен не только необычайной силой, но и сверхъестественными способностями. Как правило, его именуют манга мэргэ – «сильный богатырь», иногда добавляя родовую принадлежность: «манга мэргэ из рода Даху». Выполнив свое предназначение, герой возвращается в родные места, получив в жены красавицу-пудин. В прошлом монологи действующих лиц пелись, каждый персонаж имел повторяющиеся слова-попевки, характерные именно для его речи. Для такого исполнения существовал специальный термин – нимнамбури.

В одной нингма рассказывается об одиноком юноше мэргэ, который, подобно нивхскому уму *нивху*, все время спал, а проснувшись, отправился по берегу моря искать жену. Женился и вернулся домой. Через некоторое время отправился на охоту и взял в жены сестру крысы, но не заплатил оговоренный выкуп. Младшая жена родила сына, старшая из зависти убила ребенка, но обвинила в случившемся его мать. Разгневанный мэргэ велел слугам убить женщину, и они завели ее в тайгу. В поющемся монологе женщина, по-видимому, связанная родством с небожителями, обратилась к птицам, с которыми играла в детстве. Одна из птиц забрала ребенка и улетела. Тогда женщина с такой же песней обратилась к белому медведю. Зверь забрал ее в верхний мир. Одумавшись, охотник отправился на поиски оклеветанной супруги. Ему помогла старушка – добрый дух. Мужчина забрал жену и ребенка, а злодейку-жену убил.

Мотив кровной мести является основным и сюжетообразующим в популярном нингма о Мокчу Кэчиктэ. В большинстве эпических произведений осуществление мести героем сопровождается получением женщин от побежденных противников, тогда как Мокчу Кэчиктэ осознанно отложил расправу над врагом: «Уже мать Мокчу, состарившись, умерла, сам он женился и уже имел сыновей...» Только тогда мститель «пошел на разведку в то селение, где жили люди одного рода с убившими его отца». С первой попытки месть не удалась, Мокчу был ранен в ногу. Герой вынул стрелу и снял наконечник. «Он думал: "Ты сейчас меня не убил, я тебя вперед убью наконечником твоей стрелы"». После выздоровления Мокчу разыскал своего противника, которого одолел, как обещал, его же стрелой, выстрелив ему в подмышку. «Много людей убил Мокчу, мстя за своего отца».

«Скрипучая нога»

Наиболее архаическими считаются персонажи, которые не являются ни людьми, ни животными; это могут быть даже предметы домашнего обихода и ремесла, представ-

ляемые как антропоморфные существа. Например, в популярном уйльтинском нингма действующим лицом является людоедка Силапу Бэгдилу (или Силапу Бэгдини – «скрипучая нога» – женщина-каннибал, которая каждый день коптила над огнем человеческие руки и ноги. Описание Силапу в разных текстах варьируется незначительно: «Ноги-вертела – скрип-скрип; руки-щипцы – цап-цап; голова-молот из стороны в сторону поворачивается; вместо туловища багульник – хруп-хруп». Тем не менее сестра этого вредоносного существа – обычная женщина. Жалея людей, она сожгла монстра, а пепел развеяла по ветру, отчего образовались мелкие кровососущие насекомые. Напоминанием о Силапу Бэгдилу служат длинные ноги комара-кровопийцы.

Некоторые исполнители представляли чудовище в мужском обличье, но описание оставалось прежним: «Голова у него была как кузнечный молот, поворачивалась в разные стороны. Тело его – кузнечные меха, то сжималось, то раздувалось... Шаг шагнет, ноги-вертелы, острые и длинные, высоко забросит, скрип-скрип, скрип-скрип, шагает».

Упрощенный вариант рассмотренного сюжета имеется в полевых материалах С.В. Березницкого, где главное действующее лицо женского пола носит имя Бойды: «...Голова из молотка, ноги из шампура, туловище из багульника, а руки из щипцов. "Ноги мои скрипят, голова моя чугунная качается, а руки-щипцы все хватают". Этот дух однажды пришел к людям в палатку... Уходить стала не через дверь, а подняла полог палатки. А тут люди на нее навалились, сбили с ног и бросили в костер. Дух этот сгорел. Самая старшая женщина подошла и дунула в костер. И сказала: "Превращайся, пепел, в комаров, ос и оводов"...».

Такой «несовершенный» текст вызовет недоумение у неподготовленного слушателя, но у людей, знакомых с традиционным фольклором, возникнут определенные ассоциации, которые и закроют смысловые лакуны (например, чем вызвана крайняя жестокость обитателей палатки). Имеющийся художественный опыт напомнит носителям этнокультуры, что *Бойды* – дух, враждебный людям, женщина-людоедка. Аналогичный персонаж, действующий в тех же сюжетных ситуациях, встречается в нанайском и ульчском фольклоре. Общим является также этиологический финал о происхождении кровососущих насекомых. В противовес этому близкие рассмотренным удэгейские тексты не являются полностью аналогичными, они отличаются оригинальной трактовкой образов и занимают особое положение в общей системе тунгусоманьчжурского повествовательного фольклора.

Обыкновенное волшебство

Часть произведений сказочного эпоса в соответствии с европейской систематикой может быть отнесена к волшебным сказкам. С этих позиций заслуживает внимания нингма с героем по имени Хусэгди Нэгэ (сравним с эвенкийским Хусэгдэн). Мужчина занимался кузнечным делом, а птичка наблюдала за ним. Человек попросил помочь, но она отказалась. Хусэгди Нэгэ рассердился и выстрелил в птичку. Стрела пролетела мимо и прилипла к дереву, затем прилип брошенный в ту же сторону лук, потом собака, которую отправил кузнец, и, наконец, сам герой. Птичка полетела к старику Канга сообщить, что к дереву прилип жирный зверь. Канга отлепил человека, принес домой и подвесил над очагом. Хусэгди Нэгэ уговорил детей старика снять

его, пообещав сделать им луки, для изготовления которых нужен меч. Дети принесли меч отца. Герой освободился, убил детей и убежал. Жестокое здравомыслие героя отражает принципы жизни древнего охотничьего сообщества, но отдельные детали относятся к более позднему времени, например, меч – айнско-японское оружие.

В сказке о двух братьях – умном Дёмбу и глупом Уде – можно усмотреть влияние русской сказочной традиции. Особенно показателен эпизод, где Уде, чтобы лишний раз не ходить за юколой, заготовленной «одной старушкой», решил унести амбар целиком (как Иван-дурак носил за собой дверь, которую ему было велено сторожить). Амбар придавил его, а старушка сильно побила. В нанайской версии сказки глупец также носит имя Уде, тогда как умного героя зовут Акиа. Эпизод с амбаром аналогичен уйльтинскому, но в финале к Уде, как к «ироническому удачнику» Ивану-дураку, приходит удача, и он надолго обеспечивает едой и себя, и Акиа.

Звериные истории

Большая часть уйльтинских сказок о животных, предназначавшихся детям, восходит к общетунгусскому прототипу. Их героями являются реальные представители региональной фауны: ворона и выдра, лягушка и крыса, лиса и летяга. Популярный сюжет повествует о лисе-обманщице, которая, напросившись в нарту охотника, съела его припасы. Отвечая на вопросы человека о пути следования, лиса вместо реальных топонимов называла количество оставшихся продуктов: «начало», «середина» и т.д. Примечательно, что на карте Сахалина имеется река Середина, приток реки Вал. Местный колорит получил отражение и в описании продуктов, съеденных лисой, – юкола и нерпичий жир.

Многие нингма о проделках лисы двухчастны. В наиболее распространенной версии завязкой действия служит сообщение о том, что коварный зверь съедает детенышей белки-летяги (в материалах К.А. Новиковой жертвой лисы становится горностай). Когда остается последний бельчонок, на помощь приходит птица (в большинстве уйльтинских версий это «дедушка цапля») и забрасывает лису на остров. Однако ловкая лисица, одурачив нерп, перебирается на большую землю по их спинам. Этот эпизод, в котором чувствуется влияние палеоазиатских народов (по всей вероятности, нивхов), разными рассказчиками воспроизводится практически без вариантов.

Распространенный сюжет о разрушенной дружбе, конец которой был положен жадностью одного из партнеров, в одной из орокских сказок связан с конфликтом между Птичкой и Мышкой. Текст, записанный К.А. Новиковой, близок к эвенскому. Птичка не захотела отдавать подруге причитающуюся той долю общих запасов: она обложила основание своего дома железом, чтобы Мышка не могла в него проникнуть. (В более известных тунгусо-маньчжурских версиях главными персонажами являются Лягушка и Мышь, причем жертвой жадности подруги становится Лягушка.)

Дальнейшее развитие действия связано с решением, вынесенным «судом животных». Мышка пожаловалась Медведю, а тот передал жалобу Льву. Птичка обратилась к Ворону, который привлек к делу Журавля. В решающей схватке сошлись Лев и Журавль. Победил, естественно, «царь зверей», и Птичке пришлось делиться, так что справедливость восторжествовала. В рассмотренной версии

заметно инокультурное влияние, но она занимательна и оригинальна. Правда, не исключено, что исполнитель использовал книжный источник. Такие тексты иногда встречаются в материалах североведов¹.

Северные палеоазиатские мотивы вороньего цикла видны в уйльтинских сказках о вороне. Культовая птица в ипостаси трикстера введена в сюжет, который у тунгусских народов обычно ассоциируется с проделками лисы: ворон делал вид, что помогает зверобою, а на пути к дому делал вид, что поправляет тушу, и склевал все мясо. Обнаружив это, охотник рассердился и сильно побил ворона. В юкагирском фольклоре таким персонажем-хитрецом выведен песец, который притворился, что помогает старику тянуть нарту.

В нингма о неудачном браке ворона этот персонаж также представлен как трикстер. Он женился на девушке против ее воли. Супруга обкладывала себя колючими ветками, пыталась убежать и т.д. К ворону пришел сын старика Канга и предложил в обмен на жену шесть нерпичьих голов. Ворон охотно согласился.

Иные мотивы

Как видим, уйльтинский фольклор испытал воздействие различных иноэтнических традиций. О важной роли южной составляющей в культуре ороков (уйльта) свидетельствует также наличие жанра сахури – сказки, заимствованной из маньчжуро-китайского фольклора. Имя главного действующего лица Геохату / Гэвхэту означает «нищий», «попрошайка». Однако орокский Геохату наделен чертами подлинного эпического героя. Этот бедный человек жил на окраине небольшого города в маленьком травяном домике. «А в центре города в большом дворце жил царь, владелец этого города и страны». Безусловно, место действия, занятия центрального персонажа, который косил траву «на лугу своего господина», а также второстепенные действующие лица (царская дочь, сам царь и его приближенные) нетипичны для фольклора тунгусоязычных народов, как и развитие сюжета в целом. Герой освобождает из неволи царскую дочь, которую гигантская птица унесла в подземное царство черта-людоеда.

Попытка недругов Геохату избавиться от героя, оставив его в Нижнем мире и приписав себе его заслуги в спасении царской дочери, напоминает популярную русскую сказку о трех царствах. Заимствованный характер текста ясно осознается рассказчиком, определившим жанр повествования как сахури. Концовка сказки подтверждает инокультурное влияние, более того, можно предполагать, что ареал заимствований не ограничивается Северо-Восточным Китаем. Так, птица – похитительница женщин имеет черты мифической кори, известной всем тунгусо-маньчжурам, в том числе орокам, но вместе с тем ее участие в спасении героя, возможно, указывает на сказочный мир арабского Востока.

Как и большинство тунгусо-манчжуров, ороки высоко ценили занимательность таких произведений, но не их морально-этические установки. В традиционном сообществе

¹ Примером может служить корякская сказка «Хитрый Викса», рассказанная на родном языке А. Солодяковым, 34 лет, жителем пос. Палана на Камчатке: гигантский бык-единорог, погнавшись за Виксой, вонзил рог в дерево, и герой смог справиться с опасным зверем. Эпизод напоминает известную сказку братьев Гримм «Храбрый портняжка».

благополучие в первую очередь связывалось с промысловой удачей, а не с получением богатства, которое далеко не всегда приносило счастье. Неудивительно, что орокское слово *сахури* означает не только «рассказать сказку, небылицу», но также «накликать беду».

След крылатого оленя

Помимо языка, относящегося к южной (маньчжурской) группе, заслуживает внимания тот факт, что значительное место в хозяйственной деятельности уйльта принадлежало охоте и рыболовству. Это дает основания рассматривать их традиции как часть культуры Нижнеамурского бассейна. Вместе с тем с позиций духовной культуры явно недостаточно исследована роль северного, собственно тунгусского, слоя в этногенезе ороков (уйльта).

Убедительным доказательством участия северных тунгусов (эвенов и эвенков) в этногенезе ороков служат не только данные антропологии и ряд охотничьих сюжетов, о чем говорилось ранее, но и сохранение оленеводства как существенного компонента хозяйственной деятельности. Однако на Сахалине ученым не удалось записать сложных, многосюжетных образцов героического эпоса, характерных для мужской эпической традиции оленеводов и таежных охотников. О ее существовании в прошлом можно судить по отдельным художественным образам, которые были зафиксированы во время экспедиционных исследований второй половины XX века. В частности, в ряду эпических героинь находим девушек из Верхнего мира, помощниц и потенциальных жен главного героя. Среди мифологических персонажей встречаем еще одного небожителя – крылатого оленя хасалу ула, на котором летал Сингуникэн, живший в среднем мире.

Поскольку в обрядовой практике ороков оленю отводилось важное место, это животное считалось наиболее достойным жертвоприношением высшим силам, обеспечивающим жизнеспособность и благополучие сообщества. Причем более всего ценились олени белой масти. В этом отношении весьма показателен тэлунгу из архива Ю.А. и Л.И. Сем «Жители Пильтуна». Однажды весной семь жителей этого поселка отправились охотиться на нерп и заблудились. После долгих блужданий лишь двое из них добрались до незнакомого селения. Оказалось, они попали к семейной паре – хозяевам моря. Вернуться домой люди сумели только с их разрешения при условии, что в знак благодарности они принесут в дар двух оленей – белого и пестрого. Не сумев добыть оленя пестрой масти, охотник заменил его черным. «Человек, который убил черного оленя, – завершает повествование рассказчик, – прожил девять лет и умер. Заболел, наверное, или убили шаманы. А тот, который убил белого оленя, жил до самой старости...» В тексте видны истоки базовой оленеводческой культуры в сочетании с поздней культурой морских зверобоев. О приоритете оленеводства свидетельствует выбор жертвенного животного.

В свадебных песнях жених обычно именуется «оленемчетырехлеткой». Причем этот метафорический эпитет сохранился в песенном фольклоре не только на Сахалине, но и на Хоккайдо, куда перебралась часть ороков:

Гэннэнгэккэ гэнэннэ. Хедарга олень-четырехлетка, Олень-четырехлетка Прекрасный. Текст был записан на о. Хоккайдо в 1957 году японским филологом Дзиро Икегами. В эпике эвенов юноша, достигший брачного возраста, также называется «четырехлетним оленем». Особое отношение к оленю зафиксировано и в культуре амурских ульчей, но там, как правило, без труда устанавливаются северные корни носителей этой традиции.

Таким образом, хотя место ороков (уйльта) среди других тунгусоязычных этносов до сих пор четко не определено, можно с достаточной степенью определенности говорить о гетерогенности формирования данного этнического сообщества и о возможном его переходе на язык южной группы тунгусо-маньчжуров, что подтверждает анализ орокской фольклорной культуры.

Фото из открытых интернет-источников.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Аврорин В.А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1986. 255 с.

Березницкий С.В. Мифология и верования орочей. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. 208 с.

Березницкий С.В. Этнокультурные компоненты верований и ритуалов коренных народов амуро-сахалинского региона. Владивосток: Дальнаука, 2003. 486 с.

Красные волки (орокская сказка) // URL://www.skazayka.ru/krasnyie-volki-orokskaya-skazka.

Лебедева Ж.К. Архаический эпос эвенов. Новосибирск: Наука, 1981. 160 с. Миссонова Л.И. Лексика уйльта как историко-этнографический источник. М.: Наука, 2013. 334 с.

Миссонова Л.И. Оленеводство и идентичность уйльта Сахалина (советский и постсоветский периоды) // Acta Slavica Japonica. 2009. Т. 27. Р. 177–199. Мокчу Кэчиктэ (орокская сказка) // URL://www. skazayka.ru/mokchu-kechikte-orokskaya-skazka.

Нанайский фольклор: нингман, сиохор, тэлунгу. Новосибирск: Наука, Сиб. издат. фирма РАН, 1996. 478 с.

Новикова К.А. Ороки и их устное творчество // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1967. С. 188–197.

Озолиня Л.В. О жанровой структуре фольклора ороков (уйльта) // Сибирский филологический журнал. Новосибирск. 2014. № 2. С. 5–10.

Озолиня Л.В. Грамматика орокского языка. Новосибирск: Изд-во «Гео», 2013. 372 с.

Подмаскин В.В. Фольклор уйльта (ороков) Сахалина как историко-этнографический источник // Из века в век... Материалы международной научной конференции, посвященной 120-летию открытия первого музея на Сахалине (12–17 сентября 2016 г.). Южно-Сахалинск, 2017. С. 62–67.

Подмаскин В.В. Формирование основных фольклорных жанров в художественной культуре ороков (уйльта) // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток – Запад. Вып. 20. Материалы XX научной международной конференции. Владивосток. 24–25 апреля 2014 года. Владивосток: Дальнаука 2014 С 104–110

Подмаскин В.В., Сем Т.Ю. Пантеон уйльта (ороков) Сахалина в XIX–XX вв.: типология и семантика // Россия и АТР. Владивосток. 2018. № 3. С. 151–167.

Сем Ю.А., Сем Л.И., Сем Т.Ю. Материалы по традиционной культуре, фольклору и языку ороков. Диалектологический орокско-русский словарь. Владивосток: Дальнаука, 2011. 156 с.

Сиськова А.В. Культура народов Дальнего Востока: традиции и современность. Владивосток: ДВНЦ АН СССР. 1984. С. 64–69.

Старцев А.Ф. Ороки – орочёны, а не уйльта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина. Владивосток: Дальнаука, 2015. 163 с.

Таёжные песни. Пурэ јајани. Сборник песенно-повествовательного фольклора уйльта. Южно-Сахалинск, 2013. 123 с.

Таксами Ч.М. Фольклорные материалы об истоках этнических и культурных связей народов Амура и Сахалина // Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1970. С. 36–42.

Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, ехэ. Новосибирск: Наука, 1998. 561 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Фольклор юкагиров. М.; Новосибирск: Наука, 2005. 594 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Хасанова М., Певнов А. Мифы и сказки негидальцев. Осака, 2003. 297 с.

Уйльта. Эвенки. Южно-Сахалинск: Изд-во «Лукоморье», 2009. 194 с. / Культурное наследие народов Дальнего Востока России. Сахалинская область.

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Хлеб-соль для цесаревича

130 лет назад наследник российского престола посетил Хабаровку

Денис ЛЯХОВ

Визит наследника российского престола цесаревича Николая Александровича в мае 1891 года стал одним из самых знаменательных событий в дореволюционной истории нашего города.

Известия о том, что августейшая особа почтит своим присутствием столицу Приамурского края во время кругосветного путешествия, дошли до Хабаровки еще осенью 1890 года. И практически сразу началась подготовка к встрече высокого гостя. А.М. Бодиско в своей работе «Из жизни Хабаровска» рассказывает об этом во всех подробностях: «В декабре предыдущего года городское управление стало подготавливаться к устройству достойной встречи, для чего организовало подписку среди жителей на приобретение серебряного блюда и солонки для поднесения хлеба-соли Наследнику Престола и само ассигновало на этот предмет 1 000 рублей. Кроме того, было ассигновано еще 2 500 рублей на украшение города, устройство иллюминации и фейерверка. Ко времени прибытия Государя Наследника Цесаревича, по приказанию генерал-адъютанта барона Корфа было объявлено, что:

- 1) О дне и часе прибытия в Хабаровку Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича будет точно оповещено особым печатным объявлением.
- 2) К назначенному часу для встречи Высокого Гостя собираются на плавучую пристань (предполагалось, что цесаревич прибудет со стороны Владивостока по р. Уссури на пароходе, поскольку железной дороги, связывающей Хабаровск и Владивосток в то время еще не было Д.Л.): полицмейстер, городской староста с представителями городского общественного управления и все гражданские чины в мундирах.
- 3) Воспитанники городских мужского и женского училищ, вместе со своим начальством размещаются у пристани на места, которые будут указаны полицмейстером.
- 4) По установке сходен с парохода полицмейстер подходит к Его Высочеству с рапортом, после чего городская депутация подносит Наследнику Цесаревичу хлеб с солью.
- 5) От пристани до собора (речь идет об Успенском соборе, располагавшемся на современной Комсомольской площади. Д.Л.) размещаются войска шпалерами, фронтом к Амуру, имея на правом фланге Хабаровскую Приготовительную Школу (речь идет о курсантах Хабаровской приготовительной школы Сибирского кадетского корпуса, позднее Хабаровского кадетского корпуса им. графа Н.Н. Муравьева-Амурского Д.Л.).

6) Жители города приглашаются, за неимением места у самой пристани, разместиться против нее на возвышенном берегу.

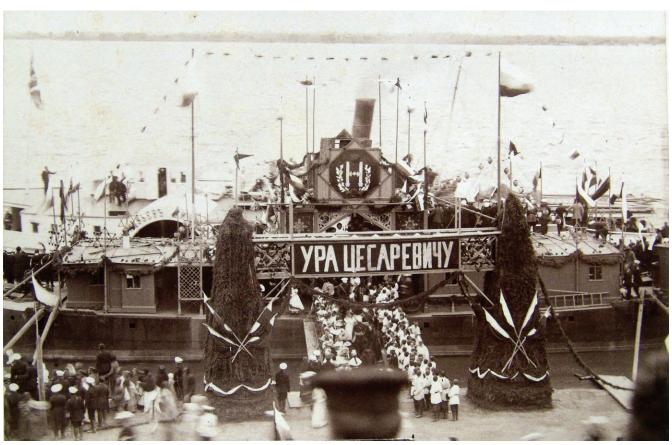
7) У собора встречают Его Высочество все чины военного ведомства, не находящиеся в строю.

- 8) Дамы приглашаются, в случае хорошей погоды, собираться для встречи у собора.
 - 9) Вход в собор допускается только с разрешения протоиерея.
 - 10) Почетный караул будет выставлен против дома генерал-губернатора (сегодня часть здания ОДОРА.– Д.Л.), у которого, до роспуска караула, собираться посторонним лицам не дозволяется, чтобы не мешать приему и прохождению караула.

11) Хотя Священная Особа Дорогого Высокого Гостя Хабаровки, несомненно, будет охраняема каждым жителем города отдельно и всеми вообще, тем не менее, для сохранения порядка и предупреждения какой-

либо выходки со стороны умственно или нравственно помешанного, улицы, по которым изволит проследовать Его Императорское Высочество, распределяются на участки и в каждом из них назначается заведующий участком, который может выбрать себе, сколько найдет нужным, помощников. Все эти лица должны иметь на груди белую кокарду и обыватели приглашаются слушаться их указаний.

- 12) По объезде Его Императорского Высочества в первый день иллюминации, всем господам заведующим участками собраться в Военное Собрание (сегодня Дальневосточный художественный музей. Д.Л.) для получения распоряжений на следующий день.
- 13) На следующий день по прибытии Его Императорского Высочества всем чинам военных и гражданских управлений, городскому духовенству, а равно городскому старосте с депутацией от города, корейской и китайской депутациям, собраться к 8 с половиной часам утра в Атамановский зал генерал-губернаторского дома, для представления Его Высочеству. Одетым быть господам военным в походной форме при орденах, генералам в лентах, гражданским чинам в мундирах.
- 14) При открытии памятника графу Муравьеву-Амурскому войскам строиться по указанию генерал-майора Свечина, ему же дать указания полицмейстеру какие места могут быть заняты публикой и где становиться гражданским чинам.
- 15) Все распоряжения по городу войскам, в отсутствие генерал-губернатора, Его Превосходительство (имеется в виду генерал-губернатор Приамурского края генерал-

Пристань и набережная в праздничном убранстве в честь высокого гостя

адъютант барон А.Н. Корф – \mathcal{L} .Л.) возложил на генералмайора Свечина ...»¹.

Председателем комиссии по устройству торжеств и украшения города назначили исполняющего дела начальника штаба Приамурского военного округа генерал-майора А.М. Свечина. Депутации от Хабаровки утвердили постановлением комиссии по благоустройству города от 16 мая 1891 года. В документе сказано, что «... по случаю приближающегося срока прибытия в город Хабаровку Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича городским старостой, в заседании сего числа, предложен комиссии вопрос об избрании от Городского Общества лиц для встречи и поднесения Его Императорскому Высочеству хлеба-соли, а также для представления Его Высочеству, на следующий день прибытия, в генерал-губернаторском доме, согласно объявленного по городу приказания его высокопревосходительства генерал-адъютанта барона Корфа. Вследствие сего комиссия постановила: для встречи на плавучей пристани и поднесения хлеба-соли Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу назначить следующих от Городского Общества, во главе городского старосты дворянина Станислава Исидоровича Бахаловича, лиц: надворного советника Константина Тихоновича Лихойдова, почетного гражданина Хабаровского 2-й гильдии купца Сергея Яковлевича Богданова, Хабаровских 2-й гильдии купцов Павла Дмитриевича Михайлова, Михаила Павловича Пьянкова, Павла Васильевича Попова и Хабаровского мещанина Кузьму Абрамовича Бортникова, а для представления Его Императорскому Высочеству на следующий день по прибытии Его Высочества в генерал-губернаторский дом, куда собраться, согласно объявленного по городу приказания его высокопревосходительства генерал-адъютанта барона Корфа к 8 с половиной часам утра, назначить во главе же городского старосты Станислава Исидоровича Бахаловича следующих лиц: коллежского советника Георгия Трофимовича Орлова, надворного советника Константина Тихоновича Лихойдова, коллежского асессора Петра Петровича Зарембо, титулярного советника Георгия Ивановича Мурашева, Хабаровского 1-й гильдии купца Василия Федоровича Плюснина, почетного гражданина Хабаровского 2-й гильдии купца Сергея Яковлевича Богданова, Хабаровских 2-й гильдии купцов Павла Дмитриевича Михайлова, Михаила Павловича Пьянкова, Павла Васильевича Попова, Макара Васильевича Киселева, Евдокима Михайловича Михайлова, временного Хабаровского 2-й гильдии купца Якова Исаевича Исаева и мещан: Верхнеудинского Дмитрия Николаевича Туговикова и Хабаровского Кузьму Абрамовича Бортникова».

По словам А.М. Бодиско: «Генерал Свечин при помощи комиссии блестяще выполнил возложенные на него поручения по организации встречи и украшения города: были построены арки и триумфальные ворота у пристани, у казначейства (сегодня – гостиница «Парус». – Д.Л.) и у военного собрания, по городу расставлены были мачты, между которыми развивались гирлянды флагов, дома обывателей были разукрашены флагами, коврами и материями, вечером весь город сиял огнями плошек и смоляных бочек и сожжен был блестящий фейерверк».

Первый день визита наследника российского престола в Хабаровку выпал на 29 мая 1891 года: его торжественно встречали на городской пристани. В этот же день цесаревич посетил Успенский собор. Вечером состоялся торжествен-

 $^{^{\}rm 1}$ В приведенных фрагментах частично сохраняется орфография и пунктуация оригинала.

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Триумфальная арка в районе военного собрания. 1891

Торжественная встреча цесаревича Николая Александровича на Соборной площади г. Хабаровки. 29 мая 1891 г.

Открытие памятника графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому в г. Хабаровке. 30 мая 1891 г.

ный прием в резиденции генерал-губернатора Приамурского края с представлением заслуженных горожан, вручением подарков и награждением военных и гражданских лиц.

На следующий день в Хабаровке торжественно открыли памятник графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому (он находился в том же месте, что и современный монумент – Д.Л.). Специально приглашенный племянник Николая Николаевича – капитан Генерального штаба граф Валериан Валерианович

Муравьев-Амурский оставил воспоминания о том важном событии: «Открытие памятника состоялось 30 мая 1891 г., погода была превосходная, с утра было жарко <...> К 10 часам утра народ уже толпился в части городского сада, прилегающей к месту ожидавшейся церемонии. Слева перед памятником, ближе к Амуру, была разбита палатка, украшенная флагами и зеленью, предназначенная для молебствия с водосвятием <...> Ровно в 10 часов прибыл к месту церемонии наследник-цесаревич, который проследовал прямо в палатку, где тотчас и началось молебствие <...> Затем войска взяли на караул, артиллерия произвела установленный салют, а музыка, вместо обычного в этих случаях марша, исполнила так называемый Амурский марш, которым всегда начинался день на Амуре при графе Муравьеве ...».

После торжественного освящения памятника Николай Александрович посетил сооруженный неподалеку инвалидный дом, где его встретила супруга приамурского генерал-губернатора баронесса С.А. Корф – председательница Хабаровского благотворительного общества, в ведении которого находились призреваемые инвалиды. Как было принято в то время, на благотворительные учреждения цесаревич жертвовал весьма значительные денежные суммы. В тот же день он осмотрел город, побывал в учебных заведениях и на артиллерийском складе. А завершилось все торжественным приемом в честь наследника русского престола: его в своей резиденции дал барон А.Н. Корф.

Утром 31 мая, пробыв в Хабаровке двое суток, цесаревич вместе со свитой отбыл вверх по Амуру на пароходе «Граф Муравьев-Амурский» в направлении Благовещенска. Вернувшись в Санкт-Петербург, Николай Александрович в ответ на телеграмму А.Н. Корфа, поздравившего Наследника с благополучным возвращением в столицу, в ответной телеграмме написал: «Сердечно благодарю вас, войска, казаков и жителей Приамурского края за поздравление с приездом домой. Никогда не забуду приемов, оказанных мне во время проезда по этому краю будущего».

Весьма интересно то, как в Хабаровке распорядились имуществом, оставшимся от украшения города. В большинстве своем оно было продано с аукциона. Однако в память о столь важном визите городское управление на заседании 31 июля 1891 года постановило: «...было бы вполне справедливо на память столь великого и дорогого каждому события, как посещение города Его Императорским Высочеством Государем Наследником Цесаревичем и Великим Князем Николаем Александровичем, оставив одну арку (триумфальные ворота) на Соборной площади (сегодня Комсомольская площадь – Д.Л.), два канделябра деревянные, поставленные по обе стороны западного входа в Собор и ряд столбов от названной триумфальной арки до дома Военного Собрания». Постановление, однако, полностью выполнено не было, поскольку столбы к тому моменту уже демонтировали. Арку же сохранили, и она стала одной из значимых достопримечательностей города.

Как для Приамурского края, так и для его столицы визит наследника императорской короны России стал одним из важнейших событий за всю предыдущую историю. Дошедшие до нашего времени документы и воспоминания показывают всю торжественность момента и очень точно передают особенности времени.

Фото Э. Нино из фотоальбома «Хабаровск 1994–1897 гг.»

Столетие забытой победы

Подвиг партизан Гражданской войны в памяти потомков

Виктор КВАШИН

В мельтешении несущественных проблем и надуманных трудностей как бы нам не пропустить важную дату российской истории. 25 октября 1922 года в послереволюционной России закончилась Гражданская война, и закончилась она у нас, на Дальнем Востоке.

Большую, если не решающую роль в этой победе сыграла яростная непримиримость местных партизан. Чтобы показать, почему так случилось, осмелюсь своими словами объяснить особенности Гражданской войны на дальневосточной земле.

Революция привела к всплеску сепаратизма – на территории бывшей великой Российской империи провозгласили несколько десятков «независимых республик», «коммун» и других самостоятельных или марионеточных образований. На Дальнем Востоке 6 апреля 1920 года была образована Дальневосточная республика (ДВР) со своим правительством. В то же время против советской России была развернута мощная иностранная интервенция, в которой приняли участие 14 государств. Летом 1919 года на Дальнем Востоке войска интервентов насчитывали более 60 тысяч японских, 9 тысяч американских, 1 500 британских, 1 500 итальянских, 1 100 французских и 60 тысяч чехословацких солдат и офицеров. Кроме того, имелись «белые» китайские, румынские и польские воинские части. На рейде Владивостока стояли военные корабли. И если большинство крупных стран присутствием своих военных сил пытались не допустить воссоединения великой России, то Япония развернула откровенную оккупацию российских территорий.

Разведывательное отделение главного штаба верховного правителя (адмирала Колчака) в сводке от 21 марта 1919 года сообщало о мотивах внешней политики Японии: недостаток в стране полезных ископаемых и сырья, необходимых для промышленности и стремление к завоеванию прочных рынков побуждают Японию к территориальным захватам в странах, богатых сырьем. Японцы отказались признавать ДВР и в качестве противовеса оказывали помощь войскам белогвардейского атамана Семенова, которые вынуждены были отступить из Забайкалья на территорию Приморья.

Япония ввела свои войска на территорию российского Дальнего Востока и при поддержке белогвардейцев принялись захватывать российские богатства. Японцы интенсивно скупали крупные земельные участки, дома, копи, промышленные предприятия, открывали банки для субсидирования своих предприятий на наших территориях, вывозили уголь и другие ценные ресурсы. 1 апреля 1919 года разведка адмирала Колчака докладывает, что «борьба с большевизмом является удачным предлогом для пребывания японских войск на чужой территории, а поддержка атаманов позволяет Японии эксплуатировать сырьевые ресурсы».

А что же наше российское население, как оно реагировало на все эти изменения? Чтобы понять, нужно вспомнить, что это было за население.

Юг Дальнего Востока стал последней территорией, освоенной русскими. Всего полвека назад сюда прибыли первые переселенцы из самых обездоленных областей Центральной России. Крестьяне вгрызались в вековую тайгу, отвоевывая себе сытое будущее. Переселение продолжалось до самого 1917 года. Люди только обжились, мечтали навечно закрепиться на плодородных землях и, естественно, не желали потерять все это в случае захвата власти японцами.

В 1905 году Россия позорно проиграла войну с Японией, потеряв весь военно-морской флот, военные базы в Китае, влияние в Корее, половину Сахалина и много другого. Русские войска были выведены в Приморский край и большей частью демобилизованы. Сюда же в ходе боев доставляли всех раненых. Очень многие из этих солдат, храбро сражавшихся с японцами под бездарным руководством генералов, остались в качестве поселенцев в приморских селах. К началу февраля 1906 года в Россию из японского плена вернулось 1 066 офицеров, 51 330 солдат и 8 783 матроса. Большая часть этих людей осталась в Приморье.

И вот через 13 лет, когда раны поражения еще не успели затянуться, японцы являются в Приморье и начинают откровенно грабить и устанавливать свои порядки. В это время в сознании русского человека большим врагом, чем японец, был только немец – и тех, и других люто ненавидели. И что же сделали нормальные русские мужики? Взялись за оружие. Тем более у всех оно было и владели им таежные охотники и недавние воины весьма неплохо.

Японцы воевать умели. Партизаны часто несли потери. Но когда большевики организовали разрозненные отряды партизан в войско под единым командованием, они сумели быстро одолеть захватчиков, а заодно и их помощников-белогвардейцев, и выдворить с нашей территории всех интервентов. Таким образом, это противостояние было не столько между белыми и красными, сколько между русскими и японцами.

Главным итогом Гражданской войны на Дальнем Востоке, по моему мнению, является не собственно изгнание белогвардейцев и интервентов, а, что в итоге важнее, восстановление единства Дальнего Востока с остальной великой Россией. И за это мы обязаны благодарностью и вечной памятью, в первую очередь, людям, добровольно взявшим в руки оружие – дальневосточным партизанам.

Думаю, лучшим подтверждением правого дела русских патриотов-партизан стали слова военного министра Великобритании Уинстона Черчилля: «Было бы ошибочно думать, что в течение всего этого года мы сражались на фронтах за дело враждебных большевикам русских. Напротив того, русские белогвардейцы сражались за наше дело».

Ниже привожу несколько фотографий памятников партизанам, которые попадались мне в путешествиях по Приморскому и Хабаровскому краям.

Мы живем на РОССИЙСКОМ Дальнем Востоке благодаря подвигу этих людей, который они совершили сто лет назад. Низкий поклон!

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Партизанский район Приморского края на 45-м км трассы Находка – Кавалерово, на перевале между населенными пунктами Водопадное и Орел, на юго-восточной стороне трассы. Надпись на мемориале: «На этом месте в 1921 году белогвардейцами были зверски замучены активные помощники красных партизан Ружанский П.М. – зав. шахтой № 10 г. Сучан, Симоненко И.Б. – работник шахты № 10, Талыш Е.В. – служащий рудоуправления шахты № 10. № 10. Вечная слава героям!».

Село Петровичи района имени Лазо Хабаровского края. Памятник семерым партизанам, погибшим в боях с белогвардейцами в 1919 г.

Партизанский район Приморского края.
Памятник Макару Сурменко в долине
р. Партизанской в 1 км южнее села Романовский
Ключ, у обочины дороги. На этом месте до
революции находился хутор отставного
фельдфебеля Макара Петровича Сурменко,
кавалера двух Георгиевских крестов,
прибывшего на поселение после Русско-японской
войны 1905 г. Во время Гражданской войны здесь
размещался партизанский лазарет.

Шкотовский район Приморского края, на 1-м километре трассы от Смоляниново на Новонежино, у обочины. Памятник партизанскому связному Макару Дубелю, местному крествянину, зверски замученному на этом месте контрразведкой белых. Обелиск установлен в 1954 г. родственниками Дубеля. Отреставрирован в 2014 г. добровольцами − учащимися средней школы № 25 с. Романовка и студентами из Большого Камня.

Село Чугуевка Приморского края. Братская могила партизан, замученных интервентами и белогвардейцами в 1919 г. и белобандитами в 1924 г. Изначально находилась на территории школы имени А.А. Фадеева с. Чугуевка. В 1953 г. приняли решение перезахоронить погибших партизан и создать мемориальный комплекс. В 1990-х гг. мемориал был разрушен вандалами, утрачена стела с именами погибших. Памятник восстановлен в современном виде в недавние годы. Фотографию стелы с именами захороненных партизан удалось отыскать в Чугуевской районной газете «Наше время» № 77 за 4 ноября 2013 года в публикации Валерия Малышева «Плач партизана на братской могиле».

Село Владимиро-Александровское, районный центр Партизанского района. Памятник партизанам на вершине сопки Спасательной, возвышающейся над селом. Установлен по инициативе общественности в 1964 г. в память о партизанах, погибших в годы Гражданской войны. Это 10-метровый обелиск пирамидальной формы на постаменте из железобетонных блоков.

Село Хмельницкое Партизанского городского округа. Партизанская могила, памятник погибшим здесь в 1919 г.

Яков Николаевич Попов (псевдоним Миша Мошкин) – личный адъютант Сергея Лазо. Молодые партизаны Попов и Байбородов были отправлены Сергеем Лазо из села Хмельницкого в село Казанка с пакетом. Пока они были в отъезде, обстановка изменилась, и отряд сменил место расположения. Попов и Байбородов проскакали к центру села, уже занятого карателями. Байбородов был убит сразу. Попова, раненного в ноги, схватили белогвардейцы, жестоко пытали раскаленными шомполами, пытаясь узнать сведения об отряде, но ничего не добились. Привязав его за ноги к хвосту лошади, каратели протащили партизана по селу и застрелили на окраине. В этот же день на глазах у сельчан был расстрелян Григорий Ковальчук за то, что его сыновья ушли в партизанский отряд. Зверской расправе подвергся большевик Федор Харлампиевич Кошман, попавший тяжело раненным в плен. Его убили за то, что принимал активное участие в формировании партизанских дружин, в подготовке и развертывании повстанческого движения. В Хмельницком также пал смертью храбрых разведчик Корней Гурзо. . Памятник установлен в 1956 году.

Село Федосьевка Пожарского района Приморского края. В 1922 году в боях за Приморье с японскими интервентами в районе между Бурлитом и Алчаном погибли пять бойцов Народно-революционной армии. В 1923 г. они были перезахоронены в Федосьевке. В 1950 г. по инициативе сельских жителей на месте захоронения сооружен обелиск.

Шкотовский район Приморского края. Памятник расположен на возвышенности около железнодорожного моста, на 60-м км железной дороги Владивосток – Находка и на 10-м км автодороги Смоляниново -Анисимовка, недалеко от села Новонежино. Памятник партизанам-железнодорожникам, погибшим при исполнении боевого задания подрыва белогвардейского бронепоезда на 60-м километре 29 октября 1922 г. Они были бойцами 6-го партизанского отряда, которым командовал М.А. Анисимов. Комиссаром 6-го отряда был коммунист Б. Серебряков, возглавлявший нападение на бронепоезд. По данным свода «Памятники истории и культуры Приморского края», в этом бою погибло 8 партизан.

могила красногвардейцев и красноармейцев, погибших в 1918, 1922, 1923 гг. Надгробие установлено в 1952 г. на привокзальной , площади. В 2005 г. заменено на современное. История захоронения такова. В коние августа 1918 г. части Красной гвардии под напором превосходящих сил белогвардейцев и интервентов с тяжелыми боями отходили вдоль железной дороги на север. 28 августа они отошли к станици Бикин. а 2 сентября отступили к Хабаровску. В здании железнодорожного вокзала находились пятеро раненых красногвардейцев. Один из них обратился к хирургу местной больницы В.И. Максимову с просьбой оказать помощь раненому с приступом аппендицита. Во время операции неожиданно ворвались белогвардейцы, расстреляли раненых бойцов, а затем и врача. Всех их похоронили у здания вокзала. В этой же могиле похоронены народоармейцы, погибшие в бою за станцию Бикин 1 марта 1922 г. В августе 1923 г. здесь были погребены житель села Васильевка боец Виктор Неупокоев и бывший комиссар 4-го Амурского полка Николай Смолин, убитые отрядом бывших белогвардейцев. Всего в братской могиле захоронены останки 22 партизан и бойцов Гражданской войны.

Прерванные сказки, недопетые песни

Символ покаяния японцев в амурском селе Ивановка

Нина ДУБИНИНА

Село Ивановка

В конце 1990-х мне посчастливилось впервые оказаться в Благовещенске. Здесь я познакомилась с замечательными людьми – проректором Амурского педагогического института Татьяной Дмитриевной Каргиной, доктором исторических наук, заведующим кафедрой отечественной истории этого же института Николаем Антоновичем Шиндяловым и директором Амурского областного краеведческого музея имени Г.С. Новикова-Даурского Еленой Ивановной Пастуховой. Именно с ней я совершила несколько рейсов по старинным селам Амурской области. Среди них большая и красивая Ивановка, расположенная в 35 километрах к северу от Благовещенска.

Тогда меня поразило большое число памятников и мемориальных знаков, которые встречались и в Благовещенске, и в других населенных пунктах Амурской области. Все говорило о том, что здесь живут истинные дальневосточники, сохраняющие благодарную память о своих мужественных предках. На их долю не раз выпадало защищать с оружием в руках национальную безопасность России и родное приграничное Приамурье.

Один из этих памятников произвел неизгладимое впечатление своим обликом, уникальной историей и необычной гуманитарной миссией. Здесь нет мрамора и бронзы, остов покрыт белой изразцовой плиткой, что придает обелиску светящуюся белизну и какую-то таин-

Обстрел Ивановки японскими войсками. Фото из фондов Госархива Амурской области

ственность. Осенью на фоне золота березовой рощи он возвышается словно большая поминальная свеча, а вместо пламени у нее православный крест.

В отличие от возведенных приамурцами мемориальных комплексов и сооружений, посвященных тем, кто пал в боях Великой Отечественной и Советско-японской войны 1945 года, этот памятник сооружен гражданами иностранного государства – Японии, причем на личные пожертвования. Японское правительство не имело никакого отношения к созданию обелиска, возникшего исключительно по народной инициативе. Уникальность памятника и в его редкой гуманитарной миссии. Это символ покаяния японского народа за злодеяния своих предков,

которые они совершили на русской земле в годы военной интервенции.

Не получив удовлетворения своим геополитическим амбициям в Русско-японской войне 1904–1905 годов, правительство Страны восходящего солнца рассчитывало реализовать их в ходе военной интервенции, воспользовавшись Гражданской войной. Так японские военные соединения оказались на материковой части края – в Приморье и Приамурье, и это стало временем жестокости и кровопролития. Каратели расправились с жителями почти двадцати приамурских сел, но самому масштабному террору подверглась Ивановка.

Основанная в 1864 году переселенцами из Ивановской, Орловской и Астраханской губерний, Ивановка уже в начале XX века превратилась в центр земледелия Амурской области. Появление военных японцев, которые вели себя грубо, агрессивно, вызвало у приамурских крестьян сначала тревогу, неприятие, а затем и враждебность, готовность защитить от интервентов родную землю, которая досталась им тяжелым трудом, немалыми лишениями и невзгодами. Вероятно, японские офицеры карательного отряда, получив информацию о том, что активно действовавший в районе партизанский отряд в основном состоит из крестьян Ивановки, решили проучить местное население и нанести удар по самому селу.

Большой отряд японцев и несколько казаков, вооруженных пулеметами, в ночь на 22 марта 1919 года окружили и обстреляли Ивановку, подожгли несколько изб, а утром вошли в село. Они врывались в избы, обыскивали их, а потом поджигали. В центр села согнали 186 человек и расстреляли их из пулеметов, 36 заживо сожгли в запертом амбаре. В тот страшный огненный день, по словам сотрудницы Ивановского историко-краеведческого музея Натальи Адаменко, погибли 257 ивановцев, огонь уничтожил 419 домов и построек, в том числе школу и больницу. Ивановка пылала, зарево было видно за 15 километров. Село сгорело дотла, большинство жителей стали жертвами террора японских интервентов. Чтобы оправдать это злодеяние, японское военное командование заявило тогда, что японский отряд в Ивановке разгромил партизан.

Список расстрелянных и сожженных мирных жителей Ивановки был опубликован уже в следующем, 1920 году в сборнике «Красная Голгофа». Его посвятили памяти товарищей, погибших за рабоче-крестьянское дело на российском Дальнем Востоке. Это благое дело совершили благовещенские журналисты из газеты «Амурская правда». Скорбный список жертв разгрома Ивановки в мартирологе оказался самым большим. Открывал его Роман Тимофеевич Железный – делегат 1-го Песчано-Озерского съезда. Это единственный случай, когда был выделен социальный статус человека. Несколько погибших помечены как работники, названы два китайца и, очевидно, кореец. В трех случаях указано место убийства – в доме или во дворе, и это косвенно свидетельствует, что остальных людей предварительно сгоняли в толпу, а потом расстреливали из пулеметов. Другой дополнительной информации о погибших нет.

Благодаря опубликованному списку можно хотя бы частично воссоздать общий портрет погибших ивановцев, поскольку у большинства (приблизительно две трети) наряду с фамилией указаны имя, отчество, возраст. Анастасии Чемеркиной исполнилось всего три года, а Андрею

Мемориал ивановцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны

Памятник 36 мирным жителям Ивановки, заживо сожженным японцами 22 марта 1919 г.

Памятник 257 мирным жителям Ивановки, расстрелянным японскими интервентами 22 марта 1919 г.

Баранову – 90. Чем же были опасны для вооруженных до зубов интервентов Купцовы – 19-летняя Анисия, семилетняя Лукерья, пятилетняя Мария и четырехлетний Федор? Среди убитых женщин оказалось немного – около 15 человек (вдова, солдатка, жена, дочь). В основном это были мужчины среднего возраста (40-50 лет), нередко с детьми. Например, Иван Филиппович Нестеров с сыновьями Николаем, Петром и Василием. Жертвами интервентов стали три брата Барташевы – Тимофей, Лука и Андрей с сыновьями – 18-летним Михаилом и 16-летним Василием. Очевидно, интервенты специально охотились за мужчинами, видя в них потенциально опасных врагов. Опубликованные по свежим следам данные в сборнике «Красная Голгофа» свидетельствуют, что всего жертвами разгрома японскими карателями села Ивановка стали 295 мужчин, женщин, стариков и детей.

В сборнике «Красная Голгофа», потрясающем документе народной битвы за Дальний Восток, есть проникновенные слова: «Прерванные сказки, недопетые песни, цветы, скошенные острой сталью, вы никогда не почувствуете радости, не улыбнетесь солнцу! Так пусть же ваша славная смерть вдохновляет нас, пусть ваша Красная Голгофа служит нам путеводным маяком к светлому грядущему...». Ивановская трагедия стала символом бесчеловечности, жестокости Гражданской войны и военной ин-

тервенции на российском Дальнем Востоке. В 1922 году Ивановка еще неполностью очистилась от пепла пожарища, но в селе установили два памятника – там, где заживо сожгли и расстреляли мирных жителей. Они и сегодня остаются местами поклонения для ивановцев.

Как же так случилось, что почти через семь десятилетий история трагедии дальневосточной Ивановки стала известна в Японии и глубоко тронула сердца современных японцев, вылившись в общественное движение покаяния? Жители этой страны конца XX века по сравнению с японскими интервентами представляют совсем другое поколение, которому довелось пережить злодеяние планетарного масштаба. В 1945 году ударам американских атомных бомб подверглись японские города Хиросима и Нагасаки, около 215 тысяч безвинных людей погибли и были ранены, что, конечно же, отразилось на генетическом коде населения Японии.

Сегодня частью современного российско-японского сотрудничества стали научные связи между ученымигуманитариями российского Дальнего Востока и исследователями института славяноведения в Хоккайдо. Это очень важно, поскольку такое взаимодействие помогает находить болевые точки в истории наших отношений. Одна из них касается Ивановки.

В 1991 году в Благовещенске побывал профессор Харо Туруюки. Он приехал в Ивановку, тщательно изучил историю давней трагедии и затем опубликовал у себя на родине статью. Бывшие военнопленные, объединенные во Всеяпонскую ассоциацию во главе с президентом Сайто Ракуро, с вниманием и сочувствием отнеслись к открывшимся страшным событиям. Они решили установить в Ивановке памятник «Покаяние» и в итоге собрали на него 23,5 тысячи долларов. 16 июня 1995 года здесь в присутствии потомков погибших ивановцев и 44 бывших японских военнопленных открыли белый обелиск с православным крестом. Произошла удивительная и, без преувеличения, историческая встреча. Этих людей объединило чувство скорби, покаяния, сострадания и сочувствия. От имени своих единомышленников Сайто Рокуро принес жителям села извинения за преступления своих предков. На прикрепленной к памятнику мемориальной табличке есть надпись на японском языке: «С чувством глубокого покаяния и глубокой скорби жителям Ивановки от народа Японии. Сайто Рокуро и его единомышленники. 1995 г.».

С тех пор японские делегации регулярно приезжают в российское село и участвуют в мемориальных акциях. К сожалению, в настоящее время среди них уже нет бывших военнопленных, но место покаяния продолжают посещать их дети и родственники. Наталья Адаменко рассказывала мне, что, проводя экскурсии для приехавших в Ивановку японцев, она видит в их глазах бесконечную боль за содеянное их предками.

Ивановский районный историко-краеведческий музей – хранитель истории славного села Ивановка, и особенно ее трагической главы. Его сотрудники вместе со школьными учителями проводят уроки краеведения и стараются воспитать у подрастающего поколения благодарную память.

Возродившаяся из пепла Ивановка ныне крупнейшее село Амурской области, административный центр Ивановского района. Здесь живут трудолюбивые люди, которые

Мемориал «Покаяние» в селе Ивановка

Делегация Японии в Ивановке. У мемориала «Покаяние»

заботятся о благоустройстве и красоте своей малой родины. У ивановцев складываются новые традиции: весной приветствуют белых лебедей, впервые появляющихся после зимовки, летом любуются цветущими на озере лотосами. К слову, это удивительное место включено в Книгу рекордов России, как самое северное озеро нашей страны с искусственными посадками краснокнижного лотоса. Замечательно, что сегодня в Ивановке неразрывны и старые традиции, связанные с героическим и трагическим прошлым, и современные. Это наполняет жизнь людей высоким смыслом и общечеловеческими ценностями.

В материале использованы фотографии из открытых интернет-источников

Лухмановы. Семейные хроники

Татьяна КИРПИЧЕНКО

Дмитрий Афанасьевич Лухманов – личность на российском Дальнем Востоке достаточно известная. Он был капитаном знаменитого парохода «Атаман», ходившего по Амуру в XIX столетии и перевозившего на своем борту приамурских генерал-губернаторов С.М. Духовского и Н.И. Гродекова. Еще писал книги, ставшие библиографической редкостью. Не так давно в биографии моряка появились новые страницы.

Среди новых изданий, поступивших недавно в фонд Дальневосточной государственной научной библиотеки, мое внимание привлекла вышедшая в Москве книга Александра Колмогорова «Мне доставшееся: семейные

хроники Надежды Лухмановой». Захотелось узнать, какое отношение ее героиня имеет к Дмитрию Афанасьевичу Лухманову. Оказалось, самое прямое – она его мать. Мало того, из текста стало понятно, что и некоторые другие члены этой большой семьи связаны с Дальним Востоком. В разное время здесь побывали и сама Надежда Александровна, и ее сыновья, и внук. А сам автор книги Александр Григорьевич Колмогоров – правнук Надежды Лухмановой.

В 1991 году ему в руки попал небольшой семейный архив Колмогоровых – Лухмановых, и это стало поводом рассказать о сложных, а подчас трагических судьбах предков. Несколько лет А.Г. Колмогоров

изучал семейные реликвии, погрузившись в перипетии бурной жизни забытой русской писательницы Надежды Лухмановой, ее мужей, детей, внуков . Работая в десятках архивов и музеев, автор провел увлекательнейшее историческое и биографическое исследование жизни своих многочисленных родственников.

Неистовая Надежда

В своей книге А.Г. Колмогоров делает упор на историю жизни главной героини – писательницы, переводчицы, драматурга и автора ярких публицистических произведений Надежды Александровны Лухмановой (в девичестве Байковой). Перед читателями предстает непростая писательская судьба, сложные отношения с четырьмя мужьями: Афанасием Лухмановым, Виктором Адамовичем, Александром Колмогоровым, Михаилом Гейслером; трагедия, связанная с рождением четырех незаконнорожденных детей – Дмитрия, Бориса, Марии и Григория. Ее судьба полна драматизма. Из-за неординарных поступков, которые сопровождали всю жизнь Надежды Александровны, ее называли «неистовая Надежда». Свой

последний отчаянный шаг она совершила незадолго до смерти, когда в возрасте 62 лет добилась разрешения отправиться на Русско-японскую войну корреспондентом Общества Красного Креста, «Петербургской газеты»,

харьковской газеты «Южный край», совмещая это с работой сестры милосердия. Так Надежда Лухманова стала одной из первых женщин – военных корреспондентов. Желающих было немало, но их просто не допустили до передовой, а Надежда Александровна попала на фронт лишь потому, что официально ехала на войну сестрой милосердия. За оказание помощи раненым под огнем противника Лухманову наградили золотой медалью на георгиевской ленте.

Честно Надежда Александровна отрабатывала и свой журналистский хлеб. Помимо прямых обязанностей сестры милосердия, она побывала в двух маньчжурских армиях и присылала потрясающие

репортажи с полей сражений: пятьдесят материалов с мест событий опубликовала газета «Южный край» и девяносто «Петербургская газета».

В одном из первых репортажей она пишет: «Почему я еду? Ужас ожидания неизбежности отнял бы у меня способность работать, изнылось бы мое сердце. Где уж тут писать статьи о вопросах гражданской жизни?! Один выход — бежать туда, где страдают, и там, исполняя обязанности матери, сестры, няньки, стряпухи, подкармливая и выхаживая раненых, забыть собственный страх и довести себя до такой покорности, когда вся молитва к Господу будет сосредоточена в одном вопле: "Да будет воля твоя!!!"».

Дневниковые записи Надежды Лухмановой, приведенные в книге «Мне доставшееся», дают полную картину того, в каких нечеловеческих условиях врачам и сестрам милосердия приходилось трудиться и помогать раненым. «23 мая. ...Первое общение с тяжелораненым. Он пытается говорить и просит образок на шею. Я сижу у него на кровати, вытираю платком пот с его лица, а за моими плечами уже дышит холодом смерть, давно вошед-

Надежда Александровна Лухманова

шая сюда и почему-то не решающаяся прекратить страдания своих жертв...».

В своем дневнике Надежда Александровна пишет, что 13 июня 1904 года она побывала в Хабаровске, куда привезли раненых с фронта и двинулись дальше в Никольск-Уссурийск и во Владивосток, где она прочитала лекцию «О положении военных лазаретов на Дальнем Востоке» и доклад «Русская женщина как гражданка, мать и сестра милосердия».

В октябре 1904 года в госпитале, где служила Надежда Александровна, произошла радостная и горькая встреча: ее второй сын Борис поступил сюда на излечение. Капитан Борис Викторович Адамович прошел Русско-японскую войну, служил в Маньчжурии до самого подписания Портсмутского мира. Позже генерал Адамович прославился как военный историк, организатор нескольких музеев, писатель. Не желая участвовать в Гражданской войне, он эмигрировал в Югославию, возглавив Русский кадетский корпус.

Писательский талант проявился уже в дневниковых записях, которые Борис Викторович вел во время войны. А. Колмогоров включил в свою книгу выдержки из полевых дневников капитана Бориса Адамовича. «Ужасная, тягостная ночь на 14 августа. Сопку со всех сторон окружил туман. Начался дождь, захлестнуло холодной водой, зазнобило от сырости. Об огнях, кострах и палатках не могло быть и речи... Мы лежали на камнях, кутаясь в накидки. Вода стекала ручьями, внизу в лощине нежданно заревела река... Не выдержав напора противника, 10-й армейский корпус с арьергардными боями отошел на Ляоянские позиции. И началось сражение...

...Далеко за горами вправо прогремели выстрелы, но гул этого первого залпа не оборвался, как бывало прежде, а слился с новыми ударами и раскатами. Отдавало ли эхо в горах, врывались ли новые батареи в общий страшный хор, только грохот и раскаты росли, сглаживали для уха представление о стрельбе орудий и отдельных батарей и сливались в какой-то потрясающе-кипящий взрывами гудящий рокот... Без устали, без минуты

вздоха эта ужасная канонада ревела, стонала, злилась, скрежетала, сея разрушение, гибель и смерть... Две силы бросались глыбами чугуна, свинца и стали...»

Надежда Александровна пробыла на Русско-японской войне до самого конца. Выехав из Петербурга 14 апреля 1904 года, она вернулась в родной город лишь 30 марта 1906 года. После подписания в Портсмуте мирного договора она, несмотря на возраст, усталость и неважное здоровье, добилась у командующего Дальневосточными войсками Н.П. Линевича разрешения на поездку в Японию на одном из транспортов, вывозивших раненых русских пленных. Через Владивосток Надежда Алек-

сандровна попала в Японию и пробыла там четыре месяца, пытаясь разобраться, почему маленькая Япония смогла выиграть у огромной Российской империи эту войну.

Оттуда, из страны-победительницы, она будет писать о причинах поражения России. Прежде всего она обращает внимание на отношение японцев к своим детям, логично считая, что успех противника заключается в какойто особенной и очень эффективной системе воспитания патриотизма не только будущих воинов, но и всей нации. Она вспоминает слова А.Н. Куропаткина, высказанные ей при аудиенции: «...Здесь не Россия сражается с Японией, а только русское воинство с целой страной!..».

В заметках о Японии Надежда Александровна пишет: «Конечно, большую часть моего времени и самое напряженное внимание в этой стране я отдала школам. Где же еще, как не в этом зерне всей гражданской жизни, было искать объяснение того необыкновенного подъёма духа и яркого проявления патриотизма, которые так сильно поражали нас в японцах за время последней войны.

Начальное образование в Японии поставлено удивительно хорошо. Уже то, что дети бегут на занятия как на праздник, доказывает, что для них учебное заведение есть второй отчий дом. В основе всего их воспитания лежит развитие патриотизма — чувства любви к Родине, уважения к ее законам, полное знание истории страны, в которой ярко отмечаются все славное, все имена героев. Большое внимание обращено на иностранные языки, в особенности английский, на гимнастику, танцы, словом, на все, что может развить не только ум, но ловкость и физические силы ребенка.

Костюмы детей мало разнятся по качеству ма-

териала и однотипны в покрое. Даже маленькая принцесса крови Кайономия, которую я видела в одной из школ, и та на вид решительно ничем не отличалась от своих подруг. Директор рассказал мне, что когда по праздникам ученики приходят навестить его и поздравить, то только тогда проявляется громадная сословная разница по цене и качеству материи и украшений на них. Но даже и в этом случае учителя стараются советом сдерживать в подростках всякое щегольство. «Школа равняет все недостатки и выделяет только сокровища ума и души» это аксиома!

Религия в школах не преподается совсем. Она заменяется сознанием разума, включающим три основных понятия: почитание умерших предков и старание поддержать покой их душ честными и добрыми делами; любовь к Родине, готовность отдать за ее процветание и славу свою жизнь и имущество; развитие в себе трудолюбия, честности и довольства своим положением.

Вот качества, которыми японская школа в корне отличается от всякой европейской. Из всего взятого ими от Европы они учатся извлекать максимальную пользу, как сок из плода. Новое и необычное умело используется, но вовсе не ассимилируется в их жизни. Японец всегда остается самим собой, как высоко он ни был бы цивилизован».

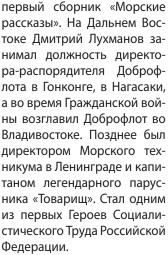
«Вот чем силен и непобедим этот народ – своей страстной привязанностью к земле, морю, солнцу, обычаям, могилам предков, храмам и... правительству!!!».

Вернувшись из Японии, Надежда Александровна Лухманова прожила недолго и тихо скончалась в Ялте в воскресенье 25 марта 1907 года на 66-м году жизни. Вызванный телеграммой сын Дмитрий в живых ее уже не застал.

Жизнь моряка

О старшем сыне Н.А. Лухмановой Дмитрии Афанасьевиче Лухманове особый разговор. Какое-то время он носил имя и фамилию отца и звался Дмитрий Викторович Адамович. Но в истории остался как капитан дальнего плавания Дмитрий Афанасьевич Лухманов. Он объехал весь земной шар, плавал на Амуре, на Волге, на Каспии, по Черному морю на паруснике. Стал писать книги,

> и в 1903 году в свет вышел первый сборник «Морские рассказы». На Дальнем Востоке Дмитрий Лухманов занимал должность директора-распорядителя Доброфлота в Гонконге, в Нагасаки, а во время Гражданской войны возглавил Доброфлот во Владивостоке. Позднее был директором Морского техникума в Ленинграде и капитаном легендарного парусника «Товарищ». Стал одним из первых Героев Социалистического Труда Российской

Дальневосточная история Дмитрия Лухманова началась с возникновения в 1895 году нового Амурского общества пароходства и торговли, которое предполагало открытие линий с Николаевском-на-Амуре, Владивостоком, Нагасаки и Шанхаем. Дмитрия Лухманова пригласили на должность капитана. Во второй половине мая 1895 года он отправился на Дальний Восток, оставив в Астраханском порту, где тогда служил, жену с двумя малолетними детьми - дочерью Ниной и сыном Борисом, будущим лоцманом шанхайского порта.

Амурский период жизни Дмитрия Афанасьевича на приграничных с Китаем и Маньчжурией реках растянулся на долгие шесть лет. Служба на Амуре оказалось очень непростой. Все перипетии работы в Амурском обществе пароходства и торговли подробно описаны в его книжке «На капитанском мостике», вышедшей в Хабаровске в 1941 году. В этой небольшой, давно ставшей редкостью книге особый интерес представляют характеристики некоторых людей, с которыми Лухманову довелось общаться во время экспедиций по Амуру и Сунгари, – купца Тифонтая, фотографа Э. Нино, барона Будберга, И. Надарова, А. Сильницкого и других.

В феврале 1897 года штаб Приамурского военного округа ввиду предстоящего образования Амурско-Уссурийской казачьей флотилии предложил Д.А. Лухманову принять (по личному указанию командующего генерал-лейтенанта С.М. Духовского) должность ее командира и капитана одного из новых колесных пароходов «Атаман» с окладом 250 рублей в месяц. Дмитрий Афанасьевич согласился и прослужил до середины февраля 1901 года, побывав на своем судне во всех казачьих станицах от Нерчинска до устья Амура и заслу-

Д.А. Лухманов. 1938

жив благодарность нового командующего округом генерал-лейтенанта Н.И. Гродекова и орден Святого Станислава III степени.

Пароход «Атаман» предназначался главным образом для поездок приамурских генерал-губернаторов – сначала С.М. Духовского, а потом Н.И. Гродекова со свитой, и в этом заключалась особая сложность. Вначале

Д. Лухманову пришлось столкнуться с недоверием, он испытал неправедный гнев и вспышки самодурства начальства. Учитывая время, когда Д. Лухманов писал свои воспоминания о службе на Амуре, становится понятно его негативное отношение и к окружению генерал-губернаторов, и к самим высоким начальникам. Вот как он характеризует их в книге «Жизнь моряка»: «Духовской был переведен на должность туркестанского генерал-губернатора,

а его место занял его заместитель - генерал-лейтенант Николай Иванович Гродеков. Гродеков был тоже «скобелевец», тоже георгиевский кавалер и тоже самодур, но в другом роде и из другого теста. Духовской был типичный гвардейский «пижон», достигший высокого чина и положения не столько благодаря личным достоинствам, сколько благодаря петербургским связям супруги, урожденной княжны Голицыной. Гродеков был из «бурбонов», создавших себе карьеру упорным трудом и службой. В

то время как Духовской «проскочил» Академию Генерального штаба, Гродеков прошел ее курс основательно и даже написал ряд трудов по тактике. У Скобелева он прославился как неутомимый исследователь среднеазиатских степей, как пунктуальный исполнитель самых трудных и рискованных поручений и как жестокий усмиритель непокорных туркмен, узбеков и других «инородцев».

Это был старый холостяк, службист с претензией на военную ученость, вел скромный образ жизни, ничего не пил и не курил. Он никогда не горячился и не нервничал, носил мягкие сапоги на низких каблуках, говорил никогда не повышая голоса и имел привычку потирать руки. Он был небольшого роста, плотный, совершенно лысый, с острыми темными глазами под почти черными густыми бровями, носил золотые очки и подстриженные на восточный манер полуседые усы и бородку. Духовской пугал окружающих, «тихий» Гродеков был страшен. Он мог спокойно, не повышая голоса, сказать «расстрелять», и ничто не заставило бы его отменить раз данное распоряжение».

Лухманов с некоторым сарказмом отмечал, что Н.И. Гродеков любил устраивать различного рода проверки и не доверял никому из своего окружения. Даже категорический запрет генерал-губернатора использовать солдат не только для личных услуг офицеров, но и для хозяйственных работ в воинских частях вызывает у автора книги недоумение.

ПАЛУБЕ

ДМИТРИЙ ЛУХМАНОВ

огиз - дальгиз - 1841

OKEAHDI

вооружение

ПАРУСНО-МОТОРНЫХ

СУДОВ

ПРИРОДА

После событий Боксерского восстания 1900 года, в которых Д.А. Лухманову тоже пришлось участвовать, он оставил службу на «Атамане» и устроился временным помощником

капитана на отплывающее к Черному морю судно, чтобы оттуда добраться до Петербурга, повидаться с матерью.

Лухманов пишет: «Я уезжал до весны, но случилось так, что вернулся на Дальний Восток, и то не на Амур, а к его морским берегам, только много лет спустя. Годы Октябрьской революции застали меня на посту главного агента Добровольного флота в Японии».

В 1920 году в занятом японскими интервентами Владивостоке, Д.А. Лухманов возглавил Доброфлот, и благодаря его неутомимой энергии 16 морских пароходов бывшего Добровольного флота не удалось угнать в Черное море в распоряжение Врангеля. Сохраненные суда послужили основой советского тихоокеанского транспорта Наркомвода. За эту работу и ряд научных тру-

Корабль «Капитан Лухманов»

Трагические страницы

Судьба Николая Дмитриевича Лухманова – внука Надежды Александровны Лухмановой и сына Дмитрия Афансьевича от второго брака - тоже тесно связана с Дальним Востоком. Он закончил английскую спецшколу в Нагасаки, когда отец служил там морским агентом Доброфлота, хорошо знал французский, английский, немецкий, китайский, японский языки и поэтому в 1922 году в Москве легко поступил на восточный факультет Военной академии РККА. Окончив академию в 20 лет, стал работать в МИД, а с апреля 1925 года его назначили переводчиком советского консульства в Хакодате, и он принимал участие в переговорах по возвращению СССР захваченного японцами в 1920 году Северного Сахалина. Талант переводчика Николая Лухманова был замечен начальником первой советской разведки Берзиным, и в качестве сотрудника ГРУ он был отправлен в 1929 году в разведотдел штаба Сибирского военного округа, который находился во Владивостоке.

В это время на Дальнем Востоке разгорался кон-

фликт на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), Николай Лухманов оказался в самой гуще событий. Для отпора надвигающейся агрессии Китая и защиты дальневосточных границ была создана Особая Дальневосточная армия (позже Краснознаменная) – ОКДВА, усилиями которой удалось завершить военные действия и подписать Хабаровский протокол, положивший конец конфликту. По итогам успешного завершения военных действий на КВЖД младшего командира Николая Лухманова наградили нагрудным знаком с надписью: «Бойцу ОКДВА. ОСОАВИАХИМ».

С января 1930 года Николай Лухманов служил военным переводчиком штаба ар-

мии, преподавал на курсах переводчиков при разведотделе, написал книгу «Справочник командира ОКДВА по японскому языку», изданную в Хабаровске в 1934 году. Но внутренняя ситуация в стране становилась все более напряженной. Один за другим проходили московские процессы, разоблачавшие врагов народа. Потом добрались и до военных. Начались аресты среди офицеров ОКДВА.

Видимо, почувствовав неладное, Николай Лухманов в 1937 году отправился с семьей на весь июль в отпуск. На обратном пути навестил родных в Севастополе, заехал в Симферополь и оставил у бабушки семилетнего сына Диму, а потом вернулся с женой в Хабаровск. Вскоре его арестовали на служебной квартире, назвав участником троцкистской японо-шпионской организации. Копию протокола обыска вручили его супруге М.С. Горелик (Лухмановой), тоже работавшей военным переводчиком в штабе ОКДВА. Было очевидно, что ей, как жене врага народа, уготованы годы лагерей, а ее единственному ребенку – детский дом, и она спешно уехала из Хабаровска.

На долю арестованного Николая Лухманова выпали все страшные испытания и пытки, которые применялись в то время, чтобы добиться у подследственных однозначного признания. Николай «признался» палачам в том, что он был членом военно-троцкистской организа-

ции, участником фашистского заговора в ОКДВА и японским шпионом-резидентом в штабе армии. И хотя на суде он отказался от своих слов и отрицал все обвинения, судьям понадобилось всего 15 минут, чтобы решить его судьбу: лишить звания капитана и приговорить к расстрелу. В архивах сохранился акт о приведение в исполнение высшей меры наказания. Только в 1956 году приговор в отношении Н.Д. Лухманова от 11.09.1938 был отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Арест Николая ударил и по всей семье Дмитрия Афанасьевича Лухманова. В застенки НКВД попали и он, и его третья жена О.М. Ошанина, и сын В. Ошанин. Та же участь не обошла дочь Ксению и ее мужа капитан-лейтенанта Гольдберга, служившего на Дальнем Востоке. Больше десяти месяцев Дмитрия Афанасьевича мучили, били по ногам ремнями. И только благодаря тому, что в это время был снят с должности Ежов и его место занял Берия, наступило временное послабление, из тюрем выпустили несколько тысяч человек, которых еще не успели осудить, в их числе была и вся семья Дмитрия Афанасьевича Лухма-

нова. Дела прекратили, судимость сняли, отпустили из-под стражи. Кроме Николая, которого к этому времени уже расстреляли...

После освобождения Дмитрий Афанасьевич продолжал работать. Трудился в Министерстве морского флота капитаном-навигатором до самой смерти в 1946 году...

В книге Александра Григорьевича Колмогорова «Мне доставшееся: семейные хроники Надежды Лухмановой» еще очень много героев и судеб. Из рассказов о жизни, полной приключений, страстей, горестей и радостей многочисленных потомков Надежды Лухмановой, складывается сложная и пестрая мозаика. В этой семье было много ярких личностей, таких, на-

пример, как сводный брат Дмитрия Афанасьевича Лухманова Георгий Адамович и его сестра Татьяна. Георгий известен как поэт Серебряного века, член гумилевского «Цеха поэтов», крупнейший литературный критик русского зарубежья и создатель литературной школы «Парижская нота», а Татьяны Адамович (Высоцкая) – выпускница Смольного и Института ритмической гимнастики, руководила собственной балетной школой в Петрограде, дружила с Анной Ахматовой и была музой Николая Гумилева. Но в этой статье хотелось рассказать лишь о тех предках А. Колмогорова, чьи судьбы в разные периоды истории были связаны с Дальним Востоком.

Источники:

IV OTAEA IIITAEA OKABA

СПРАВОЧНИК

номандира ОКДВА

японскому языку

- 1. Колмогоров, А. Мне доставшееся: семейные хроники Надежды Лухмановой / Александр Лухманов. Москва: АГРАФ, 2013. 360 с.
- 2. Левицкая, Т.В. Творческий путь Н. А. Лухмановой (1841–1907): автореф. дис... канд. филолог. наук. / Т. В. Левицкая. – Москва, 2019. – 40 с.
- 3. Лухманов, Д. Жизнь моряка / Д. Лухманов. Ленинград: Лениздат, 1985. – 511 с.
- 4. Лухманов, Д. На капитанском мостике / Д. Лухманов. Хабаровск: ОГИЗ: Дальневост. гос. изд-во, 1941. 160 с.
- 5. Лухманов, Д. На палубе: из воспоминаний / Д. Лухманов. Москва: Совет. писатель, 1938. 250 с.
- 6. Тончу, Е. Женщина и литература. Т. 1 / Елена Тончу. Москва: Изд. Дом ТОНЧУ. – 679 с.: ил.

Ключевая фигура

Российская линия жизни купца Тифонтая

Мария БУРИЛОВА

Я буду считать за большое счастье и честь быть гражданином Русского государства. Николай Тифонтай

Много лет я занималась поиском информации о хабаровском купце Н.И. Тифонтае, и небезуспешно. В книге «Общество старого Хабаровска» в главе «Иностранцы» рассказала о его деятельности, личной жизни и потомках, которых удалось разыскать в 1990-е годы в Москве. После выхода книги мне позвонили потомки Н.И. Тифонтая из Новосибирска, потом из Бийска Алтайского края. Оказалось, они представляют русскую ветвы по линии хабаровской жены купца — Евдокии Николаевны Боровской. Но о женах Тифонтая чуть позже, а сначала попытаюсь представить личность этого интересного человека с его убеждениями и принципами.

Дальний Восток в конце XIX века привлек внимание многих предприимчивых людей, которые надеялись здесь разбогатеть. Но даже на их фоне фигура китайского подданного Тифонтая, поселившегося в Хабаровке в 1873 году, заметно выделялась. Тифонтай начал свою коммерческую деятельность с мелкой торговли, постепенно расширяя объемы продаж, приобретал недвижимость, развивал производство, тем самым увеличивая свое состояние. Успехи купца во многом объяснялись его личными качествами: и в жизни, и в бизнесе он был честен, открыт и надежен. Однако в русской исторической и художественной литературе он нередко фигурирует как китайский, «маньчжурский» или японский шпион. В китайской историографии Цзи Фэнтай предстает как «предатель» и «изменник» с «китайской внешностью и русским сердцем». Без сомнения, главной причиной такого отношения китайцев к Тифонтаю послужили обстоятельства подписания в 1886 году Хабаровского протокола, зафиксировавшего установление каменного пограничного столба с литерой Е.

По этому поводу известно немало публикаций. Российские авторы утверждают, что новый каменный пограничный столб был просто установлен на месте старого сгнившего деревянного. По версии китайцев, сообщает кандидат исторических наук А.И. Петров, старый деревянный столб исчез, а взамен его русские изготовили новый, который подкинули на другое место «в нескольких десятках ли от устья Уссури». В ходе подписания документов Тифонтай исполнял обязанности переводчи-

Н.И. Тифонтай – хабаровский купец 1-й гильдии. 1909

ка, но, по мнению китайских историков, именно он стал «ключевой фигурой, представлявшей цинское правительство в ходе замены данного пограничного столба». Связано это с тем, что делегация, состоявшая из чиновников, ведавших военно-политическими вопросами, не владела обстановкой и не знала первоначального расположения столба. Поэтому «русская сторона подкупила изменника родины хабаровского купца Цзи Фэн-тая», который помог доказать, что столб лежал на старом месте – на левом берегу Уссури выше станицы Казакевичевой. Возникает вопрос, как Тифонтай мог быть «ключевой фигурой, представляющей цинское правительство», если он уже столько лет жил в России и даже подал прошение о желании стать ее подданным?

Согласно китайским источникам, Цзи Фэнтай – выходец из уезда Хуансянь провинции Шаньдун. Сведений о его родителях и социальном положении нет. Он прибыл в Хабаровку с первой партией китайских рабочих, которых нанимали для строительства военных казарм. Здесь Тифонтай выучил русский язык и подрабатывал перевод-

чиком в администрации Приморской области, в Амурской инженерной дистанции. Одним из первых результатов его деятельности стало решение общего собрания китайских подданных, которое состоялось в полицейском управлении Хабаровки осенью 1880 года. Единогласно Цзи Фэн-тая избрали старшиной, которому обязаны были подчиняться все подданные Китая. В обязанности старшины входило следующее: руководить ими, следить за их поведением, вести между ними разбирательства, а также доводить все эти сведения до полиции. Решение собрания представили на утверждение военному губернатору Приморской области. Подписи 33 китайцев на русский язык переводил Тифонтай. В этом документе впервые появилось привычное для нас имя «Тифонтай». До конца жизни он не изменял его написания.

Тифонтай имел твердый характер и хорошо понимал людей. Администрация Приамурского края знала и уважала купца, который всегда помогал своим соотечественникам как только мог. Вот исторический эпизод, связанный с поисками убийц сыновей купца К.А. Купера в 1882 году в заливе Пластун. Когда пятерых китайских подданных, обвиняемых в убийстве, доставили в Хабаровку, ее «старожил... Тифонтай» заявил, что «знает четверых и согласен взять их на поруки». В конце концов выяснилось, что дерзкое преступление совершили не они.

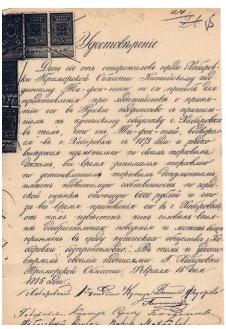
В 1885 году Тифонтай принимает решение стать подданным России и подает прошение на имя губернатора Приморской области генералмайора И.Г. Баранова. Получив российское подданство, он пожелал быть причисленным к купеческому обществу Хабаровки. К прошению

Тифонтай приложил паспорт, выданный ему в Нагасаки китайским посланником в 1880 году. Неизвестно, почему Тифонтай получал паспорт, на котором стояла виза российского консульства, в Нагасаки. Может быть, это както связано с его японской женой Ино или с тем, что такой документ давал право свободно перемещаться по миру для ведения бизнеса. Хотя, по официальному свидетельству местных купцов, Тифонтай почти постоянно проживал в Хабаровке, изредка выезжая во Владивосток и Маньчжурию.

К моменту подачи прошения Тифонтай прожил в России уже более пяти лет. Это был необходимый срок для

Прошение на имя приамурского генералгубернатора от временного хабаровского купца 2-й гильдии китайского подданного Тифонтая. 1891

Удостоверение от старожилов Хабаровки китайскому подданному Ти-фон-таю. 1885

получения российского подданства. Однако обрести желаемое купец не смог, так как подтвердить факт проживания можно было только с помощью свидетельства о водворении. У Тифонтая такого документа не было. Кроме того, требовалось принять православие, обрезать косу, отказаться от национальной одежды.

Второе его прошение было датировано 1891 годом, когда наследник престола цесаревич Николай посетил Дальний Восток. Во Владивостоке во время прогулки он случайно зашел в мастерскую Тифонтая и в разговоре обнаружил, что китаец очень хорошо говорит порусски. Цесаревич попросил помочь ему купить пушнину. Тифонтай тут же предложил пройти к его другу, который занимался продажей меха. Они пришли на место, и престолонаследник убедился, что товар ему предлагают высокого качества и по справедливой цене. Правда, совершить покупку цесаревич не смог, так как отправился на прогулку без денег. От предложения Тифонтая взять деньги взаймы отказался и распорядился доставить покупку на следующий день. По указанному адресу в назначенное время отправился сам Тифонтай. Уже на месте узнал, что имеет дело с наследником российского престола. Цесаревич сказал Тифонтаю: «Сегодня ты стал моим другом, а как насчет того, если я дам тебе должность?» Китаец дипломатично отказался.

В своем втором прошении о принятии в русское подданство Тифонтай писал: «Я выехал из пределов Китая еще молодым человеком и, не имея там никого из близких и родных, совершенно отвык от жизни и обычаев своей прежней родины, и у меня решительно нет ника-

ких связывающих обстоятельств с нею. Напротив, мое имущественное положение и мои занятия связывают меня всецело с Российской империей, ставшей мне второй родиной и оставлять которую по доброй воле я никогда не желал бы. При таких обстоятельствах оставаться подданным Китайской империи нет ни цели, ни желания. Напротив, я буду считать для себя за большое счастье и честь быть гражданином Русского государства». Из этого отрывка видно, что мотивы Тифонтая были вполне серьезными и осмысленными.

Церемония приведения Тифонтая к присяге и принятие им российского подданства и русского имени Нико-

лай Иванович состоялась 18 декабря 1893 года — через 20 лет после переселения в пределы России и через 8 лет после подачи первого прошения о принятии в русское подданство. Купцу выдали свидетельство, согласно которому Тифонтай объявлялся подданным Российской империи. Об этом событии сообщала газета «Приамурские ведомости». В 1895 году на заседании Приморского областного правления в Хабаровске приняли решение о переводе Тифонтая в купцы 1-й гильдии. Это говорило как о возросшем авторитете китайского купца, так и о размерах его капитала, размахе предпринимательской деятельности.

Очень успешно Тифонтай вел торговлю в бассейне р. Сунгари. Совместно с хабаровским купцом С.Я. Богдановым владел пароходом «Силач», на котором свободно передвигался по реке, устанавливая торговые связи Приамурья с Маньчжурией и доставляя зерно и скот в Хабаровку. Предприятия Тифонтая были разбросаны по всему Дальнему Востоку. Немалый доход приносили паровые вальцовые каменные мельницы, построенные в Хабаровске, Харбине, на Квантунском полуострове. Прибыльными стали макаронная и табачная фабрики, пивоваренный завод, электростанция, литейная и механическая мастерские, обслуживающие заведенное им пароходство. Два кирпичных завода Тифонтая с общим числом работающих 50 человек производили до 900 тысяч штук кирпича в год. Было у Тифонтая и две каменоломни – «Корфовская» и «Краснореченская». В Порт-Артуре он владел винокуренным заводом, театром, цирком, кабаками и ресторанами. В общей сложности ему принадлежали 50 каменных домов.

В 1901 году Н.И. Тифонтай совместно с китайским подданным В.Н. Ехоалиным и тремя вкладчиками создал торговый дом «Тифонтай и К°» с основным капиталом 200 тысяч рублей. Статистические данные по Хабаровску за 1907 год называют цифры этого торгового дома – 1,2 миллиона рублей. Владимир Николаевич Ехоалин (в некоторых документах архива РГИА ДВ Еохалин, Ехаолин, Юхалин) с 1895 года был доверенным лицом Тифонтая. В профессиональной сфере «отличался знанием дела и ревностным выполнением возложенных на него обязанностей». Сотрудничество с известным хабаровским купцом оказалось для него плодотворным. В 1908 году В.Н. Ехоалина удостоили звания потомственного почетного гражданина за услуги, оказанные им во время военных действий при защите крепости Порт-Артур в Русско-японскую войну. Можно предположить, что это была серьезная финансовая поддержка Российского государства, которое нуждалось в поставках на фронт продуктов, медикаментов и прочих необходимых вещей, поскольку в документах не обнаружено, как именно проявил себя В.Н. Ехоалин.

Необходимо заметить, что за всю историю дореволюционного Хабаровска приказчик Тифонтая – В.Н. Ехоалин стал единственным потомственным почетным гражданином китайского происхождения. Справедливости ради хочется сказать, что не он, а сам Н.И. Тифонтай заслуживал звания почетного гражданина Хабаровска, в чем убеждают его торговый талант, дела общественные и личное мужество.

Большие доходы давали Тифонтаю возможность выделять немалые средства на общественные и благотвори-

Н.И. Тифонтай и В.Н. Ехоалин

Кирпичный завод Тифонтая

Китайская каменная кумирня, построенная в 1887 г. на средства Тифонтая. Здание стояло почти над самым обрывом на территории предприятия «Амур-трейдинг» за Домом радио

Паровая вальцовая мельница Тифонтая, 1902 г. Хабаровск, ул. Советская, 3 (бывшая Лесопильная). Сгорела в 2008

РОСЧЕРКИ СУДЬБЫ

Тифонтай с детьми – Владимиром и Верой

Жена Тифонтая Ино с детьми

Н.И. Тифонтай с женой Ян-ун-цзы

тельные дела. В Хабаровске – на возведение кумирни, покупку предметов буддийского культа, постройку детского приюта, пристройку читального зала для Николаевской публичной библиотеки, на музей и постройку телятника. В 1895 году на общем годовом собрании Хабаровского отдела Российского Общества Красного Креста при подведении итогов сбора пожертвований на первом месте оказалась кружка Успенского собора, а на втором – кружка магазина Тифонтая. К началу XX века Тифонтай был награжден тремя российскими медалями, в том числе за заслуги по ведомству православного вероисповедания.

Возникает вопрос: а принял ли сам Тифонтай православие? Ответ на него можно найти в докладе Н.И. Гродекова на имя министра внутренних дел: «Некоторые китайцы, не желая сами менять религии и национальной одежды, воспитывают в духе христианской веры своих детей. Принятый в русское подданство китаец, хабаровский купец Тифонтай, остался буддистом и носит китайское платье. Но сын и дочь его крещены по православному обряду и воспитываются в Европейской России». Выходит, для Тифонтая сделали исключение и приняли в русское подданство без перехода в православие.

В Русско-японскую войну 1904—1905 годов Тифонтай занимался снабжением русских войск. Не было таких изделий или продукции, необходимых российским войскам, которые бы он не раздобыл. Более того, он снарядил за свой счет конный партизанский отряд из 500 человек. Вот что писал Тифонтай генерал-майору В.А. Орановскому: «...для вооружения отряда я прошу выдать под мою личную ответственность 400 штук трехлинейных винтовок с необходимым количеством патронов... Жалованье людям, содержание их, а также лошадей я, Тифонтай, даю пока из своих личных средств в продолжение трех месяцев...» Предложение купца было поистине уникальным.

Японский генерал однажды сказал: «Захватить Тифонтая – все равно, что выиграть сражение». За поимку купца японское командование назначило вознаграждение. По свидетельству современников, в то время Тифонтай ни разу не спал две ночи подряд в одном месте. Вот как описывает свою первую встречу с Тифонтаем русский офицер В. Немирович-Данченко: «Я хорошо помню жаркий маньчжурский день. Я ехал на боевые позиции... Навстречу мне толпа наших солдат, а в ней толстый, в голубом шелку, благополучный китаец. Меня удивило его отношение к солдатам. Каждый русский шел к нему как к испытанному другу. Чуть что – все к нему. Из всякой беды вызволит».

Вместе с тем в ходе войны фирма Тифонтая понесла огромные материальные потери. Как выразился один автор, с русскими Тифонтай создал себе громадное состояние, с ними же и разорился... Вчерашний миллионер нуждался во всем и нигде не находил себе поддержки. В. Немирович-Данченко отмечал: «Мы уплачивали баснословные убытки другим и нисколько не стеснялись гонять прочь влюбленного в Россию Тифонтая...» После войны Тифонтай попытался возместить свои убытки, писал в различные инстанции, но безрезультатно.

В 1907 году у купца возникли многочисленные проблемы и конфликты с кредиторами и подрядчиками, с которыми он работал во время войны. По их инициативе в Хабаровске была создана «Администрация по делам

торгового дома Тифонтай и К°», которая самостоятельно обратилась к правительству за содействием. По утвержденному императором положению Совета Министров от 12 августа 1908 года Тифонтаю выдали «заимообразное воспособление от казны» в размере 500 тысяч рублей. Когда же по получении правительственной ссуды Тифонтай обратился к администрации с просьбой дать ему сведения, как ведутся дела, то администрация решительно отказала ему в этом. Владельцу фирмы не показали даже торговые книги.

Тифонтаю ничего не оставалось делать, как поехать в Санкт-Петербург, где он надеялся добиться возмещения своих убытков. Но не помогли ни письма, ни обращения в самые высокие инстанции, ни поддержка генерал-губернатора Приамурья П.Ф. Унтербергера. Николай Иванович не смог пережить случившееся – он скончался в Санкт-Петербурге в 1910 году. О смерти купца Тифонтая сообщила газета «Приамурские ведомости». Свой прах он завещал увезти в Китай. С Николаевского вокзала города на Неве российский подданный Н.И. Тифонтай отправился в свой последний путь в Харбин.

О женах Тифонтая рассказывается в воспоминаниях супруги приамурского генерал-губернатора В.Ф. Духовской. От первой жены, китаянки, у него было много дочерей. Одна из них училась в Хабаровской женской гимназии. От второй, японки, родились сын Владимир Николаевич Тифонтай и дочь Вера, которая вышла замуж в Англии и там прожила всю жизнь. Владимир с 1899 года воспитывался в Гатчинском институте под фамилией Веденский. «Пусть он останется в Россией.», – сказал как-то Тифонтай.

Окончив институт, Владимир получил направление в Москву и работал инженером-строителем. В армии командовал полком, женился на русской девушке Александре Николаевне Беляевой. Так уж случилось, что он отбил ее у своего командира. У них родились три сына – Юрий, Кирилл и Владимир. Средний, Кирилл, погиб на фронте в Великую Отечественную войну. Внук Владимир, сын младшего, окончил Московский строительный институт, женился на москвичке Нине Кузьминичне. Дочь Наталья Владимировна, журналистка ИТАР, правнучка Н.И. Тифонтая, интересуясь своей родословной, не стала менять фамилию при замужестве. Постепенно китайская купеческая семья становилась русской. В 1950-е годы Владимира Владимировича Тифонтая приглашали в Китай по поводу наследства. Он отказался, так как было поставлено условие – поменять гражданство.

Потомки знаменитого купца и сейчас живут в столице. В 1990-е годы Наталья Владимировна охотно поделилась с Хабаровским музеем всей известной ей информацией, фотографиями, которые позволила переснять из семейных альбомов. А два подлинных портрета прадеда переслала по почте.

Второго сына Н.И. Тифонтаю родила Евдокия Боровская (1870–1954), русская женщина из Хабаровска, православная, неграмотная. Сына назвали Николай, фамилия его Тихолин (по-китайски Цзи Хэлин). По семейной легенде, Евдокия родила сына в 1903 году, почему-то в Китае, в провинции Ляонин. Тифонтай очень любил сына Николая, по-китайски Цзи Хэлина. По документам архи-

Владимир Николаевич Тифонтай с женой А.Н. Беляевой и сыном Кириллом. 1924

ва БРЭМ Евдокия Николаевна Боровская уехала в Харбин в 1928 году и возбудила ходатайство о переходе на эмигрантское состояние.

«Последней женой Тифонтая, предположительно, была Ян-ун-цзи, или Цзи Ян, певичка из Шанхая. Тифонтай выкупил ее за 5 000 лан», – пишет историк А.И. Петров. Отсюда можно предположить, что при замужестве она взяла фамилию мужа Ти (Цзи), т. е. по русскому обычаю. Неизвестно, почему «этот чужой ребенок» оказался у жены Цзи Ян, хотя он интересовал Ян постольку-поскольку: в то время она была еще молода. В завещании Тифонтай наказывал Ян «воспитать возможно лучше, вообще употребить все силы на него».

Николай Николаевич Тихолин вырос с матерью в Хабаровске, учился тоже здесь. В анкете (архив БРЭМ) дочери, русской эмигрантки Ти Веры Николаевны значится: «В 1917 году отец мой – Тихолин Н.Н. уехал в Харбин и поступил на службу КВЖД. В 1922 году отец уволился с железной дороги и уехал в Мукден, где служил преподавателем русского языка. В Мукдене Ти-хо-лин женился на русской эмигрантке – Колчевой Валентине Михайловне. Их дети – Ти Вера Николаевна и сын Тихолин (Колчев) Леонид Николаевич (носил фамилию матери). Потомков Тифонтая от сына Тихо-лина Н.Н. в Новосибирске, Бийске, Екатеринбурге живет немало. Только Вера Николаевна Ти имела 10 детей».

Так и вышло, что желание «русского китайца» Николая Ивановича Тифонтая исполнилось: его китайская семья постепенно стала русской.

От истоков

История приамурских сел в исследованиях дальневосточников

Марина БАЛАШОВА

Появление русских сел на карте Хабаровского края в конце XIX – начале XX века связано с переселенческим движением на Амур. Нелегким оказался труд первых крестьянских семей. Потом и слезами поливалась незнакомая суровая земля, которую им приходилось осваивать. Эти важные страницы истории отражает коллекция книг, сформировавшаяся в последние годы в краеведческих фондах Дальневосточной государственной научной библиотеки. Их авторами в большинстве своем выступают местные краеведы, ставшие в буквальном смысле летописцами своих территорий.

Краеведческие исследования созданы на основе архивных документов и статистических данных, биографиях героев и выдающихся земляков, воспоминаниях сельчан, семейных легендах, в них воспроизводятся интересные фотографии и важные документы. Тиражи таких книг, ко-

торые авторы нередко издают на свои средства, небольшие – от 5 до 500 экземпляров. Но это не только не уменьшает их ценности, а делает библиографическими редкостями.

Многие наверняка хорошо помнят серию «Стоят на Амуре русские села», изданную в 1970–80-е годы в Хабаров-

ском книжном издательстве. Опубликованные в них очерки дают представление о первых поселениях на Амуре, их истории и развитии. Автором предисловия к книге 1986 года издания стал известный дальневосточный писатель Н.Д. Наволочкин, который писал: «С давних пор живут в добром соседстве русские, нанайцы, ульчи, украинцы, нивхи, белорусы, удэгейцы. Живут в амурских селах. В середине прошлого века эта це-

почка станиц, деревенек, постов была долгое время и форпостом российского государства у пограничного рубежа, и первой обжитой полоской на просторах края». О том, как развивались эти территории, рассказывают книги, изданные уже в последние десятилетия.

В 2003 году событием в литературной жизни нашего края стала «Точка на

карте Родины», посвященная пограничному селу Казакевичево Хабаровского района. Территория, на которой оно расположено, имеет тысячелетнюю историю, однако ее русская летопись началась в середине XIX века с появлением переселенцев и основанием пограничного казачьего поста. Автор книги Наталья Федоровна Милушова долгое время работает библиотекарем в Казакевичево, занимается краеведением и вместе со школьниками делает очень много для сохранения истории своего села, создала на базе сельской библиотеки историко-краеведческий музей «Здесь России рубеж». На протяжении многих лет Наталья Федоровна записывала воспоминания односельчан, семейные легенды, а итогом серьезной поисковой работы стала книга. В предисловии она отмечает: «Каждое воспоминание исторически ценно и неповторимо еще и потому, что старожилов становится все меньше и меньше. То, что они вспомнили, заново пережили, останется на страницах книги. Потомки узнают о том, как жили деды, какие исторические события выстрадали ради будущих поколений». В своем исследовании Наталья Милушова публикует воспоминания старожилов, реконструирует жизнь казачьих семей, очерки о трагических событиях Гражданской войны, коллективизации, политиче-

ских репрессиях, лихолетье Великой Отечественной. «Точка на карте Родины» очень быстро нашла своего читателя, получила высокую оценку хабаровских краеведов и писателей, а в 2009 году переиздана с

дополнениями.

В книге «Мое село – моя судьба. История села Некрасовка» отражена история еще одного поселения Хабаровского района, которое сегодня динамично развивается. История его тоже связана с переселенческим движением на Амур, его первыми жителями стали переселенцы из Могилевской, Волынской, Киевской

губерний. Первое издание книги осуществлено в 2007 году, а второе, с дополнениями и большим количеством иллюстраций, увидело свет в 2014 году. Ее автор – Любовь Гурьевна Тюхтина, зоотехник, основавшая в свое время сельский музей. В основе ее исследования воспоминания отца, Гурия Манжулы, одного из первых жителей Некрасовки. Он рассказывал, что в годы Гражданской воны

в окрестностях села действовал партизанский отряд. Частенько в село наведывались каратели и японские интервенты, но сельчане надежно прикрывали партизан. В советское время Некрасовка была известна жи-

телям Хабаровска и близлежащих районов своими успешными животноводческими и птицеводческими хозяйствами. В 1970-е годы здесь широко развернулось жилищное строительство. «Для Некрасовки характерны прямолинейные асфальтированные улицы и 5–6-этажные дома городского типа. Крыши их венчают телевизионные антенны, а в домах полный набор бытового сервиса: ванны с душем, газ, холодильники... По асфальту шагает молодой, крепкий народ», – писали тогда об этом селе. Некрасовка, расположенная в 34 километрах от Хабаровска, производила впечатление благоустроенного и уютного пригорода. В издании 2014 года воспоминания и хронику событий дополняют рассказы и фотографии о современной жизни Некрасовки, и она предстает динамично развивающей-

ся, со своими успехами и проблемами, характерными для многих поселений.

На территории Хабаровского района находится Анастасьевка, основанная в 1909 году переселенцами из Белоруссии и Украины. Ей посвящена изданная в 2016 году книга «А жизнь продолжается», составленная библиотекарем Татьяной Ивановной Буглак. С Анастасьевкой связана большая часть ее жизни: много лет она работа-

ла председателем сельского поселения, возглавляла совхоз. Вместе с редактором Борисом Борисовичем Поляковым еще в 2009 году к 100-летию Анастасьевки подготовила брошюру «Золотой век села», а главными героями книги 2016 года стали сельчане. Рассказы о первых поселенцах – описания семейных династий Труш, Сошняниных, Подлесных, Савиловичей и других. Большое количество фактического материала, фотографий, документов

позволяет зримо воссоздать историю и развитие Анастасьевки через судьбы людей. Первый тираж книги, который Татьяна Ивановна осуществила на свои собственные средства, составил всего пять экземпляров.

Музейное издание «Вознесенское-на-Амуре: 1864–2014» (Амурск, 2015) посвящено селу, основанному в 1864 году переселенцами из Центральной России – Орловской, Тамбовской, Пермской губерний. Его подготовили сотрудники Амурского городского краеведческого музея. По архивным документам установлено, что Вознесенское является первым переселенческим и старейшим русским селом Амурского района. В книге использованы материалы краеведов Б.П. Фомина из Амурска, В.Г. Берсенёва и Н.Г. Поляковой из Комсомольска-на-Амуре. Этот сборник – итог поисково-исследовательской работы краеведов-любителей, чьи очерки дают представление об истории освоения Вознесенского переселенцами, о периоде Гражданской войны. Героем пронзительного очерка «Партизанский комиссар» стал Иван Иванович Шерый, погибший от рук карателей в 1919 году. Освещен период Великой Отечественной войны и особые события в жизни села. И, конечно, главные герои сборника – семьи первых переселенцев Берсенёвых, Пастуховых, Варовых, Шатохиных, Храпай и других. Авторами ряда очерков выступили представители этих семей. Дополняют издание фотографии села и портреты его жителей.

Книги «Утес» и «История села Калиновка» рассказывают о небольшом национальном поселении в Ульчском районе, где сегодня проживает чуть больше 150 человек. Считается, что Калиновка основана в 1928 году выходцами из окрестных стойбищ. Прежде здесь находился хутор братьев-латышей Яна и Карла Лодэ, которые, вероятно, обосновались в этих местах в начале XX века или даже рань-

ше. Предположительно братья приехали в эти места после Столыпинской реформы или же были потомками переселенцев из Прибалтики, прибывших на Дальний Восток еще в конце XIX века. Автором двух книг о Калиновке стал Алексей Кириллович Тумали, профессиональный врач, давно проживающий в другом регионе. Их тиражи небольшие, всего по 100 экземпляров. Обе они – дань памяти землякам и малой родине.

«Утес» был издан в Воронеже в 2012 году. Почему автор выбрал такое название? Дело в том, что село расположено на большом красивом утесе. Он возвышается над Амуром на 30 метров, с него открывается великолепный вид на реку, горы, тайгу. Книга представляет собой своеобразный фотоальбом жителей Калиновки (в него вошло почти 450

фотографий), в котором автор рассказывает о более 40 родах и семьях, издавна проживающих здесь. Как пишет сам Алексей Тумали в предисловии: «... материалом для альбома стали фотографии личного архива, снимки, предоставленные жителями села Калиновка во время полевых экспедиций за 2000–2009 гг.». Каждой семье посвящен биографический очерк, написанный по воспоминаниям автора, рассказам

родственников и жителей села, архивным источникам.

В 2013 году свет увидела книга «История села Калиновка», представляющая собой летопись с 1937 по 1945 год. Данные похозяйственных книг, протоколов исполкома Калиновского сельсовета дают представление о социально-экономическом укладе и развитии села, где в 1930е годы насчитывалось около 80 хозяйств. Его жители ловили рыбу, заготавливали лес, выращивали картофель и другие овощные культуры. Большой интерес представляют протоколы сельсовета, из которых можно узнать о насущных и жизненно важных проблемах села в 1930-40-е годы: ремонт школы, организация горячих завтраков для школьников, открытие избы-читальни, ликвидация неграмотности, благоустройство улиц, особенно после уборки урожая. Обе книги о Калиновке созданы автором на основе досконально изученного и тщательно переработанного архивного материала, который дополнен комментариями автора и его воспоминаниями об односельчанах.

В начале 2018 года энтузиасты-краеведы из поселка Хор провели в Дальневосточной государственной научной библиотеке презентацию книги «От истоков – к будущему». Ее публикация в 2017 году к 120-летию поселка стало поистине народным проектом: деньги собирали всем миром или, как сейчас говорят, методом краудфандинга, то есть «народного финансирования». Книга издана при поддержке правительства Хабаровского края, администрации и совета ветеранов Хорского городского поселения, на пожертвования местных предприятий и организаций, жителей поселка в рамках проекта «Гордость потомков – дороги отцов», реализованного Хабаровской региональной общественной организацией гражданских инициатив «Будильник» (п. Хор). Ее составителем стал Борис Константинович Кузнецов, почетный гражданин района им. Лазо, прошедший с 1966 по 2005 год на хорских гидролизном и биохимическом заводах путь от конструктора до директора. Примечательны слова главного редактора районной газеты «Наше время» Г.А. Сазоновой: «На первый взгляд все просто: есть архивные данные, старые фото и документы, газетные статьи, воспоминания земляков, бери все это и выстраивай какую-то понятную историю, двигайся потихоньку из прошлого в настоящее. Но на деле черновой материал будущей книги, охватывающий довольно продолжительный период в судьбе всего лишь одного дальневосточного поселка, месяц за месяцем обрастал датами, фактами, подробностями, житейскими историями. Сотни их поставили авторов перед сложным выбором: что брать в книгу, что выделить, как выстроить материал и как не упустить чего-то важного».

У Хора богатейшая история. Появлению этого самого крупного поселения в районе им. Лазо во многом поспособствовало строительство Уссурийской железной дороги. А началось все с временного поселения недалеко от подхода железнодорожной насыпи к берегу реки Хор. В 1897 году 15 семей переселенцев-казаков, прибывших из области войска Донского, основали неподалеку новый хутор. В советское время Хор был промышленным поселком, здесь действовали деревообрабатывающий, гидролизный, биохимический, кирпичный заводы. Ценность книги «От истоков – к будущему» в том, что все очерки и воспоминания о Хоре написаны самими жителями. Здесь много семейных историй о героях Великой Отечественной войны и труда, выдающихся земляках и простых жителях, которые своим трудом вносили достойный вклад в развитие поселка. Большое количество фотографий, отличное полиграфическое исполнение делают эту книгу подлинным украшением краеведческой коллекции книг о малой родине.

О селе Полетном, также расположенном на территории района им. Лазо, рассказывает книга «Листая страницы истории», изданная в 2019 году в Хабаровске при поддержке правительства Хабаровского края в рамках реализации проекта ТОС «Альянс». В первую очередь надо отметить, что она посвящена настоящим энтузиастам своего дела, заслуженным учителям и краеведам Федору Харитоновичу и Нине Евгеньевне Масловским, много лет проработавшим в полетненской средней школе и создавшим здесь замечательный краеведческий музей. Федор Харитонович в свое время занялся писательским трудом. Его книги «Уссурийский фазан», «Белоплечик», «Тайны муравьиного дома», «Джанго», «Встречи с подвигом»

хорошо известны читателям и хранятся в фондах нашей библиотеки.

Первая часть книги о Полетном посвящена Масловским: «Человек рождается, чтобы оставить свой след на этой земле. Кто-то оставляет маленькую растоптанную стёжку, кто-то – извилистую тропу. Федор Харитонович Масловский оставил после себя целый большак, широкую прямую дорогу, вдоль которой яркими образами высятся свидетели его огромной, насыщенной, интересной жизни, достойной памяти потомков на долгие годы». По воспоминаниям, документам, фотографиям Масловский воссоздал историю Полетного, но, к сожалению, не успел опубликовать свой труд. Главы книги – исторические очерки об освоении этих земель выходцами из Могилевской и Черниговской губерний, развитии села, периоде Гражданской войны и участниках Великой Отечественной. Вся жизнь Полетного представлена в виде рассказов и воспоминаний его жителей о тех или иных событиях – постройке сельской церкви и водяной мельницы, заготовке леса, ловле рыбы. Тексты дополнены большим количеством фотографий односельчан. Отдельная глава «А жизнь продолжается» рассказывает о сегодняшних днях Полетного. Книга «Листая страницы истории» – яркое свидетельство богатой истории этого приамурского села, с его самобытными традициями и насыщенной современной жизнью.

Конечно же, в данном обзоре представлены не все издания о селах Хабаровского края, хотя их и не так много в нашей коллекции. Но, несомненно, все эти книги объединяет любовь авторов к своей малой родине, желание воссоздать историю поселений, рассказать о людях нашего края. Очень точно выразился ученый и писатель Ю.С. Салин в предисловии к книге Н. Милушовой «Точка на карте Родины»: «...нужны такие книги обо всех селах, и пусть наша молодежь подражает своим собственным дедам и бабкам...»

Книги о селах Хабаровского края

- 1. А жизнь продолжается...: заселение Приамурья. Малая Родина : основание села Анастасьевка / авт.-сост. Т.И. Буглак ; [ред. Б.Б. Поляков] с. Анастасьевка : [б. и.], 2016. 261 с. : ил. Библиогр.: с. 260.
- 2. Вознесенское-на-Амуре 1864–2014: краевед. сб. : [к 150-летию села] / Амур. гор. краевед. музей; ред.-сост. Л.Ф. Синицына. Изд. 2-е, доп. Амурск: МКУК «Амурский городской краеведческий музей», 2015. 151 с.: ил.
- 3. Листая страницы истории: [история с. Полетное р-на им. Лазо: док., фот., очерки, воспоминания] / авт. идеи кн.: Ф.Х. Масловский, Н.Е. Масловская. Хабаровск: Изд-во ООО «Пресс-премьера», 2019. 284 с.
- 4. Милушова, Н.Ф. Точка на карте Родины: Казакевичево: [Хабар. р-н] / Н.Ф. Милушова. 2-е доп. изд. Хабаровск: Хабар. регион. отд-ние Союза писателей России: Посредник, 2009. 349, [2] с. : ил.
- 5. Милушова, Н.Ф. Точка на карте Родины: село Казакевичево / Н.Ф. Милушова; ред. Ю. С. Салин. Хабаровск: [б. и.], 2003. 169,[2] с.: ил. Библиогр.: с. 169–170. К 65-летию Хабар. края.
- 6. «Моё село моя судьба». История села Некрасовка, 1907–2007 г.г. : [Хабар. р-н] / [Л. Г. Тетюхина ; над кн. работали : А. С. Шержинская и др.]. Хабаровск : ХКМ, 2014. 237 с. : цв. ил., портр.
- 7. От истоков к будущему. Поселок Хор, 120 лет : [р-н им. Лазо] / [сост. Б. К. Кузнецов]. Хабаровск : Краев. тип., 2017. 202, [1] с. : ил., портр. 120-летию пос. Хор посвящается.
- 8. Стоят на Амуре русские села / сост. М. Шмакова, Э. Кандала. Хабаровск: Кн. изд-во, 1986. 256 с.
- 9. Тумали, А. К. История села Калиновка: по материалам Похозяйственных книг и Протоколов Калиновского сельского совета: [Ульч. р-н]. Воронеж: [6. и.], 2013. 207 с.: ил.
- 10. Тумали, А. К. Утес: фотоальбом жителей села Калиновка: [Ульч. р-н] / А. К. Тумали. Воронеж: [б. и.], 2012. 254. [1] с.: ил., карты, портр.
- 11. Тюхтина, Л. Г. Некрасовке 100 лет : 1907–2007 г. : [Хабар. р-н] / Л. Г. Тюхтина. [1-е изд.]. [Б. м.] : [б. и.], 2007. 287 с. : фот. Загл. обл.: Мое село моя судьба: история села Некрасовка.

Последняя литургия

Духовный путь старообрядческого священника Петра Изотова

Иван ШЕВНИН

Биография человека, причисленного по прошествии времени к историческим личностям, всегда рассматривается в контексте эпохи, в которую он жил и творил. Петр Федотович Изотов – третий старообрядческий священник, служивший в начале XX века в Хабаровске и его окрестностях. Он принадлежал к поколению переселенцев, приехавших в дальневосточную Россию из Румынии и обосновавшихся здесь на многие годы. Судьба о. Петра, как и многих священнослужителей того времени, оказалась трагической, но даже спустя многие десятилетия это имя не потускнело.

История «водворения»

Жанр биографии привлекает внимание исследователей несмотря на разнообразие мнений, взглядов, оценок и подходов. «Персональная история» стремится постичь жизнь отдельного человека во всей ее полноте. Изучение архивно-следственных дел из архива УФСБ РФ по Амурской области и Хабаровскому краю, материалов следственных дел и других ценных источников позволило восстановить многие факты из биографии старообрядческого священника Петра Изотова, а главное, воссоздать портрет эпохи, в которую оказалась вписана его судьба.

Петр Изотов родился 16 января 1869 г. в румынском селе Русская Слава Бобадакской волости Тульчанского уезда, здесь же получил домашнее религиозное образование. В 1907 г. старообрядческий епископ Славский Леонтий рукоположил его в священноиереи. Уже будучи священником Белокриницкой иерархии о. Петр Изотов принял решение уехать в Россию. В списках министерства внутренних дел от 8 декабря 1909 г. (№ 203) значится, что в Приамурье переселилась семья старообрядцев, жителей румынского с. Русская Слава, во главе с «духовным наставником» Петром Федотовым Изотовым (Феодот), 39 лет. С ним жена Пелагея Антиповна, 38 лет, и шестеро детей — семнадцатилетняя Параскева, девятилетний Поликарп, семилетний Аникита, пятилетний Матвей, трехлетняя Домника и годовалый Василий.

Нужно сказать, что освоение Амурской и Приморской областей наследниками протопопа Аввакума началось еще в 1860-е гг., и приезжали они преимущественно из сибирских регионов. Это движение поддерживалось

Старообрядческая икона святителя Николая Чудотворца

Главным управлением Восточной Сибири, впоследствии Приамурской администрацией. Генерал-губернаторы А.Н. Корф, С.М. Духовский, Н.И. Гродеков, П.Ф. Унтербергер высоко оценивали колонизационный потенциал старообрядцев. Правительство тоже не препятствовало привлечению значительного числа переселяющихся в далекий край, рассчитывая на экономию средств при переселении и обустройстве на новых местах неприхотливых староверов.

В начале XX в. хозяйственное освоение дальневосточного региона осуществлялось на основании утвержденных «Временных правил для образования переселенческих участков в Амурской и Приморской областях». Каждый член переселенческой семьи мужского пола вне зависимости от возраста получал 15-десятинный земельный надел. В 1908–1914 гг. реализовывался уникальный проект переселения на казенные земли российского Дальнего Востока зарубежных старообрядцев-липован из Австро-Венгрии, Румынии и Болгарии. Их возвращению на историческую родину способствовала провозглашенная в империи веротерпимость. Влиятельные старообрядческие сообщества России и видные деятели (П. Рябушинский, Д. Сироткин, Н. Бугров) оказывали помощь своим заграничным одноверцам. Роль посредника между правительственными структурами и заграничными общинами липован принадлежала Совету Всероссийских съездов старообрядцев Белокриницкой иерархии.

Следует отметить, что правом на переселение в азиатские пределы империи с последующим «водворением» на казенных землях прежде обладали исключительно российские подданные. Для липован сделали льготные условия: их принимали в российское подданство без соблюдения обязательного предварительного пятилетнего «водворения» на территории Российской империи, предусмотренного для иностранцев. В Совете министров полагали, что такое смягчение требований «находило бы себе полное оправдание в том, что они принимаются не в качестве иностранцев, но лиц, восстанавливающих лишь связь с прежним своим отечеством...». Однако старообрядцам накануне переселения предписывалось выполнить все обязательства по отношению к правительствам покидаемых стран и предоставить соответствующую подписку в российское министерство.

Осенью 1907 г. на территории Амурской области священником Дмитрием Смирновым было зачислено около 6 000 земельных долей для «водворения» до 2 000 семей российских и зарубежных старообрядцев. В 1908 г. ходоки из нескольких румынских сел проследовали в Приамурье для знакомства с условиями ведения хозяйства на этих землях. Для них переселенческое управление издавало брошюры с описанием маршрута следования, местных природных условий, сроков сельскохозяйственных работ, особенностей землеустройства. Актуальную информацию о переселении на Амур и принимаемых на этот счет российским правительством мерах старообрядцы находили также на страницах журнала «Церковь».

Старообрядцы из Австрии покидали обжитые места в слободах Белая Криница, Климовцы, Соколинцы и Лукавцы Буковинского герцогства. Румынские липоване перебирались в Россию из городов Пятра-Нямц, Брэила и Яссы, селений Русская Слава, Гиздарешты (Новое Село), Журиловка, Сарикёй, 23-я Миля, Старая Килия, Магмудия, Свистовка, Каменка, Переправа. Болгарские староверы приезжали из Татарицы. Фамилии Романовых, Сергеевых, Афанасьевых, Кондорович, Михайловых, Васильевых, Тимофеевых типичны для австрийских липован. Среди румынских переселенцев были распространены фамилии Цукановых, Егоровых, Федоровых, Захаровых, Кононовых, Петровых, Авдеевых, Осиповых, Ласточкиных.

Абсолютное большинство зарубежных старообрядцев не располагали значительными суммами, при этом немалые средства приходилось расходовать в пути. На проезд по железной дороге от границы до Сретенска (Забайкальская область), занимавший около месяца, одному взрослому переселенцу приходилось затратить от 13 до 16 рублей (дети до 10 лет обеспечивались бесплатными билетами). Около трех рублей стоил билет на речной пароход от Сретенска до Благовещенска. А ведь еще нужно было добраться до мест поселения, нередко преодолевая более сотни верст. Согласно подсчетам Совета Всероссийских съездов старообрядцев, содержание в пути на каждого человека составляло примерно 10 рублей. Таким образом, чтобы перебраться в Россию средней семье переселенцев из шести человек, например, четырех взрослых и двух малолетних детей, требовалось не менее 120 рублей. Многие семьи, не имея денег даже на оплату проезда, добирались за счет путевых пособий, которые впоследствии высчитывались из «домообзаводственных» денег. После «водворения» в Приамурье

Старообрядцы. Приамурье, начало XX в.

Семья старообрядцев. Приамурье, начало ХХ в.

переселенцы могли рассчитывать на получение ссуды до 200 рублей. Несомненный интерес представляет практическое значение правительственной помощи. Переселенческий чиновник В.В. Огинский оценивал среднее хозяйство амурского крестьянина не ниже 730 рублей.

В 1908–1909 гг. российские и зарубежные старообрядцы основали на Дальнем Востоке России 11 селений, 10 из которых располагались в Амурской области и одно – в Приморской. В Амурской области липоване заняли переселенческие участки по течению рек Зея и Селемджа (левым притокам Амура). В Приморской области обосновались на участке «Верхнеспасском» в 43 верстах от Хабаровска. Всего же переселенцы заняли 13 участков.

Обживая новые земли

На реке Селемже в 1909 г. старообрядцы-переселенцы совместными трудами основали деревню Слава. Здесь о. Петр Изотов прожил с семьей 10 лет, служа сельским священником. По церковной иерархии он вначале подчинялся старообрядческому епископу Томскому Иоасафу. В 1911 г. была образована Иркутско-Амурская и всего Дальнего Востока епархия, и епископом стал Иосиф (Антипин), проживавший в с. Бардагон Свободненского района на реке 3ее.

До социалистической революции старообрядцы с. Слава Мазановского района вели крайне замкнутый образ жизни, с иноверцами связи не имели и политикой мало интересовались. Кардинальные социальнополитические перемены в стране вынуждали их пересмотреть свои взгляды. После Октябрьского переворота в Петрограде епископ Иосиф в декабре 1917 г. собрал епархиальный съезд в Бардагоне, на который прибыли священники и миряне из сел Амурской области – Бардагон, Семеновка, Слава, Киселе-Озёрка, Рождественка, Новгородка, Нылга, Ключи на реке Томь, Николаевка, Александровка, Каменка, Некрасовка, Климоуцы, а также из Благовещенска и Свободного. Были представители из Хабаровского округа – Покровского прихода в селе Красная Речка. В работе съезда активно участвовал священник Петр Изотов.

Осенью 1919 г., в разгар Гражданской войны на Дальнем Востоке, епископ Иосиф уехал из Амурской области и прожил несколько месяцев при Успенской домовой старообрядческой церкви в центре Хабаровска, на Барабашевской улице, 64 (ныне Запарина). Сюда же епископ вызвал о. Петра и сразу направил в Орловку-Самару, что на левом берегу Амура напротив Хабаровска, где тот служил до 1922 г. Затем по решению епископа Иркутско-Амурского и всего Дальнего Востока Иосифа священник переселился в с. Красная Речка Некрасовского района, где в 20 дворах проживало больше 100 белокриницких старообрядцев, и нес духовную службу до 1930 г.

Петр Изотов оказался в довольно благополучном старообрядческом селе. До 1917 г. в местности Красная Речка располагалось с. Николо-Александровское, основанное в 1893 г. переселенцами-старообрядцами Саратовской губернии. Здесь жили семьи Здутовых, Сыркиных, Сызранцевых, Горбуновых, Смирновых, Мартыновых, Головановых, Тишковых, Бандуковых, Баранниковых, Овчиннико-

вых, Скоробогатовых. К 1902 г. общество имело около 3 400 десятин удобной земли, улица и постройки раскинулись на три версты по всей береговой полосе, перерезанной заливами. В 63 дворах проживали 179 мужчин и 159 женщин – всего 338 человек, из них четвертая часть – белокриницкие старообрядцы (81 человек).

Николо-Александровское производило впечатление зажиточного села. Помимо крепких домов во дворах имелись конюшни, сараи для скота, амбары, бани, ледники и погреба. Красивые дома с тесовыми крышами состояли из двух или трех комнат помимо кухни и сеней. На три двора приходились один плуг или соха, и каждая семья имела телеги, сани, лодки. Старообрядцы имели 79 десятин распаханной земли, из которых 54 десятины занимали огороды и 1,5 посевы овса. Земледельческая культура у сельчан не была развита, но большое значение имели сенокосы, необходимые для содержания главного средства их жизни – лошадей. Еще держали коров и свиней, сеяли овес и немного пшеницы, возделывали огороды, разводили сады. Летом в тайге собирали орехи, пилили дрова и возили в город на продажу. Купцы-старообрядцы Эрязовы снабжали деревню зерном, чумизой, просом, мукой. Браки заключали только с представителями своей веры.

Первым священником местного Покровского прихода был Иоанн Мартемьянович Емельянов, потом его сменил Артемий Евстафьевич Соловьев. Прихожане поставили священнику дом, он был выкрашен в синий цвет и выделялся в общей линии домов. Известно, что в 1914 г. некоторые переселенцы в местности Красная Речка подавали прошения о переходе в старообрядческую церковь Белокриницкой иерархии.

Почти целую улицу в селе занимала семья Евдокима Здутова – первопоселенца и одного из основателей Николо-Александровского. Петр Изотов хорошо знал этого деятельного человека. Вместе с женой Домной Здутов приехал сюда из Саратовской губернии на лошадях – добирались год. В дороге родилась одна из его дочерей. У Здутовых было крепкое хозяйство, пасека, большой сад. Глава семьи переписывался с Мичуриным, и тот присылал семена. Тайга и река тоже кормили: собирали дикий виноград, заготавливали кедровые орехи, рыбачили. Здутов занимался торговлей на баркасах, построил небольшой кирпичный завод, но главное – на собственные средства возвел на берегу Амурской протоки большую, красивую старообрядческую церковь с тремя куполами в честь Покрова Пресвятые Богородицы. После отъезда епископа Иосифа из Хабаровска в Приморье, а затем в Харбин зимой 1920 г. Евдоким Здутов хранил у себя на чердаке его вещи – два сундука богослужебных книг, переписку, облачение.

По вере нашей

На протяжении 1920-х гг. советская власть на Дальнем Востоке России проводила политику поддержки и невмешательства в дела верующих, в том числе и старообрядческой церкви Белокриницкой иерархии. В Хабаровске храм во имя Успения Пресвятыя Богородицы располагался в доме церковного старосты Тимофея Михайловича Морозова. Помолиться сюда приезжали

жители Самарки, Покровки, Красной Речки, Марковки, Смирновки, Спасовки и других поселений. Священник Петр Изотов тесно поддерживал связь с Т.М. Морозовым в течение многих лет. В 1923 г. он встречал в его доме протоиерея Артемия Соловьева, который впоследствии уехал в Приморье, оттуда в Харбин, и потом в Канаду в провинцию Альберта. В 1920-е гг. сюда обязательно приезжали и служили во время своих командировок по Дальнему Востоку известные старообрядческие церковные деятели.

В 1926 г. в приходе на Красной Речке о. Петр принимал на правах хозяина епископа Томского Тихона (Сухова). Тот сетовал, что жить стало трудно, советская власть притесняет религию, не давая свободно молиться и исполнять требы. Сибирский епископ призывал к стойкости в вере. В 1928 г. о. Петр встречался со священноиноком Аввакумом Старковым, который объезжал дальневосточные старообрядческие приходы. В хабаровской Успенской домовой церкви вместе с Петром Изотовым служили приамурский священник о. Иоанн Шадрин и переселенцы из Румынии о. Григорий Борисов и о. Викул Борисов. 15 августа 1931 г. о. Петр в последний раз совершил богослужение в доме Морозова вместе с о. Викулом.

В начале 1930-х советская власть на Дальнем Востоке кардинально изменила политику по отношению к старообрядческой церкви Белокриницкой иерархии. Наступило время политических репрессий. В СССР в условиях ускорения темпов социалистических реформ проходила широкомасштабная индустриализация: Согласно официальной доктрине находившаяся в империалистическом окружении страна должна была усиливать свои позиции. Власть считала, что народу требовалось усиливать бдительность и крепить тылы в борьбе с внутренними врагами, которых у советского государства в тот период оказалось множество. В начале 1930-х существовало убеждение, что империалистические государства и их спецслужбы готовят заговоры с целью ликвидировать первое государство рабочих и крестьян. Роль «щита и меча революции» в подобной ситуации отводилась Объединенному государственному политическому управлению – ОГПУ... Шпиономания охватила СССР еще с конца 1920-х, охота за реальными и вымышленными «классовыми врагами» разворачивалась в городе и деревне. Усилилась антирелигиозная работа, и на этом фоне древлеправославные христиане представлялись как масса «верующих старообрядцев, которая имела религиозные предрассудки».

В начале 1930-х в официальных кругах все чаще звучала тема угрозы со стороны старообрядческой церкви Белокриницкой иерархии, а точнее от якобы созданного на территории советской России старообрядческого союза, объединявшего большинство приходов и обществ старообрядческой церкви. Здесь важно подчеркнуть, что Приамурье и Приморье граничили с северо-восточными провинциями Китая, или Маньчжурией, территорию которой осенью 1931 г. оккупировала милитаристская Япония, что привело к образованию марионеточного государства Маньчжоу-Го. Факт прямой агрессии был расценен как угрожающий советским экономическим интересам в Маньчжурии (КВЖД), так и безопасности дальне-

восточных границ. Для СССР с его относительно слабой системой обороны на Дальнем Востоке важно было избежать втягивания в маньчжурский конфликт и противостояния с Японией. Меняющаяся геополитическая ситуация на дальневосточных рубежах заметно влияла на позицию следователей ОГПУ, стремившихся отыскать любые подтверждения и своим опасениям, и объективно складывающимся политическим обстоятельствам.

Сотрудниками ОГПУ был составлен список «ячеек контрреволюционной повстанческой организации «Всероссийский союз старообрядческих братств». К концу 1932 г. на всей территории страны большинство из них ликвидировали. В отношении старообрядческих приходов и общин Благовещенска, Владивостока, сел Маркучин, Красная Речка, Киселе-Озёрка, Тарбагатай, Орловка, Смирновка, Покровка, Владимировка, Князе-Волконского, Марковка, Селеткан и других завели следственные дела. В Амурской области и Хабаровском крае проживали переселенцы-липоване из Румынии и Австрии, и это с точки зрения следователей представляло для государства опасность.

В 1931 г. Покровский храм на Красной Речке закрыли. Петр Изотов вместе с женой Пелагеей Антиповной, которой к тому моменту исполнился 61 год, переехал в северный пригород Хабаровска – Смирновку Некрасовского района, где находилось 30 дворов белокриницких старообрядцев. Поселились в доме у своей дочери (в архивно-следственном деле она названа Евгенией) и зятя Петра Филипповича Лебухова, рыбака из Хабаровска. К тому времени о. Петр уже давно не имел своего дома. Как и у всех священнослужителей, его трудовой доход состоял исключительно из пожертвований прихожан. Несмотря на это, в 1933 г. циркулярные письма и постановления советского правительства обязывали священнослужителя заплатить налог в размере 954 рубля 56 копеек. Еще раньше, в 1924 г., Петра Изотова лишили избирательных прав.

Но моления на Красной Речке не прекращались. Священник периодически приезжал сюда и вел религиозные службы в доме Евдокима Яковлевича Здутова. Здесь в начале апреля 1932 г. его арестовали. Следователей интересовали вопросы, связанные с «подготовкой вооруженного восстания, вторжением на советскую территорию контрреволюционных вооруженных банд, захват власти в центре или на местах» (ст. 58-2 УК), «пропагандой или агитацией, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти» (ст. 58-10 ч. II УК). 28 апреля 1932 г. Петра Изотова обвинили в том, что он «вовремя не донес о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении» (ст.ст. 58-12 УК РСФСР), избрав меру пресечения – содержание под стражей при ПП ОГПУ в Хабаровске.

Арест и заключение стали полной неожиданностью для 63-летнего священника и сильно повлияли на его здоровье и эмоциональное состояние. Вероятно, во время допросов он был сломлен и под диктовку следователей вынужденно написал признание: «по несознательности состоял участником организации старообрядцев, объединенных в нелегальный союз старообрядческих братств», «знал о невольной связи Т.М. Морозова с харбинскими старообрядцами», «еп. Тихон проводил анти-

советскую агитацию, и он не сообщил об этом своевременно власти». Но до последнего утверждал, что антисоветскую агитацию никогда не проводил.

15 мая 1933 г. против священника выдвинули новое обвинение, утверждая, что он «проводил организационную деятельность, направленную на подготовку или совершение государственных преступлений и состоял участником контрреволюционной организации» (ст. 58-11). К тому времени Изотов вернулся в Смирновку и дал подписку о невыезде. 17 июля 1933 г. заседание судебной тройки ПП ОГПУ ДВК постановило Петра Федотовича Изотова выслать в Зейский район Амурской области сроком на три года по ст. 58-2. В августе 1933 г. в Смирновском сельсовете ему выдали справку о том, что гражданин П.Ф. Изотов был «служителем религиозного культа, священником старообрядцев белокриницкого толка, являлся лишенцем и проживал на нетрудовые доходы». А вскоре последовал второй арест: 27 августа 1933 г. оперуполномоченный Свириденко заключил священника под стражу как участника контрреволюционной повстанческой организации.

В Хабаровском краевом изоляторе о. Петру, по-видимому, много дум пришлось передумать, прежде чем он стал утверждать, что братства старообрядцев он нигде не организовывал, за исключением с. Слава Амурской области. Он подтвердил, что антисоветскую агитацию не проводил, контрреволюционную деятельностью не занимался.

Проявляя особое рвение, оперуполномоченный Свириденко довел до конца следствие по установлению в селах Марковка, Смирновка, Красная Речка, Князе-Волконское Хабаровского района «нелегальных братств» старообрядцев, которые якобы являются ячейками контрреволюционной организации «Всероссийский союз старообрядческих братств». Петра Изотова назвали участником этого мнимого союза и привлекли к уголовной ответственности по статьям 58-2, 58-10, ч II УК РСФСР.

В обвинительном заключении о. Петр проходил в списке под № 1. Можно сделать предположение: основная его вина состояла в том, что он был видным и активным дальневосточным священнослужителем старообрядческой церкви. Следователям ОГПУ картина виделась иначе: Петр Изотов «состоял членом нелегального братства; систематически проводил антисоветскую агитацию, направленную на срыв мероприятий советской власти; проводил антиколхозную деятельность; практиковал обучение детей закону божьему в подвальных религиозных школах; терроризировали нововерцев; поддерживал религиозную связь со старообрядцами, проживающими в Харбине белоэмигрантами». Предъявленное обвинение считалось доказанным. Прокурор Дальневосточного края согласился передать следственное дело в тройку ПП ОГПУ для внесудебного разбирательства, где 11 января 1934 г. постановили о. Петра Изотова расстрелять.

Сохраняя благодарную память

В мае 1959 г. следственное дело священника Петра Изотова было пересмотрено УКПБ при СМ СССР Амурской области. Стало понятно, что «на момент ареста и даже после ареста, органы ОГПУ не располагали ника-

Никита Петрович Авдеев, 51 год. Родился в Австрии

Меркула Зиновьевич Афанасьев, 47 лет. Родился в Австрии

Иов Саввич Минаев, 71 год. Уроженец Забайкалья

Ольга Сильверстовна Маркина, 61 год. Родилась в Пермском крае

Священник Филипп Иванович Перов, 85 лет. Родился на Псковщине

Кафедральный собор Покрова Пресвятыя Богородицы Хабаровск. 2000-е

кими материалами о наличии в Приамурье антисоветских старообрядческих организаций (за исключением показаний двух арестованных в 1932 г. амурских старообрядческих священников). По всей видимости, в начале 1930-х именно в старообрядческих селах под Хабаровском ОГПУ поставило заключительную точку в широкомасштабных карательных операциях против старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию. Церковная жизнь на просторах российского Дальнего Востока на долгие десятилетия замерла, но остался неизгладимый след в памяти современников, детей и внуков участников тех трагических событий, рассказы о которых до сих пор передаются от поколения к поколению.

Как после смерти Петра Изотова сложилась жизнь его родных, доподлинно не известно. Есть версия, что родственники священника остались в Румынии. Основанием для нее послужило то, среди современных липован не так много людей с фамилией Изотов (Изот), тем более среди родившихся в с. Русская Слава. Это наводит на мысль, что о. Петр Изотов может иметь родственное

отношение к семье митрополита Леонтия, который родился в том же селе. Возможно, дальнейшие исследования и открывшиеся новые факты позволят обосновать это предположение.

В анналах истории остались имя и подвиг только одного из сыновей Петра Изотова – Василия, родившегося в 1909 г. Его детство прошло в Амурской области, в Хабаровск, вероятно, он переехал одновременно с родителями. Здесь женился на Екатерине Григорьевне Изотовой, проживал по адресу Кавказский переулок, 8. В отличие от старших братьев Василий к началу войны оказался призывного возраста и в 1941 г. был мобилизован на фронт Сталинским райвоенкоматом (ныне Индустриальный район города). К тому времени уже несколько лет как отменили ограничения на призыв по классовому признаку. К сожалению, нет сведений о том, как начинался боевой путь Василия Изотова. Возможно, он обучался на пулеметчика на специальных курсах и потом был отправлен в действующую армию. Но удалось установить, что летом и осенью 1943 г. рядовой РККА стрелок Василий Изотов в составе 5-й гвардейской армии участвовал в боях на Курской дуге, в Белгородско-Харьковской стратегической наступательной операции «Румянцев», Полтавско-Кременчугской операции, в битве за Днепр, освобождал левобережную Украину.

В августе 1943 г. гвардии красноармеец Василий Изотов воевал станковым пулеметчиком в 1-й пулеметной роте 289-го гвардейского стрелкового полка 97-й гвардейской стрелковой Полтавской Краснознаменной орденов Суворова и Богдана Хмельницкого дивизии в составе 32-го гвардейского стрелкового корпуса на Воронежском фронте. Советским войскам противостояли лучшие танковые дивизии врага, обученные и пополненные материальной частью немецкие войска, которые активно поддерживала действующая авиация противника. В районе г. Богодухова несколько дней происходили ожесточенные бои. 28 августа 1943 г. пулеметчик Василий Изотов совершил воинский подвиг в боях за с. Александровку Богодуховского района Харьковской области. В решающий момент боевой схватки немецкие солдаты неожиданно контратаковали. Василий Изотов и командир пулеметного расчета гвардии сержант Виктор Распопов подпустили пехоту на расстояние 40-50 метров и открыли ураганный огонь по наступающему врагу. Благодаря смелым и своевременным действиям Василий Изотов подавил контратаку противника. В том бою он был ранен.

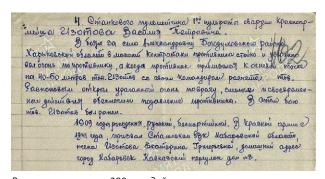
Через два месяца за этот боевой подвиг командир полка гвардии майор Науменко наградил Василия Изотова медалью «За боевые заслуги», но сам герой об этом уже не узнал. В составе Степного фронта (в дальнейшем 2-го Украинского) 20 октября 1943 г. Василий Изотов был убит около с. Владимировка Верхне-Днепровского района (ныне Каменского) Днепропетровской области. Вместе с другими павшими героями его похоронили на поле боя в километре северо-западнее села. По всей видимости, от с. Владимировка сейчас ничего не осталось, и где оно находилось во время Великой Отечественной войны знают только жители тех мест. Так в боях за освобождение Украины от немецко-фашистских захватчиков с честью погиб младший сын старообрядческого священника о. Петра Изотова.

Семья Здутовых – старообрядцев-переселенцев из Саратовской губернии: Лука, Тит Яковлевич, Дарья Севастьяновна, Ксения. 1905

Дом, построенный Евдокимом Здутовым. Красная Речка. 2000

Выписка из приказа 289 гвардейского стрелкового полка 97 гвардейской стрелковой дивизии о награждении В.П. Изотова медалью «За боевые заслуги». 20 октября 1943 г.

Прошло почти 90 лет с тех пор, когда по политическим мотивам были репрессированы старообрядцы в окрестных селах Хабаровска, но старшее поколение прихожан старообрядческого Покровского храма, потомки переселенцев-липован не забывают о тех давних событиях. К сожалению, фотографии священника Петра Изотова не сохранились, и мы не можем увидеть, как выглядел этот человек, переживший столько испытаний и сохранивший веру. Архивные документы и свидетельства современников дали возможность проследить духовный путь старообрядческого батюшки, чтобы сохранить память о нем – для будущего.

Друзья уходят

Памяти Лидии Александровны Вараксиной

Творческий дар

При всей несоизмеримости двух личностей – начальника управления архивами Хабаровского края Веры Ивановны Чернышевой и ветерана архивной службы Хабаровского края Лидии Александровны Вараксиной – их объединяет любовь к архивному делу и неугасимый творческий дар. Две женщины нелегкой судьбы, которых в архивную службу Хабаровского края привели разные обстоятельства, полностью посвятили себя этому важнейшему делу и были верны ему до конца своих дней.

29 июля 2021 года исполнилось бы 110 лет со дня рождения В.И. Чернышевой. А немногим раньше, 12 июня, ушла из жизни Лидия Александровна Вараксина, проработавшая в Государственном архиве Хабаровского края 31 год. В свое время именно она стала одним из инициаторов Первых архивных научных чтений имени В.И. Чернышевой, посвященных 90-летию со дня ее рождения. Крупный научный форум открывался докладом Л.А. Вараксиной «Вера Ивановна Чернышева – архивист, историк, краевед». С той поры прошло 20 лет, состоялось уже шесть таких научно-практических конференций, заслужив авторитет не только у научного сообщества Дальнего Востока, но и у исследователей из западных регионов нашей страны.

Лидия Александровна Вараксина была яркой творческой личностью, инициативным человеком, автором многочисленных публикаций. Свой путь в архиве она начала в 1973 году научным сотрудником, в начале 1990-х, как и многие ее коллеги, сменила род занятий, но не смогла жить без любимого дела и вернулась. С 1995 по 2002 год она была заместителем директора архива и в поле ее деятельности находились едва ли не все вопросы архивной работы – организация дней открытых дверей, фотодокументальных выставок, участие в региональных и международных научно-практических конференциях. Она из тех редких людей, в которых идеально сочетаются необходимые для архивиста качества: память на документы, широкий кругозор и энергия, особенно важные в собирании материалов, умение понять интересы разных исследователей, искреннее желание помочь каждому.

Лидия Александровна была наставником молодых специалистов, помогая им осваивать азы архивного дела. Она принимала активное участие в общественной жизни города и края, входила в общественный совет журнала Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры «Словесница искусств». Поклонница таланта дальневосточного поэта Петра Степановича Комарова, она опубликовала в журнале его письма, сохранившиеся в фонде личного происхождения поэта. Лидия Александровна выступала с научными докладами, лекциями и сообщениями на конференциях. А главной темой ее исследований были харбинские фонды, по материалам которых она писала статьи о Харбинском

доме милосердия, о благотворительной деятельности харбинских организаций, о многих семьях эмигрантов, «унесенных ветром». Именно она стала инициатором передачи документов семьи Дземешкевич о жизни российской эмиграции в Китае в госархив края.

Лариса САЛЕЕВА, заведующая сектором научного использования документов Госархива Хабаровского края

Двадцать счастливых лет

Дружба с Лидией Александровной Вараксиной – одно из самых удивительных событий в моей жизни. Она началась в июне 2001 года и прервалась ровно через 20 лет, когда мы собирались отметить эту круглую дату. Не успели...

Все было необычным в этой истории: место встречи, ситуация, которая нас сблизила, возрастная разница, о которой я узнала лишь год спустя, и конечно, та магия личностного притяжения и понимания, которую никто не в силах объяснить. Нас подружил американский город Портленд, куда мы попали вместе с небольшой группой (11 человек) руководителей учреждений и информационных подразделений сферы культуры и образования Хабаровского края, которым посчастливилось выиграть грант на трехнедельную поездку в штат Орегон (США) по профессиональной программе Community connection («Общественные связи»).

Программа называлась «Свободный доступ к информации» и включала экскурсии в информационные учреждения, деловые встречи, официальные визиты, семинары и тренинги. Трудно выделить наиболее значительные или яркие события тех дней, потому что каждое из них было особенным. В библиотеке аббатства «Горный ангел» среди коллекции старинных книг испытали редкое и непередаваемое ощущение истории и времени. Нам разрешили не только подержать эти раритеты в руках, но и полистать (что запрещалось в других библиотеках), правда, в специальных перчатках. На экскурсии по колледжу Льюиса и Кларка поиграли на настоящем органе (единственном в мире органе круглой формы) в уникальном органном зале, в музее корпорации «Интел» заходили внутрь огромного компьютера и сидели на гигантской клавиатуре.

Впечатлило огромное внимание, которое уделяется истории и сохранению традиций города, округа, штата. Это прослеживается в названиях улиц и площадей, в соблюдении традиционных праздников, оформлении зданий, интерьеров и т. д. Каждая библиотека заботится о накоплении так называемого у нас краеведческого материала, старается перевести его в электронную форму и сделать достоянием мировой исторической сокровищницы. Центральный архив Орегона каждые два года выпускает периодический справочник «Голубая книга», который исчерпывающим образом рассказывает о государственном устройстве штата, его символах, системе законодательной и исполнительной власти, достижениях и событиях в экономической, производственной, юридической, культурной и спортивной жизни.

Однако самые сильные впечатления связаны с нашим проживанием в американских семьях и семейным общением по вечерам. Это был отличный опыт «диалога культур», редкая возможность прочувствовать американский образ жизни изнутри. Многие из нас обрели друзей среди «американских родителей». Я попала в семью психотерапевтов, Лидия Александровна в семью дизайнеров. На прощание «родители» Лиды подарили ей прекрасную фотографию в чудной дизайнерской рамке на память о совместном пикнике на берегу Тихого океана. На этом фото Лида – воплощение безмятежности и счастья.

По окончании стажировки нам вручили сертификаты и подарочные альбомы об Орегоне, сказали много приятных напутственных слов. Все увезли с собой не только яркие впечатления и адреса новых друзей. За время поездки мы лучше поняли не только американскую культуру, но и свою собственную, увидели и прочувствовали их схожесть и различия, другими глазами посмотрели на себя и на мир вокруг нас. Ежедневное общение и дружеские дискуссии, совместная работа и отдых сблизили и подружили нас, участников такой замечательной группы, на несколько лет вперед.

За три недели мы так много узнали о Портленде – побратиме Хабаровска, прекрасном городе Роз, о его людях, истории, самобытности, успели полюбить. А сколько знаний получили о библиотеках, музеях, архивах! Каждый из нас вносил в экскурсии свое отношение к любимому делу, профессионально задавал вопросы и комментировал ответы. Лида, с ее любовью к архивному делу, чудесным образом расширила и обогатила мои скудные представления об архивах.

В этой поездке, как мне кажется, раскрылись прекрасные личные качества каждого из нас. Вдали от родины с удовольствием вспоминали и пели русские песни, много шутили, смеялись. У Лидии Александровны оказались неплохие вокальные данные, а уж по части юмора она была в лидерах.

Мы с Лидой часто вспоминали те удивительные события, смеялись и грустили, пересматривали фотоальбомы, радовались нашей дружбе, так неожиданно зародившейся на краю земли. Рассуждали о том, что у божьего промысла не бывает случайностей. Если бы не тот первый вечер в Портленде, когда случай на время свел нас в гостиничном номере Лиды, если бы не завязался искренний душевный разговор, мы бы не узнали, как много у нас общих взглядов и переживаний и не продолжили бы дальнейшее общение. В отношениях Лида была честна и открыта, и это очень упрощало взаимопонимание. Причем я долго не знала ее возраст, как-то не спрашивала и не задумывалась об этом. Она выглядела молодо, одевалась современно, была живой и энергичной. И когда вдруг наступил 70-летний юбилей, поняла, что между нами 19 лет. Растерявшись, стала называть ее Лидией Александровной, на что Лида отреагировала радикально и велела обращаться к ней как привыкла, иначе дружбе конец.

Сегодня я проезжаю мимо знакомой остановки, на которой выходила, чтобы навестить Лиду, и с грустью думаю о том, что уже не к кому идти в знакомый желтый дом из восьми квартир, нести гостинец к празднику и

елочный букет на новогодье... Сейчас еще не остро, но скоро мне будет очень не хватать Лиды, ее приветливой улыбки, теплых лучистых глаз. И все же спасибо судьбе, что подарила мне 20 лет общения с замечательным человеком, удивительной женщиной с богатым душевным миром.

Юлия ПОТЕХИНА,

кандидат педагогических наук, директор Центра публикационной активности и библиотечных ресурсов Хабаровского государственного университета экономики и права

Неповторимые

По улице моей который год звучат шаги – мои друзья уходят... Белла Ахмадулина

У каждого взрослого человека наступает время, когда из его жизни один за другим уходят дорогие ему люди. Вспоминая их, с особой ясностью понимаешь: они были «штучные», очень яркие, талантливые, открытые к общению люди. Я говорю о Лидии Александровне Вараксиной, Надежде Анатольевне Соловьевой, Викторе Петровиче Буре. Такими они и остались в памяти.

1990-е годы и последующее десятилетие для всех нас стали непростым этапом – перелом эпох, новые надежды, смелые поступки. В Государственном архиве Хабаровского края как в капле воды отразились все эти веяния. В связи с прекращением деятельности КПСС штат, фонды, здание бывшего партархива присоединили к архиву края. Вводились платные услуги с необходимостью разработки прейскуранта цен, на собрании коллектива проводились выборы директора архива... Бурлила страна, бурлил и архив.

Нужно ли говорить, что позиция руководства архива в этот период была чрезвычайно важна, ведь требовалось принятие срочных и одновременно очень взвешенных решений, которые определяли его будущность на много лет вперед. Большой удачей для архива стала дружная работа его руководства – директора Валентины Дмитриевны Родинцевой и его заместителя Лидии Александровны Вараксиной. Взаимопонимание и взаимоподдержка этих двух женщин напрямую влияли на результаты работы сотрудников, люди с желанием шли на работу, на встречу со своими единомышленниками-коллегами. Думаю, в этом мнении меня поддержат ветераны архивного дела края, которым довелось работать тогда в архиве.

Поистине это было время первых. Организовали и провели первые архивные научные чтения имени В.И. Чернышевой, издали первый в постсоветское время сборник документов архива «Религия и власть на Дальнем Востоке России». Краевой архив впервые получил статус научного учреждения, и в тот же период наши сотрудники Наталья Николаевна Бендик и Елена Борисовна Бакшеева приступили к написанию кандидатских дис-

сертаций, успешно защитившись впоследствии.

Тогда же в жизни архива произошло и одно из ключевых событий, значение и результаты которого мы осознаем только сейчас: были рассекречены документы, вывезенные в 1945 году из освобожденного Харбина – харбинские фонды. Наш архив открывал своим сотрудникам и исследователям неизвестные ранее документы восточной ветви российской эмиграции, на их основе готовились публикации, выставки, проводились дни открытых дверей. Выходили новые книги, и в их числе аннотированный библиографический указатель печатных изданий, вывезенных хабаровскими архивистами из Харбина в 1945 году – «Печатные издания харбинской россики». Его автором-составителем была Надежда Анатольевна Соловьева, трагически погибшая 16 лет назад.

Заканчивая тему документов российской эмиграции в архиве, нельзя не сказать о том, что благодаря стараниям Лидии Александровне Вараксиной массив харбинских фондов дополнил фонд личного происхождения бывшей харбинки Людмилы Константиновны Дземешкевич. История эта началась после прозвучавшей в эфире радиопередачи Радио России с участием Дземешкевич, рассказывавшей о деятельности Омского дворянского собрания. Его членами были многие бывшие харбинцы, судьба каждого из них уникальна. Не погрешу против истины, если скажу, что слово «харбинцы» для хабаровских архивистов имеет магическое значение и вызывает живейший интерес к их жизни за пределами отечества. Логично, что Лидия Александровна стала переписываться с семьей Дземешкевич, началось их долголетнее сотрудничество и сотворчество. Результат – сохранение личных документов семьи Дземешкевич, а также документов бывших харбинцев, рассеянных по всему миру; документов об их общественной деятельности, воспоминаний о жизни в эмиграции и размышлений о процессах, происходящих в современном обществе. Бесценный информационный ресурс!

Архивисты активно общались в тот период со своими зарубежными коллегами. Памятен визит делегации архивистов из Фербенкса (штат Аляска, США). А потом и ответный визит хабаровской делегации, в составе которой была Лидия Александровна Вараксина.

Архив стал активно и плодотворно сотрудничать с издательством «Частная коллекция», которое длилось долгие годы до ухода из жизни его вдохновителя – Виктора Петровича Бури. Началась и продолжается до сих пор крепкая дружба с журналом «Словесница искусств».

Перечитывая написанное, поймала себя на мысли, что архив в нем выступает на правах личности и это, действительно, так! Поскольку ЛИЧНОСТЬ архива, его СУЩНОСТЬ формировали и составляли люди, с которыми мне посчастливилось работать. Говорят, незаменимых нет – возможно, это и так, но... есть неповторимые. В моей памяти все они до сих пор живы.

Ольга ИВАНОВА, ветеран архивной службы Хабаровского края

Неумолкающая память человечества

Вера Ивановна Чернышева - архивист, историк, краевед

Лидия ВАРАКСИНА

Думаю, не погрешу против истины, если скажу, что имя Веры Ивановны Чернышевой известно не только ученым, историкам, краеведам, но и простым хабаровчанам, далеким от науки. Известно потому, что первые знания о своем городе они почерпнули из ее книг, газетных статей, телевизионных и радиопередач, рассказывающих о Хабаровске, из ее лекций, с которыми Чернышева на протяжении многих лет выступала перед самыми разными слушателями. Из 74 прожитых Верой Ивановной лет более полувека она посвятила творческому поиску, изучая историю дальневосточной земли, своего края, родного Хабаровска – города в котором родилась и выросла, который любила самозабвенно и воспевала в своих книгах. И почти сорок лет из этих пятидесяти отдала без остатка трудному, исключительно интересному и важному для общества делу – становлению и развитию архивной службы в Хабаровском крае.

В поисках ответов

Многие годы, скрупулезно, день за днем ведя архивные изыскания, Вера Ивановна Чернышева проводила долгие часы наедине с архивными документами, делая самые разные выписки из них, размышляя о прошлом, осмысливая настоящее, мечтая о будущем.

Сижу бледнея над экспромтом, И даже рифм не подобрать. Перед потомками потом ТАМ За все придется отвечать,

Эти строки, занесенные Верой Ивановной в одну из записных книжек (а принадлежат эти строки, вписанные в «Чукоккалу» в 1925 году, замечательному писателю Юрию Тынянову), на мой взгляд, свидетельствуют о том, что она постоянно мучилась сомнениями: сумеют ли исследователи, работая с ее документами, которые собирались буквально по крупицам не один десяток лет, найти в них ответы на вопросы «Где было?», «Что было?», «Когда было?».

Время показало, что ее труд не пропал даром. Личный архив Веры Ивановны Чернышевой, поступивший в госархив Хабаровского края в 1987 году, востребован. К нему обращаются историки и краеведы, студенты и школьники, и мы – архивисты. Документальное наследие Чернышевой составляет около 350 единиц хранения са-

В.И. Чернышева на совещании работников партийных и советских архивов Сибири и Дальнего Востока. 1960

мых разнообразных документов, среди которых рукописи книги «Хабаровск», явившейся одной из первых попыток в советское время обозреть 100-летнюю историю нашего города; брошюры «Хабаровск прежде и теперь»; хроники важнейших событий, связанных с образованием и развитием нашего города за 1858-1926 годы; рукописи статей, лекций самой разной тематики, тезисов выступлений, воспоминаний, а также дневники, записные книжки, фотографии, альбомы и письма, многочисленные выписки из архивных документов, произведений известных и неизвестных писателей и поэтов, путешественников, архивистов и многое другое. Уверена, что при вдумчивом изучении этого массива можно узнать многое, отыскать нужный ответ на «мучивший исследователя» вопрос. А еще, и это, пожалуй, не менее интересно и увлекательно, - приоткрыть край завесы, опущенной над творческим процессом создания главной книги всей жизни Веры Ивановны Чернышевой – «Хабаровск». Ее появление стало результатом многолетней исследовательской работы и долгих бес-

сонных ночей. Книга вышла в свет в Хабаровском книжном издательстве в 1983 году, еще при жизни Веры Ивановны, и сразу полюбилась читателям всех возрастов.

Статус профессии

Безусловно, Вера Ивановна Чернышева была сполна наделена творческим даром. И все же главным в ее жизни, и это также подтверждают документы, стало бескорыстное служение архивному делу. Глубокое понимание того, что это постоянная, ежедневная, кропотливая работа с документами, «существование которых с момента их поступления на вечное хранение в архив уже не подвластно изменениям временной шкалы ценностей и не подвержено колебаниям стрелки сегодняшнего дня», определило для нее приоритеты в архивной работе. Замечательная пора ее жизни длиною почти в 40 лет.

В 1930 году Вера Ивановна Чернышева пришла в Дальневосточное архивное бюро в качестве рядового архивнотехнического работника. Тогда же, впервые соприкоснувшись с архивными документами, хранящими память о родном Хабаровске, его улицах, домах, людях, поняла, что нашла свое любимое дело. Архивная работа стала сутью всей ее жизни, с ней она не расставалась никогда. Понимая, что работа в архиве требует глубоких профессиональных знаний, эрудиции, в 1931 году Вера Ивановна по направлению Дальневосточного архивного бюро поступила в Московский государственный историко-архивный институт, однако по семейным обстоятельствам закончить его не удалось. В 1937 году она вернулась в Хабаровск, в Дальневосточное архивное бюро, но уже в качестве научного сотрудника.

С 1940 по 1943 год Чернышева занимала разные должности, была заместителем управляющего и заведующим отделом Дальневосточного краевого архивного управления УНКВД, начальником организационно-методического отделения и начальником отдела государственных архивов УНКВД по Хабаровскому краю, а начиная с августа 1943 года и вплоть до апреля 1969-го являлась бессменным руководителем архивной службы Хабаровского края.

Об архивистах мало говорят, еще реже пишут. Собранные и описанные ими документы, которые используют ученые, историки, журналисты, краеведы, часто появляются на страницах различных изданий. А вот имена архивистов, благодаря которым эти материалы становятся доступными исследователям, всегда или почти всегда остаются в тени – таков уж статус их работы. У Веры Ивановны было все иначе: ее статьи публиковали, книги печатали, голос исследователя нередко звучал по радио. Одним словом, имя Чернышевой было известно широкой общественности. Но Веру Ивановну, женщину с твердым характером и деятельной натурой, не позволявшей расслабляться себе и другим, не устраивало подобное положение вещей. И она всеми имеющимися у нее как у руководителя средствами стремилась придать статусу архивиста соответствующее этому слову звучание. Трепетно относясь к архивному труду, Чернышева требовала и от других подобного отношения, проявляя завидную настойчивость и редкое упорство. Чтобы улучшить материальную базу государственных архивов, сохранить документы в ведомствах, организовать качественную подготовку документов в них, Вера Ивановна писала многочисленные письма в инстанции самых разных уровней, требуя от руководителей выделения помещений под архивы, решения вопросов сохранности документов и т. д. И часто добивалась положительного результата.

Накануне Великой Отечественной в краевых государственных архивах (Октябрьской революции, Историческом, Военном) насчитывалось около 235 тысяч единиц хранения документов. Но надвигающаяся угроза нападения со стороны Японии, начавшаяся война с фашистской Германией, поставили перед архивистами сложнейшую задачу – во что бы то ни стало сохранить документальное богатство Дальнего Востока, сохранить его историю. И архивистам Хабаровского и Приморского краев и других областей дальневосточного региона пришлось эвакуировать свои документы Востока в Красноярский край.

Это было тяжелое время. «Как только началась Великая Отечественная война, – вспоминала Вера Ивановна, – все архивисты были мобилизованы. В первые же месяцы войны архивное управление при Наркомате внутренних дел СССР дало указание – вывезти архивы в глубинные пункты страны. Таким пунктом был назначен город Минусинск. Несколько дней и ночей архивисты края не уходили домой, занимаясь упаковкой и погрузкой документов в вагоны. Трудности были огромны – ведь среди нас не было мужчин! С какой болью в сердце мы упаковывали и отправляли наши архивы, сосредоточившие в себе всю историю освоения, заселения и развития Приамурья!

Сопровождали архивные документы в вагонах в Минусинск наши работники. Когда документы были перевезены в Минусинск, там был образован филиал ЦГА РСФСР, а двумя годами позже, в 1943 г., постановлением правительства в г. Томске создается Центральный Государственный архив РСФСР Дальнего Востока, и все документы из Минусинска перевозятся в Томск... В то время это было, может быть, необходимо, а вот сейчас, мне думается: очень неудобно, что материалы так далеко находятся от нас, и главное неудобство заключается в том, что многие фонды оказались разорванными».

В 1990 году было принято постановление правительства России о возвращении фондов ЦГА РСФСР ДВ из города Томска во Владивосток. На мой взгляд и взгляд многих историков и архивистов, вернуться документы должны были бы в Хабаровск, и прежде всего потому, что именно Хабаровск до революции являлся центром Приамурского края, до 1938 года – Дальневосточного, документы краевого значения создавались в нашем городе, основные тяготы по перевозке исторических документов в годы войны, решение кадровых вопросов ЦГА РСФСР ДВ и финансирования лежали тогда на отделе госархивов УНКВД по Хабаровскому краю и его начальнике В.И. Чернышевой.

К сожалению, в 1990 году не оказалось такого человека, который смог бы объединить ученых, общественность, убедить власти решить этот вопрос по справедливости. Убеждена, что таким человеком обязательно оказалась бы Вера Ивановна Чернышева, если бы была с нами. Ведь удалось же ей в 1945 году, сразу же после окончания войны с Японией на Дальнем Востоке, вывезти документы из Маньчжурии, хотя добиться разрешения на это было очень непросто.

Маньчжурская командировка капитана Чернышевой

Общеизвестно, что архивы русской эмиграции в Западной Европе, Америке, Австралии находятся там и поныне, и исследователям приходится только мечтать, что

когда-нибудь они вернутся на Родину. Судьба же архивов русской эмиграции в Северной Маньчжурии оказалась более счастливой. И случилось это благодаря патриотизму и подлинной самоотверженности хабаровских архивистов и, прежде всего, начальника отдела госархивов УНКВД по Хабаровскому краю – так в то время называлась должность Веры Ивановны Чернышевой. Она сумела правильно оценить всю сложность и вместе с тем выгодность ситуации в Китае в конце лета 1945 года для возвращения исторических документов в Россию.

Вера Ивановна буквально засыпала начальника управления НКВД по Хабаровскому краю генерал-лейтенанта Долгих рапортами следующего содержания: «В период интервенции на Дальнем Востоке в 1918—1922 годах и особенно в момент эвакуации японцев и белогвардейцев с территории Дальневосточного края значительная часть наших документальных материалов, имеющих как историческую, так и оперативную ценность, была вывезена за границу. В частности, только по официальному разрешению Министерства иностранных дел ДВР в 1920 г. фирмы «Кунст и Альберс» и торговый дом «Чурин и Ко» вывезли несколько вагонов документов в Харбин... На основании выше изложенного прошу Вашей санкции на право выезда с какой-либо оперативной группой, командируемой в Маньчжурию для сбора... документальных материалов, ранее вывезенных с территории края».

В свою очередь начальник управления в ответ на эти рапорты направлял шифрограммы в НКВД СССР. После многократных запросов в Москву долгожданное разрешение все-таки было получено. Капитан Чернышева Вера Ивановна (звание ей было присвоено на период пребывания в Маньчжурии), капитан Быков М.Ф., Стребкова М.Б. были командированы в города Харбин, Чаньчунь, Мукден, Порт-Артур для сбора исторических и оперативных материалов. Начальникам гарнизонов и командирам войсковых частей, располагавшихся в Маньчжурии, было рекомендовано «оказывать содействие тов. Чернышевой в сборе и отгрузке исторических документов».

10 октября 1945 года В.И. Чернышева и сотрудник архива М.Б. Стребкова вылетели в Китай. Через два с половиной часа они уже были в Харбине, где на третий день к ним присоединился начальник Приморского отдела архивов, майор Бахмутов. Началась сложная, требующая большого терпения и такта скрупулезная работа.

О полуторамесячном пребывании в Маньчжурии В.И. Чернышева почти 40 лет спустя написала в своих воспоминаниях, условно названных «Тени прошлого». Здесь можно встретить довольно известные фамилии представителей российской эмиграции, среди которых последний генерал-губернатор Приамурского края Николай Львович Гондатти, известный ученый, геолог Э.Э. Анерт и многие другие, с кем ей довелось общаться. Встречалась Вера Ивановна и с походным атаманом казачьих войск Урала генерал-лейтенантом Г.С. Семеновым. От него узнала, что «основные документальные материалы ряда учреждений японской миссии и других организаций были вывезены разведкой в Приморье». Что с этими документами случилось на самом деле, осталось неизвестным.

Тем не менее, несмотря на все сложности, поездка оказалась плодотворной. Ее итоги нашли отражение в докладной записке от 20 января 1946 года на имя начальника ГАУ НКВД СССР генерал-майора Никитинского: «Брига-

да собрала и вывезла с территории Маньчжурии: харбинские газеты с 1917-го по 1945 годы; художественно-иллюстрированный журнал, издаваемый в Харбине, «Рубеж»; детский журнал «Ласточка»; материалы бюро российских эмигрантов общего и переселенческого отделов; материалы казачьего союза, возглавляемого походным атаманом Семеновым; материалы союза харбинских домовладельцев и землевладельцев; общества помощи русским военным инвалидам и др. Материалы по содержанию представляют большой оперативный и исторический интерес.

Необходимо отметить, что до приезда бригады архивных работников, большая масса документальных материалов была вывезена с территории Маньчжурии 7-м отделом Армии. Докладывая о настоящем, просим Вас по линии НКО дать указания штабам Армий Первого, Второго и Забайкальского фронтов о передаче всех документальных материалов, как на русском, так и на японском языках, вывезенных последними с территории Маньчжурии, местным архивным органам края».

И хотя переписка по этому вопросу вначале велась очень активно, постепенно она сошла на нет. Было ли чтолибо предпринято в этом направлении, в документах архивного отдела УНКВД по Хабаровскому краю не нашло отражения. Но самое главное все-таки было сделано: все, что удалось собрать в Харбине, а это в общей сложности около трех тонн документов, книг, газет, журналов, отражающих историю русской эмиграции в Китае, поступило в Государственный архив Хабаровского края. Из описанных документов сформировали более 1000 дел, сосредоточенных в 10 фондах. В 1988–1990 годах они были рассекречены и переведены на общее хранение.

Сегодня это самые востребованные фонды. По документам харбинской архивной Россики пишутся монографии, диссертации, книги; готовятся статьи, телевизионные и радиопередачи, снимаются фильмы. К ним обращаются не только российские ученые, но и исследователи из Австралии, Германии, США, Франции, Швейцарии, Японии и других стран мира, поскольку это ценнейший пласт истории культуры, истории идей, наследие послереволюционной эмиграции в Маньчжурии. В них сосредоточены ярчайшие свидетельства того, что русские, оказавшись в изгнании, не превратились просто в группу людей, спасавшихся бегством из страха политических преследований. Они боролись за свое существование в чужой стране, объединялись в различные организации, старались вести прежнюю жизнь, словно эмиграция олицетворяла для них подлинную Россию.

Воспоминания Веры Ивановны, запечатленные в «Тенях прошлого», также, как и вывезенные из Харбина документы, книги, газеты, журналы, представляют несомненный интерес для историков, поскольку написаны человеком, побывавшим в том, далеком от нас мире, соприкоснувшимся с судьбой многих русских эмигрантов. Встречи с ними произвели тогда на Чернышеву самое разное впечатление: с одними – приятное, с другими оставляли чувство горечи и глубокого разочарования.

«Общение с бывшим генералом Михаилом Евлампьевичем Обуховым наполнило душу чувством глубокой жалости к этому человеку. Первая встреча с ним, – вспоминала Вера Ивановна – была неудачной, хотя он и ждал нас. То, что я была в форме, да еще с охраной, очень подействовало на генерала. Посмотрев на мои погоны, он разволновал-

ся, сказав при этом: «В 1917 г. с меня сняли погоны, а Вам надели». Это воспоминание всколыхнуло в нем обиду, и разговор у нас не клеился. К тому же его жена Фрида, пытаясь показать свою лояльность, достала портрет Сталина с надписью на русском и китайском языках, которые сбрасывались с самолетов нашими войсками, решила его повесить на стенку. Она так волновалась, что повесила портрет вниз головой. Мне пришлось сделать вид, что очень спешу. Я попросила разрешения прийти еще раз, дня через два.

Смогла прийти только через пять дней. Причем, пришла одна, без охраны. И была крайне удивлена тем, что Михаил Евлампьевич встретил меня в генеральском мундире, при всех регалиях. Отдал честь. Такой довольно радушный прием расположил к беседе. Говорили долго и обо всем. Но главной темой разговора была Россия».

Мудрость, воля, авторитет

Сильная воля, умение добиваться поставленной цели – вот главные черты характера Веры Ивановны Чернышевой, позволявшие ей осуществлять всё или почти всё из того, что она задумывала. В 1959 году, благодаря ее неуемной энергии, способности доводить любое дело до логического конца, Государственный архив Хабаровского края, долгие годы ютившийся в сырых полуподвальных помещениях, справил долгожданное новоселье в здании, которое специально построили для него по Институтскому переулку, 4 а (ныне ул. Дмитрия Нагишкина). Долгий путь ценнейших архивных документов в свой замечательный дом, в котором им предстояло прописаться навечно, наконецто благополучно завершился. И заслуга Веры Ивановны в этом огромна: построить обычный дом трудно, а для хранения архивных документов труднее в сто крат.

Когда обращаешься к официальным документам архивного отдела, личным документам самой Веры Ивановны, материалам, отражающим ее общественную деятельность, которой она отдавала все свое свободное время, приходишь в изумление – как много она успевала сделать в течение одного дня. Являясь полномочным депутатом районного Совета депутатов трудящихся, Вера Ивановна возглавляла постоянную культурно-просветительную комиссию. Будучи членом многих общественных организаций – Хабаровского Всероссийского общества по распространению политических и научных знаний, краевого общества по охране памятников истории и культуры и других - она активно участвовала в их работе. Более 30 лет Вера Ивановна систематически выступала с лекциями на предприятиях, в организациях и учреждениях, в школах и институтах, на конференциях и совещаниях городского, краевого и регионального масштабов. В основе всех ее лекций, докладов и выступлений лежали архивные документы. Разностороннее знание дальневосточной истории, умение завладеть вниманием аудитории, эмоциональность и прекрасная речь делали выступления Чернышевой богатыми по содержанию, привлекательными по форме.

Не только пропаганде архивных документов, исторических знаний, но и научной работе, подготовке молодых историков уделяла достаточно много времени Вера Ивановна. Это подтверждают многочисленные приветственные адреса, поздравления по случаю знаменательных дат в жизни Чернышевой. Письма, телеграммы, открытки также свидетельствует о том, насколько широким и разносторонним был круг ее интересов и адресатов. В них запечатлены опреде-

ленные моменты не только жизни Веры Ивановны, но и моменты истории как таковой. Разве не эту мысль подтверждают строки из письма доктора исторических наук, профессора Анатолия Петровича Шурыгина, с которым она переписывалась на протяжении многих лет: «Дорогая Вера Ивановна! Сегодня получил Ваше письмо. Большое спасибо Вам за проверку сведений о речи Лазо. Речь никогда не была опубликована, ее содержание представляет большой интерес. Жаль, что «Красное знамя» этой речи не опубликовало. 7 марта 1974 года Лазо исполнится 80 лет. Я советую Вам к этому дню опубликовать речь Лазо в «Тихоокеанской звезде». Мы эту речь включим в сборник о Сергее Лазо».

А вот еще одно письмо, свидетельствующее о том, каким авторитетом пользовалась архивист и краевед Вера Ивановна Чернышева. Оно от заместителя начальника историко-дипломатического управления Министерства иностранных дел СССР В. Мазаева, датированное 13 июня 1972 годом (тогда Вера Ивановна уже не работала): «Уважаемая Вера Ивановна! По совету известного Вам географа и исследователя Приморья Александра Ивановича Алексеева обращаюсь к Вам как опытному архивисту и краеведу с просьбой оказать помощь консультациями председателю Хабаровского крайисполкома тов. Подгаеву Григорию Ефимовичу по существу посланного ему от нас служебного запроса».

В 1969 году Вера Ивановна ушла на заслуженный отдых, но живую творческую связь с архивом не прерывала до конца своей жизни. Она была мудрым и умным наставником архивистов, глубоко знающим архивное дело, умеющим передать свой профессиональный и жизненный опыт начинающим архивистам. При встречах с нами Вера Ивановна много рассказывала о сложностях и радостях архивной работы. Общаться с ней было интересно. Рассказчицей она была талантливой. Вера Ивановна часто говорила: «Каждый архив является драгоценным народным достоянием и подлежит самой бережной охране, как со стороны государства, так и самих архивистов. Нет неинтересных документов, как нет и неинтересных людей. Какими бы неважными на первый взгляд не казались документы архивов различных учреждений, организаций, предприятий и частных лиц – в них всегда найдется ценная информация, которая обязательно окажется полезной для кого-нибудь. Документы всегда ценны: и тогда, когда только созданы, и особенно будут ценны в будущем».

А с какой убежденностью звучали слова, цитируемые Верой Ивановной, о важности архивной работы в воспитании качеств, определяющих профессию архивиста: «Работа в архивах учит терпению; она освобождает человека от суетности, придает силы, сообщает душевное равновесие. Архивист знает – нет почти ничего тайного, что не стало бы явным; история не может быть переписана; судьба человеческая длиннее кратких сроков земного существования. Он ходит рядом с неопровержимыми свидетельствами бренности человеческой жизни, но неизменно чувствует себя на службе неумолкающей памяти человечества».

Позже я узнала, что эти замечательные слова, поразившие меня, тогда начинающего архивиста (это было в 1976 году), принадлежат Мариэтте Омаровне Чудаковой, написавшей очень добрую и умную книгу «Беседы об архивах». Но тогда, слушая Веру Ивановну, я нисколько не сомневалась, что это ее собственные слова, прочувствованные и выстраданные всей ее долгой творческой жизнью, созвучные с ее собственными мыслями о нелегком архивном труде.

Прекрасен их союз

Счастливая встреча Веры Чернышевой и Николая Туркина

Елена НИКИШИНА

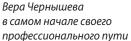
Личные фонды интересны тем, что отражают не только жизненный и творческий путь выдающихся людей, но и время, в которое они жили и работали. Семья Чернышевой – Туркина была известна в кругах хабаровской интеллигенции. Николай Иванович около 20 лет отдал Дальневосточному художественному музею, Вера Ивановна почти 40 лет возглавляла архивную службу Хабаровского края. Их союз с полным правом можно назвать примером верной, неиссякаемой любви, дружбы и партнерства.

Они родились в период войн и революций, рано вступив в самостоятельную жизнь, одержимо строили новое общество. Их отличали глубокая убежденность в идеалах революции, неистребимая вера в коммунистическое будущее, искренняя заинтересованность во всем, чем жила Родина.

К сожалению, Вера Ивановна не оставила каких-либо заметок о себе и своей семье. Собирая истории старожилов Дальнего Востока, она записала рассказ своей бабушки, Черкашиной Аграфены Даниловны, о том, как та из Курской губернии в 1891 г. поехала вслед за сосланным мужем на Сахалин, полагая, что только эти воспоминания будут интересны для истории. Аграфена Даниловна еще замечательна тем, что после смерти дочери окружила заботой шестерых внуков. Позже, в 1937 г. бабушка взяла под свою опеку еще двоих ребятишек, детей старшего сына Ивана, которые остались сиротами. Кое-что о годах юности Веры Ивановны мы узнаем из бережно сохраненных писем ее друзей-комсомольцев. Архивным деятелем, авторитетным исследователем предстает она в воспоминаниях коллеги, заведующей партийным архивом Е.И. Елизаровой. Как о близком человеке, хозяйке дома, женщине, которая не пропускала концерты в филармонии, кино- и театральные премьеры, вспоминает о ней племянница Екатерина Ивановна Сорокина.

Вера Ивановна Чернышева родилась 29 июля 1911 г. в многодетной семье. Из записи в метрической книге Благовещенской духовной консистории хабаровского Успенского собора за 1911 г. мы узнаем, что ее отец, «крестьянин Чернышев Иван Макеевич, родом из Харьковской губернии, Змиевского уезда, Бурлуцкой волости, деревни Костамаровки». Еще известно, что до ре-

Николай Туркин. 1948

волюции он служил в армии, трудился на строительстве архангельской дороги, после революции работал конюхом в городской управе. Вере было 13 лет, когда отца не стало. Мама – Чернышева Ирина Степановна, из семьи сосланного на Сахалинскую каторгу крестьянина, находилась на иждивении мужа, после его смерти получала пенсию и работала по найму.

В феврале 1926 г. Вера вслед за старшим братом Леонидом вступила в одну из территориальных комсомольских ячеек Хабаровска. Это событие определило многое в ее жизни. Комсомолец - это означало всегда оказываться там, где трудно, в любом деле проявлять инициативу, во всем быть верным, надежным помощником. Об этом мы читаем в письмах ее друзей-комсомольцев: «Ведь какую мы получили закалку в нашей терячейке! Мне кажется, лучше и сплоченней нашей ячейки в городе не было. Недаром же наша территориальная ячейка на всех парадах шла во главе всех ячеек! И сбор средств, и наши выезды с пионерами и подшефниками в лес, поближе к Амуру, и танцы, которые мы любили до самозабвения, и субботники, и помощь друг другу... О тебе я знала много и давно как о талантливой актрисе территориальной ячейки...» Эту дружбу, поддержку, чувство плеча они пронесли через всю жизнь.

Нелегкая судьба была и у Николая Ивановича Туркина. Он родился 1 февраля 1904 г. в Москве. Из автобиографии: «Дед мой, московский купец 2-й гильдии М.Г. Туркин, вышел из крестьян бывшей Тверской губернии, имел в Москве кроватное производство, в котором работал и мой отец, Иван Матвеевич Туркин. В 1916 г. отец разошелся с матерью и мы, дети, стали жить с ней...». Окончил 5 классов реального училища имени

Воскресенского в Москве, в 15 лет пошел работать, чтобы помочь семье выжить. За четыре года сменил множество мест жительства и профессий – от конторщика на складе до управляющего производственным отделом Пермской железной дороги. В 1923 г. вернулся в Москву. Имея склонность к рисованию, выполнял художественные работы в московском Доме печати, где встречался с Фурмановым, Маяковским и другими писателями и художниками. Одновременно посещал занятия в студии художников-графиков при художественном техникуме. В 1927–1932 гг. проходил военную службу на Дальнем Востоке во 2-м Дальневосточном кавалерийском полку войск НКВД, сначала киномехаником, затем руководителем кружка художественной самодеятельности и начальником клуба полка.

Судьба свела этих молодых людей, принадлежащих к разным сословиям, разной городской среде, в 1929 г., когда Вере исполнилось 18 лет, а Николаю 25. Тогда взрослели рано. Вскоре они стали родителями дочерей-погодков Натальи и Юлии. Жизнь молодых супругов не была простой. Поступив в 1930 г. на службу в архивное бюро, Вера Ивановна через год уехала по направлению на учебу в Московский историко-архивный институт, однако из-за здоровья детей учиться приходилось с перерывами. Не закончив 4-й курс, она вернулась в Хабаровск, вновь пришла на архивную работу и, несмотря на неполное высшее образование, быстро пошла по карьерной лестнице и в 32 года стала начальником архивного управления – отдела УМВД по Хабаровскому краю.

Николай Иванович в связи с учебой жены в историко-архивном институте демобилизовался из армии и выехал с семьей в Москву. Он тоже продолжил учебу и получил квалификацию художника-оформителя, рисовал плакаты, иллюстрировал книги. Когда в 1937 г. семья вернулась в Хабаровск, Туркин устроился на работу в Дальневосточное государственное издательство (ДальГИЗ) художником-оформителем.

Великая Отечественная стала суровым испытанием для всего народа, в том числе и для их семьи. А когда военные действия окончились, Чернышева стала одним из инициаторов командировки в Китай для возвращения архивов, вывезенных в Гражданскую войну в Харбин. «имеющих как историческую, так и оперативную ценность». Из возвращенных документов сформировали 10 фондов объемом около 57 тысяч дел, большое количество печатных изданий пополнило научно-справочную библиотеку госархива.

Николай Иванович Туркин в годы войны много работал в области плаката и карикатуры. Вместе с художниками И.А. Горбуновым, Л.И. Дешко, И.Л. Елкиным, В.Е. Кайдаловым, М.Г. Козеллом, В.В. Павчинским, Н.Г. Тихоновым участвовал в организации выпуска острых сатирических плакатов серии «Удар по врагу». А в 1941 г. стал директором Дальневосточного художественного музея, в котором проработал до конца своих дней. Это назначение потребовало определенного мужества и риска, так как предыдущий директор, Петр Михайлович Покровский, был арестован и расстрелян в 1938 г. по обвинению в создании в музее шпионской организации. Музей стал не

только местом работы Николая Ивановича, он стал его судьбой, домом, с ним связаны заботы и радости, гордость и огорчения. Можно смело утверждать, что здесь его творческие способности соединились с организаторскими. Он стал одним из тех, кто организовал Хабаровское отделение Союза художников СССР и был членом правления, а с февраля 1951 г. его председателем.

Сотрудники музея вспоминают, что все они, в том числе технический персонал и директор, сидели в тесном закутке в здании бывшей синагоги на улице Фрунзе. Николай Иванович запрещал говорить о «низменном» – о тряпках и ценах. Только об искусстве. Вскоре музей стал своеобразным культурным клубом, куда заходили не только художники, но и известные писатели, ученые, актеры.

Еще было небольшое бревенчатое строение, здесь находилась «святая святых» – музейная библиотека. Комплектованием книжного собрания занимались сначала Покровский, потом Туркин, делая ценные приобретения в букинистических магазинах Москвы и Ленинграда, используя дружеские контакты с коллекционерами книжных раритетов. Каждая из этих книг является сегодня библиографической редкостью. Трудно представить, как удавалось в те далекие годы при скудном финансовом обеспечении доставлять в Хабаровск все эти книжные сокровища. А ведь некоторые из них весили несколько килограммов.

Поздней весной и летом музейщики выносили столы прямо на улицу и работали, вдыхая аромат цветущих деревьев. В письме 1958 г. сотрудникам Дальневосточного художественного музея есть такие строки: «Уважаемые товарищи! Осталась одна неделя моего отпуска, и мысли уже у вас, в Хабаровске. Какие у вас дела, какие заботы? Надеюсь, что наш сад расцвел, и в нем ласкают взгляд стройные дельфиниумы, гладиолусы и пышные георгины, дорожки подметены и выбелены? Все приморские картины отреставрированы, а новые экспонаты описаны? Небезызвестный вам Ваш директор Туркин».

Хватало забот и у Веры Ивановны. С 1940-х годов самым больным местом в работе архивных органов края было отсутствие помещений, отвечающих элементарным требованиям хранения материалов. В 1959 г. краевой архив, ютившийся прежде в полуподвальных помещениях, справил свое долгожданное новоселье в специально для него построенном доме 4а на улице Д. Нагишкина. Заслуга Веры Ивановны в том, что архив обрел свой дом, огромна: это стало возможным благодаря ее настойчивости, пробивной способности, личному авторитету и обаянию.

Важной вехой в жизни Чернышевой стало празднование 100-летия Хабаровска. Тема родного города была для нее постоянной и любимой. Больше всего сведений в ее архивном фонде о Хабаровске: выписки из документов центральных и местных архивов, газет, журналов, книг. В многочисленных выступлениях в разнообразных аудиториях, по радио, в газетных статьях, в замечательной книге «Хабаровск», проникновенно звучал голос Веры Ивановны. Николай Иванович оформил обложку авторской книги, изданной в Хабаровском

имена и судьбы

Обложка книги, оформленная Н.И. Туркиным

Вера Ивановна Чернышева

В.И. Чернышева в нижнем ряду первая слева

Дача на Садовой. В центре за столом В.И. Чернышева

Коллектив Дальневосточного художественого музея. В центре директор Н.И. Туркин. Конец 1950-х

Н.И. Туркин. Вид из окна спальни дома 84, кв. 8. Ул. Шеронова. 1956. Бумага, картон, акварель. ДВХМ

книжном издательстве. По воспоминаниям Екатерины Ивановны Сорокиной, ее выход в свет отмечали очень пышно, на банкете был огромнейший торт – чуть ли не в полстола размером. По этому случаю Николай Иванович нарисовал небольшой праздничный плакатик и воткнул его в торт.

Екатерина Ивановна была ровесницей их старшей дочери Натальи, часто бывала у них по выходным дням и праздникам и как никто знала их семейную жизнь: «Они никогда не ссорились, всегда жили дружно. Муж ее иначе как Верусенькой не называл. Воспитывали своих детей очень хорошо, много им читали. Вера Ивановна очень гостеприимной была. Когда бы к ней ни пришел, она обязательно накормит, напоит чаем, чем-нибудь вкусненьким угостит – обязательно! У них дома всегда был порядок, Вера Ивановна хозяйственная была: и постирает, и приготовит все вовремя. Иногда к ней приходила помощница и помогала ей с большими уборками и по хозяйству. Она купила дачу на левом берегу, где собирались вместе родные и друзья. На дачном участке стояла большая раскидистая черемуха, под которой поставили стол, и все семейные мероприятия, праздники проводили там».

Удивляло Екатерину Ивановну, что Вера Ивановна дома никогда не говорила о работе: «Даже когда она приехала из Харбина, ничего близким не рассказывала. Привезла из Харбина пластинки Лещенко, Вертинского, и ее родные слушали эти записи, но Вера Ивановна строго им наказывала никогда никому не говорить – нельзя». Еще Екатерина Ивановна вспоминает, что «в театр ходили постоянно, так же, как и в кино. Обязательно в первый день ходили на премьеру нового фильма в кинотеатр «Гигант». Директор Бондарь оставлял Вере Ивановне несколько мест в проходном 11-м ряду». Однажды, когда в Хабаровске давал концерты знаменитый трубач, легенда джаза Эдди Рознер, Вера Ивановна пришла радостная: «Ребята, я на Эдди Рознера билеты принесла!». И потом Вера Ивановна часто приглашала свою племянницу на концерты и спектакли.

А вот что пишет о Николае Ивановиче искусствовед Валентина Гавриловна Старикова в своих «Страницах воспоминаний»: «Директор музея Н.И. Туркин интелли-

гентный, гуманный человек, которого все сотрудники обожали, ни на кого никогда не кричал, и по-отечески воспитывал и приучал к музейному делу, создав такую атмосферу, что люди шли на работу, как к себе домой, где все тебя любят и все хотят помочь». Старейший работник музея Мария Сергеевна Тминова говорила, что только благодаря Николаю Ивановичу стала специалистом-реставратором высшей категории. Туркин настоял на ее поездке в Москву на три года для учебы на курсах в Высшем художественном научно-реставрационном центре им. И.Э. Грабаря.

Самые объемные дела в фонде Туркина по количеству документов – переписка с художниками. Ему приходилось отвечать на письма, телеграммы, решать вопросы оплаты работ художников, их бытовой обустроенности, обеспечения красками, холстами, да вдобавок разрешать творческие и личные споры. В своих посланиях художники часто передавали привет Вере Ивановне или «всему вашему семейству». Сохранилось одно письмо, вернее, записка Туркина, адресованная Вере Ивановне: «Дорогая Веруся! Очень жалею, что не дождался, но постараюсь скоро вернуться. Жди меня и не уходи до меня в отпуск, я постараюсь из Москвы лётом. Если что будет нужно, договоримся по телефону или телеграммой. Крепко-крепко целую мою милую женушку. Еще раз обнимаю».

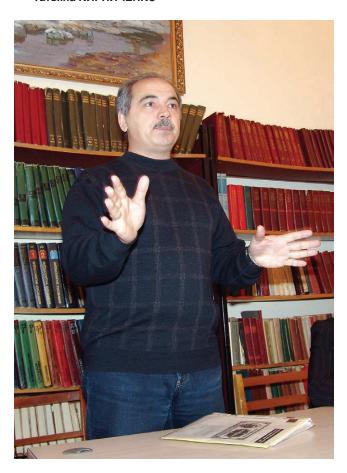
Юлия пошла по стопам отца, училась в Ленинграде в Художественной академии. Но произошло несчастье, она получила травму и стала инвалидом. Старшая дочь Наталья вышла замуж еще о время учебы в медицинском институте, а потом уехала с мужем на Сахалин. Впоследствии они жили в Хабаровске. По воспоминаниям Юлии, отец считал создание новой семьи краеугольным камнем, а рождение ребенка ставил чуть ли не выше самого искусства. Всегда говорил: «Прежде наведи порядок в своей жизни, а потом твори». Огромная занятость по организации выставок, музейная работа, общественная деятельность почти не оставляли Николаю Ивановичу времени для творчества. В последние годы после инфаркта он стал работать дома. Писал натюрморты, портреты, пейзажи за окном. Казалось, он торопится высказаться как художник. Николай Иванович ушел из жизни в 1960 г., и лишь спустя 14 лет, к 70-летию со дня его рождения, состоялась персональная выставка Туркина в Дальневосточном художественном музее, открывшая для многих тонкую душу этого мастера.

Вера Ивановна пережила мужа на 26 лет. Е.И. Елизаровова вспоминала: «Одна черта поражала меня в характере Веры Ивановны – стойко переносить все невзгоды. А их на ее долю выпало немало: рано умер муж, не дожив до пенсионного возраста, болезнь одной, затем другой дочери и единственного внука. Можно было согнуться, сломаться, опустить руки. Но Вера Ивановна оставалась стойкой, сильной и мудрой. Как и прежде, живительным источником для нее оставалось архивное дело, ему она посвятила свою жизнь, оставив о себе добрую память в здании архива по улице Д. Нагишкина, в книгах, сборниках документов, статьях, а также в воспоминаниях тех, кто ее знал».

Возвращение затерянных строк

Последнее исследование краеведа и книгоиздателя Виктора Бури

Татьяна КИРПИЧЕНКО

На полках отдела краеведческой литературы Дальневосточной государственной научной библиотеки стоят не только замечательные книги, хранящие для потомков сведения об истории Дальнего Востока и его людях, но и бесценные рукописи краеведов. Среди них неопубликованные материалы, связанные с судьбой просветителя, общественного деятеля, активного участника создания первой дальневосточной научной организации – Общества изучения Амурского края и народных чтений во Владивостоке Николая Петровича Матвеева-Амурского. Ценные сведения собраны исследователем, литературным краеведом, издателем Виктором Петровичем Бурей. К сожалению, эту работу он завершить не успел.

Коллекция - ключевое слово

В первый выпуск «Краеведы города Хабаровска», составленный Е.С. Косоговой, вошли биобиблиографические очерки о десяти лучших краеведах города и интервью с ними. Среди тех, кто поделился своим опытом краеведческих разысканий и издательской деятельности, был и Виктор Буря.

Он рассказал о детстве, которое прошло в Хабаровске, где Виктор Петрович родился в 1953 году. Большая семья (мать, отец и пятеро детей) жила тогда в доме на перекрестке улиц Гоголя и Милицейской (ныне Уссурийский бульвар).

«Была такая в Хабаровске улица – она шла вдоль оврага, по которому текла речка Плюснинка, и прижималась к склону горы, на вершине которой располагается центральная улица города Муравьева-Амурского. В конце 50-х овраг стали засыпать, спрятав ручей в бетонный тоннель. Пацанами мы ходили по этому тоннелю до самого Амура, чтобы покупаться. Ни о каком краеведении тогда и не думали. С нетерпением ждали каникул, чтобы кататься на велосипедах, купаться, играть в казаков-разбойников, ходить в кино. Уличным занятиям мог помешать только сильный дождь. В такие дни любимым занятием было чтение книг».

Именно они, интересные книги о приключениях, заронили в душу будущего исследователя любопытство к окружающему миру.

«В книжках так было все увлекательно, а в жизни – двор, друзья, и небольшая территория в центре Хабаровска, которую мы осваивали. Прежде всего – площадь Ленина, детский парк, иногда вокзал. Самое дальнее путешествие было до дендрария... Потом наша семья получила квартиру и переехала в Первый микрорайон, и вновь освоение пространства: поселок Хасан, локомотивное депо, остановка Раздельная (сейчас «Институт культуры»), затон, гортоп... Краеведение – только пешком».

И все же Виктор Петрович больше склонялся к тому, что увлечение краеведением пришло к нему из книг. Именно они научили ставить вопросы и искать самому же на них ответы. Процесс поиска – это и есть самое интересное в занятии краеведением. Потом уже приходит желание поделиться своими находками и открытиями. И еще одна из причин, говорил Виктор Петрович, – чувство обиды за свой город и край, о котором так мало знают люди, живущие в центральной части России. Именно поэтому хотелось больше узнать о родных местах и поделиться этими знаниями с другими.

Больше всего Виктора Бурю привлекало литературное краеведение. Он любил книги о Дальнем Востоке, интересовался судьбами писателей – авторов этих книг. И особое отношение, сохранившееся до конца жизни, - к фантастике, особенно к тем произведениям, где было хотя бы краткое упоминание о Дальнем Востоке. Поэтому был увлечен творчеством писателя-фантаста Ивана Антоновича Ефремова, который в 1931 году участвовал в Нижне-Амурской геологической экспедиции, с увлечением разыскивал книгу Жюля Верна, изданную более 100 лет назад, где есть описание Петропавловска-Камчатского. Планируя новое исследование, Виктор Петрович сетовал на нехватку времени: «Есть у декабриста Муравьева интересные воспоминания о построении идеального государства на острове Сахалин. Эти записи относятся к 1830-м годам, кое-что можно было бы взять у Осипа Сенковского. Но это еще требует уточнений, а на это нужно время, а его всегда не хватает».

Да, времени не хватало. Потому что полной самоотдачи требовала вторая страсть Виктора Петровича Бури – издание книг.

Он начинал трудовую деятельность художникомоформителем в Комсомольском-на-Амуре отделении Дальневосточной железной дороги. Слыл заядлым книголюбом. Любовь к фантастике вылилась в создание знаменитого клуба «Апекс», объединившего любителей фантастики. А первым издательским опытом того времени стал выпуск творческой странички в вузовской многотиражке.

Вернувшись в Хабаровск, Виктор Петрович недолго поработал в издательстве «Амур», а потом создал издательский дом «Частная коллекция», ставший любимым детищем.

«Конечно, тут просматривается замысел, некая идея. Все наши книги, вышедшие и будущие, имеют отношение к Дальнему Востоку, к нашему краю, – говорил Виктор Петрович. – В словосочетании «Частная коллекция» второе слово - ключевое. Оно определяет лицо издательства: собрание книг, коллекция. Хотя есть у названия некое прикладное значение. Существует множество самых разнообразных собраний, коллекций, которые стали делом жизни конкретных людей. Они несут в себе не только информационные, но и культурные, исторические ценности. Например, у меня есть знакомый, который собрал самую, пожалуй, полную коллекцию писем фронтовика, писавшего с войны. Это его личные письма семье, их более четырехсот, они сохранились, были перепечатаны и оформлены в три томика (на каждого из детей). Такие письма бесценны – в них мироощущение человека воевавшего. Разве они не представляют интереса для книгоиздателя? Знаю людей, которые собрали редкие частные архивы, в них удивительные документы, предметы. Они нас и интересуют. Сейчас, к примеру, мы работаем с рукописью об истории музыкальной жизни Хабаровска».

К сожалению, книга Светланы Монаховой «И звуки музыки напомнили былое» так и не вышла в свет по финансовой причине, хотя отдельные главы исследования

В клубе «Краевед»

публиковались в журналах «Дальневосточный краевед» – специальных выпусках «Вестника Дальневосточной государственной научной библиотеки».

«Наши книги могут показаться не всем по карману, стоят они не копейку, не рубль. Но у них достаточно высокий дизайн, качественная полиграфия, оформление – таков наш ориентир на мировые образцы, – говорил Буря. – Например, фотоальбом «Планета Харбинъ». В этом издании использованы документы и материалы

Негидальский букварь

Издание 1990 года

Книга Н.П. Матвеева

из редких фондов научной библиотеки и краевого архива.... Рукопись И.И. Кандаурова о символике Хабаровского края тоже не случайно оказалась у нас. Покойный И.И. Кандауров показал ее нам, но нужна была доработка, придание рукописи большего общественного значения. Так появился соавтор – историк О.Ю. Стрелова. Мы получили поддержку администрации края, педагогического университета, других организаций и выпустили книгу как учебно-методическое пособие для учащихся. В ней освещена история краевой геральдики, описаны ее символы, существовавшие в прошлом и утвержденные недавно.

А вот записная книжка горожанина (Хабаровск 1997—1998) — полностью наш издательский проект. Она задумана как справочно-познавательная. Вообще это будет серия книг «Город на ладони» не только о Хабаровске, но и о других городах, об их истории, сегодняшнем дне, со справочным материалом, хроникой событий, рекламой…»

К великому сожалению, далеко не все прекрасные идеи и проекты, которыми фонтанировал Виктор Петрович (не зря краеведы называли его генератором идей), смогли осуществиться. В свет вышло лишь три выпуска прекрасных информационно-справочных изданий «Хабаровск – город на ладони».

В общей сложности «Частная коллекция» с главным редактором Виктором Петровичем Бурей издала более 40 книг: сборники документов Государственного архива Хабаровского края, материалы научных конференций, проходивших в Хабаровске, учебники и учебные пособия для средних школ и хрестоматии дальневосточной литературы, словари и учебники на языках коренных народов Хабаровского края и многое другое.

«Очень интересно было работать над книгой «Я мальчишкой видел «Колумб», – вспоминал Виктор Петрович. – Ведь она сделана на основе личного архива старейшего краеведа Хабаровского края Алексея Федоровича Краснова. Мне пришлось выступать в книге не просто в роли редактора, а в роли составителя. Потому что материала было очень много, сам Краснов никак не мог выделить что-то, самостоятельно решить от каких материалов отказаться. Это и понятно, ведь для него каждое письмо, каждая строчка из собранных материалов – годы поисков».

Особая гордость «Частной коллекции» – издание первого (и единственного в мире!) негидальского букваря с прекрасными иллюстрациями китайского художника Хао Шоумина.

Работая над изданием той или иной книги, Виктор Петрович часто обращался за консультацией к другим краеведам. Он вообще считал очень важным моментом в краеведческих изысканиях «чувство локтя, чувство товарищества коллег по интересам». «Что-то уточнить, спросить, попросить проконсультировать и самому поделиться, если известно тебе что-то такое, что может помочь другим краеведам. Существует и конкуренция, а как без нее. Это как в спорте – кто быстрее. Любому хочется быть первым», – говорил он.

Кобе (Япония). Н.П. и М.Д. Матвеевы и дети, которые выросли в эмиграции. 1936

В дар будущим исследователям

Мне кажется, чувство конкуренции было не слишком развито у Виктора Бури. Он делился своими наработками щедро и бескорыстно. Так случилось и в ситуации, когда случайно, разыскивая совсем другие документы, обнаружил публикации Николая Петровича Матвеева-Амурского – главы известнейшей литературной династии, которая внесла неоспоримый вклад в развитие истории, литературы, культуры, печати, библиографии и краеведения Дальнего Востока. Эти материалы Н.П. Матвеев-Амурский в 1920-е годы отправлял из Японии в Берлин для публикации в эмигрантской газете «Руль».

Н.П. Матвеев. Япония. Конец 1920-х

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

В очередном письме из Жироны (Каталония), где он тогда гостил у дочери, Виктор Петрович просил опубликовать эти материалы или сохранить в архиве клуба «Краевед» ДВГНБ, активным членом которого он был много лет. «Может, когда-нибудь кому-нибудь пригодится. Особенно николаевцам, которым интересна их «бразильская ветвь». Ну и матвееведам – особенно «людоедская» тема Николая Амурского», – писал Виктор Петрович.

Русская ежедневная эмигрантская газета «Руль» выходила в Берлине в 1920–1931 годах тиражом около 20 тысяч экземпляров. В числе ее редакторов был писатель В.В. Набоков, публиковавший там свои стихи под псевдонимом Е. Сирин. В первые годы газета имела популярность, увеличивался ее объем, но когда центр российской эмиграции переместился из Берлина в Париж, стала терять свое значение и в итоге прекратила существование.

Виктор Петрович Буря, просматривая экземпляры «Руля», имеющиеся в электронном фонде Государственной публичной исторической библиотеки (там хранятся неполные комплекты за 1921–1926 годы), обнаружил те самые публикации Николая Петровича Матвеева-Амурского, отправленные им в редакцию из Японии.

Несколько слов о Н.П. Матвееве-Амурском. Он обладал многими талантами – писал стихи и рассказы, его перу принадлежит очень популярная книга «Краткий исторический очерк г. Владивостока. 1860–1910 гг.», написанная к 50-летнему юбилею города. Николай Петрович был редактором и издателем владивостокской газеты «Далекий край» и первого на Дальнем Востоке художественно-иллюстративного журнала «Природа и люди Дальнего Востока», в его типографии в 1912 году напечатали путеводитель по Японии, составленный сотрудником владивостокской газеты «Восток» А. Поповым.

Его жизнь была связана с Японией с самого рождения. Считается, что Николай Петрович был первым русским ребенком, родившимся в 1865 году в этой стране – его отец нес службу в городе Хакодате. Через три года семья Матвеевых вернулась в Россию. Сначала они жили в Николаевске-на-Амуре, где отец вскоре умер от чахотки, а в 1877-м Николай Матвеев оказался во Владивостоке. В 1902 году он впервые отправился в Японию в качестве корреспондента газеты «Дальний Восток» и там совершил поездку из Хакодате до Нагасаки, проехав Японские острова с севера на юг. Позднее он еще не раз выезжал в Японию, которую очень любил, и в составе туристических групп, и в качестве корреспондента «Голоса Приморья».

Неудивительно, что когда в 1919 году во Владивостоке хозяйничали колчаковцы, и над Матвеевым-Амурским нависла угроза ареста, Николай Петрович с женой и тремя младшими детьми (а всего у Матвеевых их было двенадцать) Михаилом, Глебом и Анатолием уехал в Японию. Здесь он прожил более 20 лет. Заведовал русской библиотекой, продавал старые книги на русском языке, продолжая заниматься издательской и литературной деятельностью — издавал журнал «Русский Дальний Восток» на русском и английском, выпустил в Осаке хрестоматию для чтения, японско-русский словарь, русско-ки-

тайский словарь, сборник стихов Пушкина и опубликовал детские книжки, которые подписывал псевдонимом Дед Ник. Японцы признают, что Матвеев-Амурский своей активной литературной деятельностью внес серьезный вклад в распространение российской культуры в Стране восходящего солнца.

Продолжалась и его журналистская деятельность: Матвеев-Амурский сотрудничал с разными газетами, отправлял статьи в Америку, в издававшийся в Маньчжурии журнал «Рубеж», в русскую эмигрантскую газету «Руль», где их спустя почти 100 лет и обнаружил Виктор Петрович Буря.

От нашего японского корреспондента

Открывшиеся материалы, связанные с личностью Н.П. Матвеева-Амурского, без сомнения, представляют большую ценность, потому что дают новые знания о судьбе этого неординарного человека. Выполняя пожелание ушедшего из жизни замечательного дальневосточного краеведа Виктора Петровича Бури, мы публикуем три статьи Н.П. Матвеева-Амурского за 1925–1926 годы из берлинской газеты «Руль», которые вызовут несомненный интерес у современных краеведов.

ЛЮДОЕДСТВО ВО ВЛАДИВОСТОКЕ¹

В японской газете «Асаху Осака» от 21 декабря помещена заметка о потрясающем происшествии во Владивостоке, написанная со слов прибывшего оттуда в Цуругу японца Хиби Стихель. В городе Владивостоке с лета этого года начали часто пропадать дети. Поиски их не приводили ни к каким результатам. Некоторые говорили, что стало плохо жить в городе и потому, вероятно, дети бегут заграницу. Постепенно число потерявшихся детей все увеличивалось и увеличивалось. Родители неоднократно обращались к местным властям, но к розыску детей никаких мер не предпринималось. Дошло дело до того, что родители уже сами стали угрожать властям, в случае если никаких мер принято не будет.

Что предприняли власти после этого, в заметке не пояснено, но случайно, один милиционер сделал наблюдение: какой-то человек, на вид рабочий, давал мальчику 2 рубля за то, чтобы тот шел на «Вторую речку» (местность во Владивостоке). Милиционер пытался проследить за мальчиком, но неудачно. Однако на «Вторую речку» было обращено внимание и в подполье одного пустого дома была найдена детская голова и скелет, мясо с которого было срезано. Таким образом была обнаружена ужасная истина и только после этого власти начали производить следствие и разыскивать виновников похищений.

Общее количество потерявшихся детей, по словам рассказчика, около 60. Все это мальчики в возрасте от 4 до 18 лет. Очевидно – четырехлетние не могли бежать за границу.

¹ В статьях частично сохраняется орфография и пунктуация оригинала.

Рассказчик высказывает по поводу этого происшествия некоторые свои соображения. Во-первых, о возможности появления во Владивостоке действительно голодающих, так там, по его словам, имеется около 6 000 безработных. Надо бы заметить, что эта цифра скромная, ибо, по другим сведениям, безработных там гораздо больше. Он полагает, что людоеды явились с Кавказа, где будто то бы уже было людоедство. Очевидно, он слышал лишь о случаях людоедства на Кавказе и не знает совсем о многочисленных случаях его во всей советской России. Во Владивостоке предполагают даже, что существует обширная «торговая» организация по торговле человеческим мясом.

В анналах далекого Приамурья были записаны некоторые случаи людоедства, но происходило это в совершенно ненормальной жизни. Ядовитые критики графа Н.Н. Муравьева-Амурского указывали, что во время его Амурской экспедиции, для занятия Приамурья, было несколько случаев людоедства, но все-таки не так много. Затем людоедство было на Сахалине, когда партии каторжан делали попытки сбежать с проклятого острова и блуждали по тайге.

Я помню, как более тридцати лет тому назад, мне удалось узнать о таком случае людоедства на этом острове и поместить по этому поводу заметку во владивостокской газете «Владивосток». Заметка эта обошла буквально всю русскую прессу, а также была переведена на английский язык и помещена в газете «Таймс». Этот случай произвел тогда большую сенсацию. Как по этому поводу, если не всегда прямо, то иносказательно громили тогда царское правительство. Впрочем, заграничные русские революционеры и иностранные газеты совершенно не стеснялись в выражениях по поводу этого правительства, привязавшись к случаю людоедства.

Теперь людоедство докатилось до Владивостока, «куда со всех концов земли», когда-то шли корабли и где буйно кипела жизнь.

Николай Амурский «Руль», 7 февраля 1925 г. № 1271. С. 1.

В ЯПОНИИ Новые бразильцы

Как-то проходя вечером по улице Кобе, я заметил стоявшую у лавки толпу европейцев, в которых не трудно было узнать своих, русских. С ними оказался, в качестве сопровождающего, один из проживающих в Кобе бежениев.

- Что это за народ? спросил его я.
- Бразильцы. С северного Сахалина, бывшие николаевцы.

И он назвал мне знакомые фамилии.

Между ними оказалась семья бывшего полковника Г., судьба которого по перенесенным страданиям, поистине замечательная. Полковник – участник великой войны, на которой был контужен и вследствие этого оглох на одно ухо. Затем, во времена Колчака, он был интендантом в городе Николаевске, где и находился в

момент захвата города большевиками-партизанами. Он с его семьей подвергался большой опасности во время сражения, происходившего в городе между японским отрядом и партизанами, когда квартира его была обстрелена. Когда был произведен арест николаевских буржуев и офицеров, был арестован и посажен в тюрьму и он. Во время посещения тюрьмы пьяными партизанами и разными подонками тюрьмы, полковника узнал его бывший денщик Иванов. Он обещал полковнику походатайствовать за него. Действительно, полковник через некоторое время был освобожден. Около двух месяцев он находился на свободе. Затем его снова взяли и связанного, вместе с партией других, провели в трибунал для того, чтобы отсюда вести, как это всегда делалось, на убой на р. Амур. Когда он стоял в партии, появился бывший денщик Иванов, и его стараниями полковник был освобожден. Боясь возвращаться домой, во избежание нового ареста, полковник просил Иванова проводить его до дома. Иванов просил подождать его в одной из комнат трибунала. Когда Г. сидел и ждал Иванова, появился какой-то партизан.

– Ты бывший офицер, – сказал он Г., и арестовал его.

Беднягу снова связали и присоединили к партии идущей на р. Амур на гибель. И снова явился спаситель Иванов и снова спас Г. После этого последний ушел в тайгу, где и оставался до прихода японцев. А большевики уже его искали.

Во время появления в Приморье Меркулова, Г. поселился сначала во Владивостоке, а затем поехал на север по пушным делам. Когда большевики ликвидировали отряд Пепеляева, Г. находился около Аяна. Вместе с другими был арестован и он. На его счастье его приняли за купца и никто не знал, что он бывший военный. Его освободили и разрешили ему ехать во Владивосток.

Через некоторое время он исходатайствовал право ехать снова на север с заездом в п. Александровск на сев. Сахалине, якобы за получкою жалования от того купца, который посылал его на север. Съехав на берег в Адександровске, он уже назад на пароход не вернулся.

В последнее время он узнал, что его большевики искали для расправы. И после четырех лет мытарств он едет в Бразилию.

В этой же партии едут Н-ы потерявшие в Николаевске отца, мать, брата и сестру. Н-ых трое: две барышни и один юноша. Во время террора в Николаевске они сбежали в тайгу. Отец, мать с двумя малыми детьми остались дома в надежде, что старых да малых нет никакого смысла для большевиков трогать. Но хулиганы решили иначе — они всех, старых и малых, расстреляли. Другой — бывший староста в Николаевске во время пребывания там японцев, уехавший после эвакуации Николаевска на остр. Сахалин, в пост Александровский. И, наконец, один старый моряк.

Едут с семьями. Всего 19 человек. Решили бросить Сахалин и ехать за тридевять земель и морей из опасения попасть в обезьяньи лапы после эвакуации японцами Сахалина, которая возможна в скором времени. Они рассказывают, что человек пятьсот, оставшиеся на остр. Сахалине беженцев из Николаевска и других

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

мест, со страхом и трепетом ожидают ухода японцев и прихода туда красных и поэтому стремятся оттуда выехать, но не все имеют средства. Многие хотели бы переселиться к японцам на южный Сахалин, но почему-то японцы на такое переселение не соглашаются. Известен лишь один случай разрешения на такое переселение.

Весною, с уходом японцев, надо ждать, что большевистская расправа, наконец свершится над последним, до ныне недосягаемым для них, местом. Жертвы неминуемы. Отъезжающей в Бразилию группе много помогли хлопоты японских властей. Они исходатайствовали им разрешение на въезд, льготный проезд на одном из японских пароходов «Аba Mapy».

Переписка о разрешении происходила через бразильского посланника в Китае, ввиду отсутствия (отпуска) посланника в Японии. Бразильское правительство без большой охоты ныне допускает русских эмигрантов. Причина, говорят, та, что одна партия, прибывшая в Бразилию, сумела уже принять участие в антиправительственном заговоре. По-видимому — большевистская работа.

Нашим эмигрантам предстоит длинный путь: Сингапур, Сайгон, Коломбо, мыс Доброй Надежды, Аргентина и Сантос в Бразилии. Предстоит двухмесячное плавание. Едут в каютах 2-го класса по 300 іен с человека (вместо нормальных 560 іен). Все предполагают сесть на землю, обзавестись фермами. Будто им уже обещана земля.

Куда только не бросает ныне судьба русских людей. На этом же пароходе едет в Бразилию партия японских эмигрантов – 300 человек. Они везут с собой очень много вещей и даже дома в разобранном виде.

> Ник. Амурский «Руль», 4 марта 1925 г. № 1292. С. 1, 2.

ВЕСТИ С ОСТРОВА САХАЛИНА

Вести об острове Сахалин и с самого острова довольно скудны.

Хотя на острове и издается советская газета, она, конечно, пишет о мировой революции, о кознях буржу-азного мира, о невероятных урожаях в СССР и так далее, но очень мало о самом интересном – о современном положении острова и о его насущных нуждах и способах их удовлетворения.

Частные письма с острова очень редки и очень осторожны, но, тем не менее, из них есть возможность коечто узнать.

Первое время царствования большевиков на острове они вели себя довольно скромно. Разумеется, прежде всего, взялись за обработку молодежи. Письма, получавшиеся от представителей этой последней, были полны описаний разных праздников по случаю воцарения большевиков. Конечно, возникли и комсомолы, и пионеры, и другие их большевицкие излюбленные организации.

Большинство из молодежи радовалось наступившему с приходом большевиков оживлению и письма ее представителей дышат праздничным настроением.

Более взрослые и опытные люди писали очень осторожно и намечалось их беспокойство отсутствием работы.

Во время пребывания там японцев, население работало на них и имело постоянный заработок. Японцы, вместе с уходом войск с острова, прекратили всякие работы и почти все население острова оказалось безработным.

Сейчас получилось известие, что жители острова подали петицию советской власти о предоставлении им работы для существования. Пока что населению угрожают налогами, сборами и прочими скорпионами, так как центральная власть требует «самоокупаемости» острова.

Никогда, даже в самые лучшие дни Сахалина – он не мог себя окупать и жил на государственные ассигнования.

В дальнейшем для процветания острова необходимо устройство здесь порта (как давным-давно предполагалось в Александровске). Устройства порта потребует расхода в несколько миллионов рублей. Где их взять.

Существующий порт открыт для всех ветров, а они здесь дуют иногда по несколько дней подряд, разводя такое волнение, что о выгрузке или нагрузке не может быть и речи.

Вообще полагать, что остров может быть колонизирован и приведен к благоустройству его собственными средствами – невозможно, даже если бы японские концессии дали самые блестящие результаты.

На самодеятельность же и энергию местных жителей надеяться положительно нет никаких оснований. Они настолько малокультурны и деморализованы вообще, что наоборот здесь возможно самое худшее — голодовка, если опять таки не выручат и не дадут им работы японские концессии.

Только что получилось известие о печальной судьбе бывшего члена Петропавловского окружного суда Емельянова, оставшегося на острове после эвакуации его японцами. Емельянов был арестован и заключен в тюрьму, а затем куда-то вывезен... Боятся худшего.

Ник. Амурский «Руль», 12 января 1926 г. № 1553. С. 1.

Николай Петрович Матвеев-Амурский умер в Японии 10 февраля 1941-го на 75-м году жизни. Он очень скучал по родине. В 1919 году написал стихотворение «На чужбине».

А я один, для всех чужой, Бреду извилистой тропой, И, как железная доска, Неутомимая тоска Волнует грудь, терзает ум, И под напором мрачных дум Я вижу край, где вновь и вновь Несется стон и льется кровь... И не несут душе утех: И эта песнь, и этот смех.

Опережая время

Павел Лукич Фефилов. «Георгий Седов». Комсомольск-на-Амуре: OOO «Агора», 2021

Елена ГЛЕБОВА

От замысла до выхода в свет этой книги ровно 30 лет. Еще в 1991 году в Хабаровске было опубликовано исследование Павла Лукича Фефилова «Георгий Седов на Дальнем Востоке». В издании 2021 года автор раздвинул географические рамки и создал объемный, наполненный важными историческими деталями портрет русского офицера, выдающегося полярного исследователя Георгия Яковлевича Седова.

Но сама тема появилась в жизни Фефилова еще раньше. В 1978 году он познакомился с крупным российским ученым и исследователем Русского Севера Ксенией Петровной Гемп. В широкой сфере ее научных интересов Георгий Седов всегда занимал особое место. Они были

Георгий Седов

Павел Лукич Фефилов

знакомы, встречались в Архангельске и Петербурге, а позднее, уже после гибели полярника, Гемп переписывалась с женой Георгия Яковлевича, многие годы собирала бесценные свидетельства его жизни – архивные материалы, фотографии, семейные реликвии. Ксения Петровна подарила дальневосточному краеведу Павлу Фефилову снимок парусно-паровой шхуны «Святой великомученик Фока», на которой команда Георгия Седова отправилась из Архангельска в экспедицию к Северному полюсу. И словно благословила на десятилетия поисков новых сведений о человеке, чья роль и в истории России, и Дальнего Востока неоспорима.

Немаловажно и то, что сам Павел Лукич Фефилов родом из Архангельска, в 1943 году еще подростком был учеником рулевого в рейдовом флоте Главсевморпути во времена лендлиза, после окончания судостроительного техникума приехал в Комсомольск-на-Амуре и до выхода на пенсию работал на судостроительном заводе. Одновременно занимался краеведением (с 1988 года он действительный член Русского географического общества), рисовал, писал книги, публиковал статьи в дальневосточных и российских изданиях, участвовал в научных конференциях.

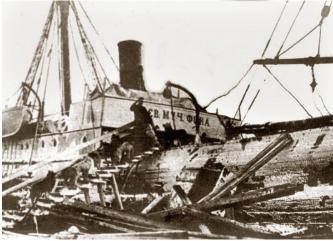
«Прошло более ста лет с тех пор, как перестало биться сердце известного полярного исследователя Георгия Яковлевича Седова, патриота России, решившего штурмовать неизведанные вершины Северного полюса, – пишет в предисловии Павел Фефилов. – Образ Седова и сегодня представляет огромный интерес, поскольку до сих

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Георгий Яковлевич Седов

Парусно-паровая шхуна «Святой мученик Фока»

пор по-настоящему еще не изучен дальневосточный период его службы и деятельности. Получалось так, что Седова более всего знают по его делам и инициативам, связанным с подготовкой экспедиции к Северному полюсу, а многие биографические подробности дальневосточного периода оказались преданы забвению».

Восполняя этот пробел, автор рассказывает, какую роль сыграл Седов в развитии пароходства на Нижнем Амуре. Обращаясь в 1905-1907 годах к руководству Приамурского края, Георгий Яковлевич доказывал необходимость организации рабочего пароходного сообщения между рыбалками Сахалина и низовий Амура, упорядочения вылова, засолки и вывоза рыбы в отдаленные центры России; просил разрешение открыть срочное пассажирское сообщение между Николаевском-на-Амуре и Сахалином; аргументировал важность формирования дальневосточного парка речных и морских судов, создания лоцманской службы. Используя собственный опыт мореплавателя и знание Арктики, он рассматривал возможность прохода военных кораблей Северным морским путем и в связи с этим выступал с предложением преобразовать расположенный в удобной гавани Петропавловск в крупный порт. В тот период новаторские проекты Седова поддержки не получили, но будущее подтвердило их правоту.

Собранные Павлом Лукичом Фефиловым исторические материалы, глубокий анализ деятельности Седова доказывают главное: он жил, опережая время. И все, что делал – ради Отечества. Недаром после падения Порт-Артура написал капитану Александру Ивановичу Русину пылкие, но, без сомнения, искрение слова: «Я хочу выполнить свой долг, чтобы принести удовлетворение своим душевным порывам – постоять за Родину!»

Георгия Седова, как это часто бывает с неординарными людьми, в среде современников воспринимали неоднозначно, споры о мотивации его поступков и причинах гибели экспедиции к Северному полюсу продолжаются до сих пор. Но время, позволяя увидеть главное на расстоянии, само дает ответы. Именем Седова назван архипелаг в Карском море, ледник и мыс на о. Гукера в архипелаге Земля Франца-Иосифа, мыс в Антарктиде, остров в Баренцевом море, два залива и пик на Новой Земле – в общей сложности 11 географических названий. Деятельность Георгия Седова тесно связана с историей целого ряда приамурских сел -Софийского, Мариинского, Богородского в Ульчском районе Хабаровского края. Именно он составил первую карту поселка Маго и его окрестностей, что в Николаевском районе.

Георгий Седов давно стал символом мужества, его судьба вдохновляла писателей и кинематографистов. И каждый новый знак памяти, а среди них книга Павла Лукича Фефилова, укрупняет личность Седова, делает ее ближе и понятней.

Фото из открытых интернет-источников: https://www.rgo.ru; https://my-sedovo.narod.ru; https://будущее-арктики.рф

История в ближайшем рассмотрении

Авторская программа «Русское богатырство»

Сергей РОМАНОВ

Знакомый офицер по воспитательной работе рассказал, что раньше к ним попадали новобранцы, практически не знающие своей истории, хотя изучали ее в школе в достаточном объеме. Сейчас ситуация иная: молодежь историю не только не знает, но и не интересуется ей, что намного хуже. Так родилась идея особой методики, которая, с одной стороны, похожа на музейную педагогику, но отличается тем, что ее первоочередная цель не в передаче информации, а в формировании мотивации познавать. Тогда человек ощутит себя частью своей истории и культуры, почувствует личную ответственность за сохранение главных ценностей. Речь идет о моей авторской программе «Русское богатырство».

Академическая история как наука, несомненно, является в первую очередь достоянием профессионалов. В то же время история, особенно история отечества, нужна всем и каждому. Нельзя представить себе полноценную личность, не обладающую долговременной памятью, так же как и общество без памяти исторической.

Процесс познания у человека основывается на рефлексии - «вмысливании» в изучаемое и эмпатии или, иными словами, «вчувствовании». Но есть также и третий путь практического и духовного познания мира – искусство. К нему относится и эпическое наследие. Российский лингвист, фольклорист, историк литературы Ф.И. Буслаев в работе «Бытовые слои русского эпоса» писал: «Вполне можно сказать, что русский народный эпос служит для народа неписаною, традиционною летописью, переданною из поколения поколение в течение столетий. Это не только поэтическое воссоздание жизни, но и выражение исторического самопознания народа». Таким образом, фиксация исторических событий в произведениях искусства, их фольклоризация не являются искажением истории вследствие «ненаучного подхода». Это не сказка с ее установкой на вымысел, поскольку в основе лежат реальные факты.

Автор книги «Киевская Русь» академик Б.Д. Греков отмечает, что в былинах «...могут быть неточности в хронологии, в терминах, тут могут быть фактические ошибки, объясняемые тем, что опоэтизированные предания не записывались, хранились в памяти отдельных людей и передавались из уст в уста, заменяясь иногда аналогичными более поздними фактами, но оценка событий здесь всегда верна и не может быть иной, поскольку народ был не просто свидетелем событий, а субъектом истории, непосредственно творившим эти события, самым непосредственным обра-

зом в них участвовавшим... Народное предание правдиво и искренне, потому что это голос подлинной жизни».

М.И. Стеблин-Каменский в своей работе «Мир саги» утверждает: «Историческая правда» - назовем так правду, представленную в истории как науке, - это точное сообщение о том, что было. Автор этого сообщения верит, что его сообщение о прошлом точно, или по меньшей мере хочет, чтобы другие верили этому. Но многообразие единичных фактов прошлого неисчерпаемо. Точно можно установить только некоторые отдельные факты прошлого. Действительность прошлого во всей его живой полноте не может быть содержанием точного сообщения, представляющего собой историческую правду. Во всей ее живой полноте действительность прошлого может быть только синтезирована, воспроизведена в результате творческого обобщения т. е. быть содержанием произведения, назначение которого - вызвать яркое и живое представление о действительности прошлого, а не сообщить о нем точные сведения».

Размышления ученого не вызывают сомнения, ведь история есть непрерывный и динамичный процесс, а делая акцент только на фактологию, мы получаем лишь отдельные факты, причем в субъективном изложении того, кто нам их сообщает. Происходит примерно то, о чем пи-

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Участник программы «Русское богатырство»

шет И.В. Гете в «Фаусте»: «Во всем подслушать жизнь стремясь, /Спешат явленья обездушить, /Забыв, что если в них нарушить /Одушевляющую связь, /То больше нечего и слушать».

Мы живем в идеационном обществе, где исторически государствообразующей и культурообразующей идеей является православие, поэтому методика «Русского богатырства» была подсказана еще и главным таинством Русской православной церкви – причастием, во время которого не передаются знания о творце мира, а человек просто соединяется с ним и меняется изнутри, в своем мировоззрении, мировосприятии... Убежден, что ощутить себя частью русской истории и культуры первичнее и важнее усвоения отдельных сведений о ней.

Нам много говорили о преобладании «общечеловеческих ценностей» над всеми другими, что на поверку оказывается простым евроцентризмом. А вот попытка упразднить национальное разнообразие и объявить ценности от-

«Русское богатырство». Наглядные пособия

дельной цивилизации общечеловеческими ведет к забвению и размыванию собственной истории и культуры, нравственных понятий добра и зла, прекрасного и безобразного, ради чего стоит жить и во имя чего не страшно умереть.

Утрату своей национальной самоидентификации можно рассматривать как амнезию (заболевание с утратой памяти) в социальном плане. Социологи считают, что архетип сознания неуничтожим, пока жив носитель, но под воздействием внешних обстоятельств способен менять точку приложения, то есть искажаться. Один из способов снятия такой амнезии – помещение человека в контекст его прошлого, его истории. Создание определенного аудиовизуального комплекса, подключение по возможности дополнительной сенсорики помогают усилить воздействие. Например, в картинной галерее лекция может проводиться среди экспонатов, отражающих данную эпоху или аналогичное историческое событие или порожденную им легенду. Поэтому важную роль играет использование предметов, новоделов и реплик, которые можно взять в руки, внимательно рассмотреть. А кроме того, это облегчает запоминание и снижает утомляемость слушателей.

В программе «Русское богатырство» используют самые разные материалы. Это карты, фотографии из экспедиций клуба «Град Китеж», связанные с заданной тематикой. В числе новоделов старинного оружия X-XIII веков кольчуга, пластинчатые доспехи, шлем, мечи, булавы, сабли, «шумящая» плеть, лук составного типа и другие. Среди музыкальных инструментов есть новодел звончатых (лировидных) гуслей XI века, созданный по материалам Новгородского центра музыкальных древностей. Важны и археологические находки – наконечники стрел X–XIII столетий, наконечник рогатины XII века, фрагмент кольчуги XVII века, «вислые» печати Владимира Мономаха, Рюрика Смоленского, Мстислава Удатного. Дополняют картину новоделы креста-мощевика (энколпиона), прототип которого найден в слое XII века на месте городища Княжая гора под Киевом, и шейной гривны полянского типа, сделанной по археологическим находкам в смоленских курганах. Во время тематической беседы эти предметы выдаются слушателям, их можно не только осматривать, но и примерять.

Культурно-просветительские занятия по методике «Русского богатырства», посвященные какому-либо знаковому событию русской истории, могли бы использоваться в системе дополнительного образования, в программе «Основы православной культуры», на уроках истории, литературы, во время военно-патриотической работы. С 2000 года проведено уже 345 занятий в общеобразовательных школах, библиотеках, институтах, духовной семинарии, воскресных школах, воинских частях и на заставах, в спецназе внутренних войск, детских садах, спортивной школе, центре патриотического воспитания, молодежных досуговых центрах и на производстве.

Разумеется, стопроцентный результат – абстракция. Люди реагируют по-разному, свободную волю никто не отменял, и человек находит только то, что ищет, и берет ровно столько, сколько поймет. Но я убежден, что даже если один из ста почувствует необходимость знать родную историю, потом откроет книгу или пойдет в музей, эту важную просветительскую работу нужно продолжать. Далекие предки сберегли для нас богатое историческое и культурное наследие. Теперь наша очередь.

Странник

Русский писатель Василий Ерошенко, классик японской литературы

Елена ГЛЕБОВА

Портрет Василия Ерошенко. Художник Накамура Цунэ. Национальный музей современного искусства (Токио, Япония)

Это имя я впервые услышала несколько лет назад от сотрудников Белгородского государственного литературного музея. В небольшом разделе экспозиции несколько старых фотографий, где запечатлен юноша с роскошной кудрявой шевелюрой и мягкой улыбкой. И какая-то особенность во всем облике, нездешность. На одном из снимков он сидит в окружении молодых японцев. В спокойных азиатских лицах читается уважение и почтение к светловолосому парню с балалайкой в руках. На фотографии подпись: «Василий Ерошенко со своими учениками. Япония».

Такой была моя первая встреча с человеком-легендой Василием Яковлевичем Ерошенко (1889–1952). Его путь оказался не слишком долгим – 64 года, но по своей наполненности его хватило бы на несколько жизней. Писатель-символист, переводчик, музыкант, педагог, путешественник, Ерошенко владел двенадцатью языками, писал на эсперанто и японском, его литературные произведения переводили на китайский; жил и работал в России, Англии, Франции, Японии, Сиаме, Бирме (в настоящее время Мьянма), Индии, Китае. Был незрячим, но это не помешало стать человеком мира, потому что он обладал тем редким качеством, что называется внутренним светом. И силой духа, которая помогла мальчику из деревни Обуховки под Старым Осколом достичь небывалых высот.

До конца 1950-х в нашей стране о Василии Ерошенко практически не знали, но благодаря энтузиастам, филологам, литературоведам он стал открываться во всей многогранности. Написаны интересные исследования, по крупицам собрана биография, в 2003 году организована Международная интернет-конференция, среди материалов которой переводы с японского и эсперанто его статей, очерков, сказок. В родной Обуховке создан доммузей, и расположен он на улице Ерошенко. В 2019 году московское издательство «Молодая гвардия» опубликовало в серии ЖЗЛ книгу белгородских писателей Бориса и Александра Осыковых «Ерошенко: жил, путешествовал, писал». В декабре 2020-го в Старом Осколе прошла международная конференция «Великий незрячий», посвященная 130-летию со дня рождения Василия Яковлевича Ерошенко и 30-летию его мемориального музея, объединившая более 60 участников из разных городов России, Украины, Германии, Японии. Судьба слепого пилигрима, как назвал его Альберт Поляковский, не канула в Лету и остается такой же притягательной и волнующей.

«Я слепой. Ослеп я четырех лет отроду, – писал Василий Яковлевич. – С мольбой, весь в слезах покинул я красочный мир солнца. Ночь моя продолжается и будет продолжаться, покуда я жив, но разве я проклинаю ее? Нет, вовсе нет. Хотя ночь принесла страдания, часто робость, но я учился слушать звезды, поющие в небе, и учился познавать природу». Четырехлетний мальчик из крестьянской семьи переболел корью и ослеп, но успел запомнить краски земли, лицо матери. В 1917 году он будет выступать перед гостями и родственниками учащихся школы слепых в Бирме и скажет о том, что, утрачивая зрительные связи с окружающим миром, человек приобретает способность тонко воспринимать все внутренним взором, его воображение приобретает мистическую силу и гибкость.

Ерошенко активно работал как писатель и переводчик, но при этом всю жизнь поддерживал таких же не-

зрячих. Причем не только личным примером, но и конкретными действиями. В 1920-е годы участвовал в создании одной из первых профтехшкол по обучению слепых в селе Понетаеве Нижегородской области, преподавал русский язык, математику, технику чтения рельефно-точечного тактильного шрифта Брайля. В 1930-х заведовал республиканским домом слепых в Туркмении, разработал азбуку рельефного шрифта туркменского языка. В 1940-е работал в Загорской музыкальной школе для инвалидов Великой Отечественной, преподавал английский в Московском институте слепых, потом уехал в Среднюю Азию и занимался ликбезом в учебном заведении при Ташкентском областном отделе Узбекского общества слепых.

Его самого в девять лет отправили в Москву, в специальную школу при городском обществе призрения. Слепые дети постигали обязательные науки, обучались церковному пению, игре на музыкальных инструментах. Василий освоил гитару и скрипку, и даже окончив в 1908 году это учебное заведение, продолжал играть в школьном оркестре струнных и духовых инструментов, выступая летом на открытых площадках города, а зимой в ресторанах. Много читал, благо в школе имелось неплохое собрание книг на Брайле. Позднее, когда уже пустился в свободное плавание и зарабатывал на жизнь игрой в оркестре, платил за то, чтобы ему читали вслух произведения классиков.

Судьбоносная встреча с русской переводчицей и активисткой международного движения эсперанто Анной Шараповой перевернула всю его жизнь. Начался путь странника и страстно увлеченного человека. Наделенный даром полиглота, Ерошенко легко овладел этим международным языком и при поддержке эсперантистов в 1912 году поехал в Англию, где получил возможность учиться в Королевском институте слепых. Быстро заговорил по-английски, а через два года отправился в Японию и стал студентом Токийской школы слепых. «Поистине могу сказать, что лампа Алладина не могла бы помочь мне больше, чем зеленая звездочка – символ эсперанто, – написал Василий Ерошенко в очерке «Мое первое заграничное путешествие». – Я уверен: никакой джинн из арабских сказок не мог бы сделать для меня больше, чем гений реальной жизни Заменгоф, творец эсперанто».

В исследованиях жизни Василия Ерошенко есть сведения, что еще в Лондоне он увлекся культурой Востока, изучал древний пали, на котором создавались канонические буддийские тексты, делал первые шаги в японском, переписывался с эсперантистами этой страны, а также Кореи, Бирмы. В Токио русского парня с неизменной гитарой за плечами и тросточкой встретил член Императорской академии наук и эсперантист Накамура Киё и не только приютил в своем доме, но и оплатил обучение в школе слепых массажистов. В качестве вольнослушателя Василий Ерошенко изучал медицину, японский язык, литературу, психологию и учился игре на традиционных музыкальных инструментах кото и сямисэне.

И были новые встречи, знаковые в судьбе странника из России. Драматург Акита Удзяку ввел его в среду литераторов и журналистов, и со временем Ерошенко тоже взялся за перо. Он пишет на японском «Рассказ бумажно-

Василий Ерошенко в Японии

Василий Ерошенко и его российские ученики. Фото из архива Бориса Осыкова

Василий Ерошенко и китайский писатель Лу Синь. 1920-е

ЛИТЕРАТУРА

Дом-музей Ерошенко в Обуховке

го фонарика», «Дождь идет», и эти рассказы публикуются в журналах «Кибо» («Мечта»), «Васэда бунгаку» («Литература университета Васэда»). Читает лекции о русской литературе в Токийском университете и университета Васэда. После знакомства с Агнес Болдуин Александер, американской писательницей и последовательницей бахаизма, он первым сделал перевод с английского на эсперанто «Сокровенных слов» Бахауллы, основателя этого религиозного направления, и его издали в Токио в 1916 году. Художник-модернист Накамура Цунэ в 1920 году написал портрет Василия Ерошенко. Эта работа, словно пронизанная солнечными нитями, сегодня хранится в Национальном музее современного искусства в Токио.

В 1921 году в Японии вышла его первая книга «Песни предутренней зари». За изящество стиля Ерошенко нарекли поэтом, а Акита Удзяку написал, что он первый русский, покоривший сердца японцев. Имя Василия Ерошенко, или Эро-сан, как его называли в этой стране, вошло в японские энциклопедии, его причисляют к классикам японской детской литературы.

«Слишком мало земли и слишком много счастья», – отозвался Василий Ерошенко о Стране восходящего солнца. С небольшими перерывами он прожил здесь семь лет, написав свои лучшие рассказы и сказки-притчи. В 1921 году власти обвинили его в связях с социалистами, арестовали и выслали из Японии. Путь странника лежал во Владивосток, но на российском Дальнем Востоке бушевала Гражданская война. Добраться до родных мест оказалось невозможно, и Ерошенко решил пойти в Ки-

тай. В прямом смысле слова – по шпалам. Пересек границу и с большим трудом добрался до Харбина, где жил его друг Никонэ Хироси. Он познакомился с известным писателем Лу Синем, который перевел с японского на китайский двенадцать сказок Василия Ерошенко и пьесу «Персиковое облако». Позднее они вошли в двадцатитомник китайского классика как переводные произведения. По рекомендации Лу Синя Ерошенко пригласили в Пекинский университет, где он вел курс эсперанто и на этом же языке читал лекции о русской литературе.

Василий Ерошенко, получивший теперь имя Айлосянькэ, стал заметным явлением в литературных кругах Китая. И все же, по мнению кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка и литературы Белгородского государственного университета Натальи Невзоровой, в России о нем узнали исключительно благодаря Японии в конце 1950 - начале 1960-х годов. «В Азии изданы его собрания сочинений, его считают одним из классиков японской литературы, а на русском языке до нас дошли в авторском варианте только несколько статей, – пишет исследователь. – Причин этому много. И не последняя в том, что в Советской России сам он не вписывался ни в образ «буревестника революции», ни в идеал «строителя коммунизма». Практически все, что мы имеем, – это переводы на русский с эсперанто, китайского и японского...»

В 1923 году Василий Яковлевич побывал в Германии на международном конгрессе эсперантистов, а потом вернулся в Россию. Страсть к путешествиям привела его на Чукотку. Он добирался до самых отдаленных мест, записывал легенды и предания коренных жителей, а потом переводил их на эсперанто. Используя этот международный язык, он хотел рассказать миру о загадочном и сильном народе. А чукчи, встречавшие слепого странника, который легко правил собачьей упряжкой и путешествовал по тундре в одиночку, называли его какомэй – чудо. Свои последние годы, уже тяжело заболев, он провел в родной Обуховке. Жил трудно, практически в нищете. Сразу после смерти Василия Яковлевича Ерошенко в 1952 году все написанное им в России было сожжено, а имя предано забвению. Лишь спустя несколько лет, в конце 1950-х, завеса молчания стала постепенно приподниматься. На протяжении десятилетий российские исследователи и переводчики проделали огромную работу, сохранив для нас память об удивительном человеке, отмеченном искрой божьей, мечтавшем о счастье для всех живущих на планете. Об этом его притча «Корабль счастья», написанная в 1921 году и переведенная с японского Сергеем Аникеевым. Даже несколько строк позволяют почувствовать душу странника Василия Ерошенко, услышать музыку его литературных произведений: «В минуты отчаяния мне видится огромный Корабль Счастья. Такой огромный, что он может вместить все человечество. Причем он не так уж и далеко от нас. Я уверен, что уже скоро на нем смогут отправиться в Страну счастья не по двое, и даже не семьями, а все человечество одной семьей».

> Фото из открытых интернет-источников: https://www.museum.ru, www.belgorodbiblioteka.ru, www.persons-info.com, www.belpressa.ru/

Валентин Распутин: «С правильной дороги нас никто не собьет»

Валерий ЧЕРКЕСОВ

1.

В моей библиотеке есть книга Валентина Распутина с такой надписью: «Валерию Черкесову искренне, с самыми добрыми воспоминаниями о прошлом и надеждой на будущие встречи. Белгород. 21.03.1999». Интересна как история этого автографа, так и судьба самого экземпляра книги.

Июнь 1974 года. В Иркутске проходило совещание молодых писателей Сибири и Дальнего Востока. В один из вечеров в номер гостиницы, в котором жили мы – литераторы из Благовещенска, зашли Евгений Носов и Валентин Распутин. Их пригласил амурский прозаик Борис Машук – оба писателя руководили его семинаром. Прошло столько лет, а я до сих пор помню то удивительно умное, непринужденное, а порой и веселое общение, кстати, с минимумом горячительных и хмелящих напитков.

Евгений Иванович для нас уже был мэтром, к тому времени написал многие свои лучшие произведения, говорил он больше о своей войне, о курской природе, рыбалке. А Валентин Григорьевич был ровесником Машука – ему исполнилось 37 лет. Я тогда знал лишь его «Деньги для Марии», «Последний срок», «Уроки французского» – вот и все, пожалуй, а говорил он о новой повести «Живи и помни», которую закончил писать. Вспомнил своего друга, безвременно ушедшего в мир иной драматурга Александра Вампилова, говорил о Байкале и родной Сибири. Подробности его рассказов со временем стерлись в памяти, осталось лишь ощущение, что молодого писателя тогда многое тревожило. Хотя по официальной пропаганде 1970-е годы были временем индустриального расцвета нашей страны, возводились Братская и Зейская ГЭС, началось строительство БАМа, но наступление этой, так сказать, цивилизации и беспокоило Валентина Григорьевича. Это я понимаю теперь, а тогда в номере гостиницы «Сибирь» просто его внимательно слушал.

Через какое-то время после той встречи в Иркутске я прочитал «Живи и помни» в журнале «Наш современник» – это поистине новое слово о Великой Отечественной войне, о народных бедах и страданиях, которые она принесла. Интересно, что история, рассказанная в повести, не придумана. В одном из интервью Распутин поведал, что в детстве он видел, как через их поселок провозили дезертира, сбежавшего с фронта, запомнил выражение его лица – жалкое и безучастное. После публикации этой повести имя Распутина закономерно и прочно встало в ряд больших русских писателей.

Кстати, вместе с Борисом Машуком в семинаре обсуждался и приморский прозаик Александр Плетнев. Он был автором книги прозы, которая называлась «Чтобы жил и помнил». Что это? Похожие названия книг к Распутину и Плетнёву пришли одновременно или?.. Возможно, исследователи творчества Распутина уже ответили на этот вопрос, я же только констатирую сей факт. А Плетнёв на том

Автограф от Валентина Распутина. Фото В. Юрченко 1999

Автограф Валентина Распутина

совещании был рекомендован в писательский союз, впоследствии учился на Высших литературных курсах при Литературном институте имени А.М. Горького, издал несколько книг в столице, в том числе и роман «Шахта», который был экранизирован на студии «Мосфильм». Его книги выходили не только в нашей стране, но и за рубежом. Он жил в Омске. Александр Никитич до конца жизни поддерживал дружеские отношения с Валентином Григорьевичем.

Плетнев не единственный дальневосточный литератор, с кем дружил Распутин. О Машуке я уже говорил. Назову еще прозаиков Вячеслава Сукачева и Бориса Черных. С последним они были знакомы в молодости, в Иркутске, у них был общий друг Александр Вампилов. А позже пути разошлись. Борис за якобы антисоветскую пропаганду попал в последнюю «андроповскую посадку», отбыл пять лет в лагерях под Пермью. В 1997 году вернулся в родное Приамурье, жил в Благовещенске. Его жена Майя рассказывала, что

ЛИТЕРАТУРА

Валентин Распутин. 1999. Фото В. Юрченко

Борис однажды наведался в Иркутск, встретился с Валентином Распутиным и «хорошо, по-человечески, поговорил».

2.

В 1982 году я перебрался в Белгород, а летом 1989 года вновь побывал на Дальнем Востоке, заехал в Хабаровск и здесь купил сборник повестей Валентина Распутина. Вышел он в краевом издательстве в серии «Мужество» тиражом 75 000 экземпляров. Вернувшись на Белгородчину, однажды поехал на хутор Старый Редкодуб к родителям моей жены и там оставил эту книгу. А в следующий приезд услышал от тещи, Натальи Никитичны: «Хорошая книга. Правдивая. Душевная». Такие слова, пожалуй, мечтает услышать каждый писатель.

Я, право, был удивлен. Женщина, по сути, не училась в школе, но одолела более шестисот страниц. Причем, судя по ее оценке, не просто пробежала по тексту, но вняла ему, сопереживая персонажам, которые были ей близки. Наталья Никитична тоже была из числа много испытавших русских женщин. Войну она пережила с тремя мальчишками на руках, а муж воевал. Она не раз говорила, что ничего нет страшнее того, когда голодают и страдают дети. Когда Архип Николаевич, израненный, вернулся с фронта, его избрали председателем колхоза, а потом отправили в лагерь «за халатное отношение к колхозному имуществу» (в голодном сорок шестом от недокорма пало несколько коров), она уже с четырьмя сыновьями терпела далеко не сладкое житие-бытие.

Чем не распутинская героиня? Ее судьба простой белгородской крестьянки не менее тяжка, похожа на судьбы женщин из повестей «Деньги для Марии», «Последний срок», «Живи и помни» и, конечно же, «Прощание с Матёрой» — пожалуй, самого пронзительно-кричащего произведения писателя.

Для меня эта повесть – особая и, скажу больше, главная книга писателя. В 1967 году я, двадцатилетний журналист областной газеты «Амурский комсомолец», впервые побывал на строительстве Зейской ГЭС, которую велеречиво называли первенцем дальневосточной гидроэнергетики. Тогда в будущую плотину был уложен первый кубометр бетона. Потом я еще не раз приезжал сюда в командировки, писал об основных событиях, происходящих на стройке, – о перекрытии Зеи, образовании водохранилища, называемого рукотворным морем, поглотившим десятки поселков и сел, о пуске первых агрегатов. А о

строительстве Бурейской ГЭС я рассказывал в газете еще с изыскательских работ, о том, как возводился временный поселок у Талаканского створа, устанавливались первые ряжи и так далее. Как правило, это были бодрые, полные оптимизма репортажи, очерки и зарисовки о гидростроителях, которых именовали авангардом строителей коммунизма. Газете иного не требовалось.

А Валентин Распутин в это время писал «Прощание с Матёрой» – печальный реквием по трагически исчезающей русской Атлантиде – русской деревне; вместе с ней уходило в прошлое, в небытие и то время, и, что особенно больно, традиции и обычаи нашего народа, нашей духовной основы и опоры.

Когда я прочитал эту повесть, то уже по-иному, как бы через распутинскую духовную призму посмотрел на великие стройки, а спустя какое-то время написал несколько стихотворений. Одно из них «На Зейском море» выдохнулось явно под влиянием «Прощания с Матёрой»:

Выплывают из глубины миражами былого погосты, и поселок, как призрачный остров, закачался на гребне волны.

Голоса... Или плещет волна? Они спрашивают или молят: – В светлом будущем нас кто-то помнит?.. Да, чужая не легче вина.

Обо всем этом я и рассказал Валентину Григорьевичу весной 1999 года во время встречи на Белгородчине. Он приезжал на презентацию белгородского номера журнала «Наш современник», вместе с ним были Станислав Куняев, Александр Казинцев и Юрий Кузнецов. Я напомнил ему о давней беседе в иркутской гостинице «Сибирь». Тогда-то и появился автограф на моем экземпляре его книги.

3.

Валентин Григорьевич еще не раз бывал в наших краях. Думаю, его впечатлила история Белгородчины и особенно то, что связано с Великой Отечественной войной. Неслучайно в одном из интервью, размышляя о духовных ценностях русского народа, он сказал: «С нами поле Куликово, Бородинское поле и Прохоровское поле...».

А в тот первый памятный приезд писатель посетил легендарную Прохоровку, выступил в местном Дворце культуры. Я записал некоторые его высказывания.

«Белгородчина – земля, на которую мы смотрим с упованием и надеждой: вы не только сохранили, но и приумножаете наше основное богатство – культуру. А без нее нет духовности в народе.

Легкой жизни ждать в будущем не приходится, но я уверен, все вместе мы повернем на правильную дорогу.

В нашем народе есть хорошая черта – терпение и умение выстоять в любые, самые драматические времена.

Патриотизм – это некий генератор, который питает не только нынешнее, но и будущие поколения.

Сейчас такое время, что уже нельзя стоять в стороне, отсиживаться. Не обязательно выходить на баррикады, можно в любом деле отстаивать свою национальную позицию.

Да, стране нужны были перемены, но свои, а не чужие.

У русского писателя в произведениях обязательно должно быть чувство сострадания, совестливость, он должен любить человека.

В душе человеческой много места. Хватит его и для Звонницы, и для Прохоровского поля. Я давно хотел здесь побывать — это мой человеческий долг. И, думаю, буду приезжать еще не раз, скажу свое слово о том, что меня здесь тронуло, что взволновало, запало в душу».

А вот что говорил Валентин Григорьевич в апреле 2003 года на встрече с читателями в Белгородском институте искусств и культуры.

«Еще лет пять назад слово «патриот» было чуть ли не ругательным. Теперь быть не патриотом как бы неприлично, ими стали и «левые» и «правые». Но патриотизм – он должен быть в крови человека.

Простой и особенно деревенский народ остается самым мудрым. Ему правда диктуется самой жизнью, и свой выбор он, как правило, делает верный на любых выборах.

Русский человек никогда не согласится жить, так сказать, на юридическом основании, он живет по совестливости. А глобализация влечет за собой изменение национальных основ и для нашего народа может оказаться губительной.

Русский человек не может быть не православным, атеизм нам чужд. Я если несколько дней не бываю в храме, не причащаюсь, чувствую себя хуже. Как-то один батюшка на мои сетования, что, мол, молитвы плохо запоминаю, сказал: «Отче наш» знаешь – и этого достаточно. Главное, чтобы Бог в душе был».

Православие, духовность – это первая надежда на возрождение России.

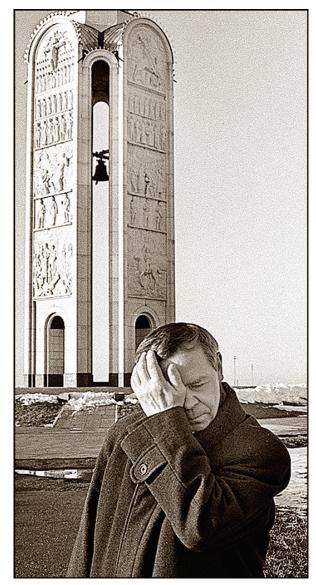
Сегодня многие книги пишутся усредненным безликим языком, от которых читатель не умнеет, а глупеет.

Я считаю: несмотря ни на что, большая часть нынешней молодежи нравственна, с правильной дороги нас никто не собьет».

Поразительно: сказанное писателем много лет назад, актуально и сегодня. Перечитайте: «С правильной дороги нас никто не собьет». Давайте верить в это, как верил русский писатель Валентин Григорьевич Распутин, и хоть чтото, хотя бы самую малость, для этого делать.

Последняя встреча с Валентином Григорьевичем произошла в феврале 2008 года. В Москве проходил съезд Всемирного русского народного собора. После открытия форума писатели – участники съезда перебрались в Центральный дом литераторов, где в Большом зале шла работа писательской секции.

Народа в зале было немного, гораздо меньше, чем в буфетах. Я вошел, когда выступления уже начались, устроился в одном из крайних кресел. Через какое-то время почувствовал: кто-то присел рядом. Повернул голову – Валентин Григорьевич! Мы пожали руки. Когда же наступил перерыв, я спросил, давно ли он из Иркутска. Это было уже после того, как в авиакатастрофе погибла его дочь Мария, поэтому других вопросов не задавал. Что он ответил, не помню, только одну фразу: «Я сейчас мало читаю, да и почти ничего не пишу». Тогда невольно вспомнились слова из одного его интервью. Звучали они примерно так:

Валентин Распутин на Прохоровском поле. 2003. Фото Ю. Коренько

«После шестидесяти лет писатель живет на «сухарях», но и в это время еще можно сделать что-то стоящее».

Валентин Григорьевич успел многое. Его лебединой песней стала публикация в большой книге-альбоме «По Ангаре, по Ангаре...», которая вышла в Иркутске. Ее презентация прошла уже после смерти Распутина, которая наступила 14 марта 2015 года. Он всего несколько часов не дожил до своего 78-летия. «Для меня Родина – это, прежде всего, Ангара, Иркутск, Байкал» – вот его сокровенные слова.

Недавно на литературном вечере мне подарили том повестей и рассказов Валентина Распутина, который вышел в издательстве «Эксмо» в серии «Красная книга русской прозы», с умным и сердечным предисловием друга писателя критика Валентина Курбатова. Стал перечитывать рассказ «Что передать вороне?..», написанный еще в 1981 году. Одно из последних предложений прямо-таки обожгло: «Господи, поверь в нас: мы одиноки». Да, не «помоги нам» и даже не «прости нас», как мы обычно просим, а «поверь в нас», то есть поверь в то, что мы остались и остаемся людьми, человеками, несмотря ни на какие обстоятельства, потрясения, беды. Останемся таковыми и впредь.

Счастье есть

Поэтические миры Елены Добровенской

Елена КРАДОЖЁН-МАЗУРОВА

В стихах Елены Добровенской много музыки, воздуха, света, простора. В них живет родная сторонка и большая страна, огромный мир — Земля. Дальневосточные рыбаки «в тяжелых горбатых робах, на которых чешуя светится, как медали»; «соленое солнце, уходящее в море золотою рыбой».

За строками стихотворений – Амур, Желтое море, Владивосток, Рига с фантастическим Домским собором, Урал, Сибирь и Магадан, Греция с Коринфским заливом, славный град Петра, старый лупоглазый хабаровский трамвай, Москва, Кремль, лондонский туман, Байкал, Бутырка, жаркий пляж Таиланда. В текстах сходятся Восток и Запад. Таков масштаб и размах поэтического пространства Елены Добровенской. И в этом «неограниченном пространстве», как и положено в поэзии, случаются удивительные вещи: культурный код порубежной эпохи – XX и XXI веков – начинает творить чудеса.

Сквозь шум времени слышны голоса Мандельштама и Блока, Федерико Гарсиа Лорки и Басё, Босха и Бога, Ли Бо и Эйнштейна, Пушкина, Ван Гога, Маркеса, Ванги, Карла Иваныча Росси, Лао-Цзы, двух (или трех?!) Толстых: Льва Толстого и Алексея Толстого (которого?), Бродского, Ницше, Сартра, Шнитке... С ними перекликаются дядя Миша, Зоя, мама, дед, бабушка, рыбаки.

Ах, как густо населен этот поэтический мир!

Ажурными аллюзиями изящно сплетено посвящение Осипу Мандельшаму, круто замешанное на текстах знаменитых «Шерри-бренди», «Века-волкодава», «Мы живем, под собою не чуя страны». Стихотворение не только обращает нас к творчеству Мастера, но и заставляет вглядеться в себя и в наш век, взяв Мандельштама в проводники-посредники.

ОСИПУ МАНДЕЛЬШТАМУ

Все бредни, Мандельштам, смеющийся посредник Меж нами и звездой, наследник черных ям И ямбов, и цепей, и музыки последней. Всебредни, Мандельштам, где бренди, Мандельштам?

Не волк, скорее – вол, с воловьими глазами, Не золотистый мед, а злой Владивосток, Все бредни, Мандельштам, тебе ль не предсказали, Что на тебя – вола – найдется век твой – волк

Елена Добровенская

Что старый зек – душа – начнет орать, ликуя, Когда ты упадешь, и только солнца штамп Скрепит печатью смерть. А мы живем, не чуя... Все бредни, Мандельштам... Все бредни, Мандельштам...

Стихотворения Елены Добровенской – это тексты со сложной ассоциативной структурой, настоящие шкатулки с секретом. Хозяйка владеет ключами и тайнами смыслов. Читатель поспешный, неподготовленный, но искренне любящий поэзию, конечно, тоже найдет для себя немало интересного. Кто-то, может быть, обратит внимание на музыкальность стихов автора, попробует их напеть – и у него это обязательно получится. А поклонники творчества поэта наверняка вспомнят, что в непростом 2014 году в Москве, в издательстве «Спутник+», вышла книга «Так начинался джаз». Сборник песен (для голоса в сопровождении акустической гитары) дальневосточных авторов Романа Романова (музыка) и Елены Добровенской (текст/ стихи). Оригинальные поэтические тексты и ноты сделали книгу уникальной:

Мы окунались с дождем в купель, Мы выпевали тебя, апрель, Радуга спрятала тысячу фраз, Так начинался джаз!

У Елены Добровенской много отличных поэтических циклов, с хорошо выстроенной структурой. Ключевые стихотворения циклов, подборок стихов предполагают поэтическую интерпретацию. Судите сами: «Рыбак», «Радуга», «Обниматель котов», «Навстречу Ли Бо», «Дерево об одном крыле». Для меня «Обниматель котов» и «Дерево об одном крыле» – уже целые «повести, состоящие из одних названий», безразмерные авторские метафоры. «Дерево об одном крыле» – целиком метафорический текст, который можно назвать стратегической метафорой поэта: «Слово было в на-

чале. И Слово придет в конце». Текст этот устремлен в звездные пространства поэзии и Божьего света, а еще – отлично инструментован, оформлен красивыми звуковыми перекличками-повторами: корни – крона, солнце – слово.

Дерево об одном крыле

Зарычало внезапно дерево, будто лев. Это певчее дерево об одном крыле,

То ли пленное, то ли свободно так, Что ему улететь – ну такой пустяк,

Что оно легко оторвется от всей Земли, Поплывет в пространстве, как звездные корабли.

Эти корни касаются темных и тайных лет, Эта крона почти упирается в Божий свет.

Солнце в трещинке каждой, в певчем его лице... Слово было в начале. И Слово придет в конце.

Звукопись стихотворений Елены Добровенской может быть темой отдельного разговора или филологического исследования, она у автора – «корневая», изначальная, кажется, что сначала рождается звукоряд, ритм, мелодия, они сплетаются в солнечную сеть, а уж потом в эту сеть попадают слова-рыбины, которые выплескиваются из реки-поэзии. Вот так я воспринимаю стихотворение «Куст».

Kycm

Рыбалка. Речка. Рябь едва видна. Светлеет небо, и заря нежна, И розовые отсветы на теле, Но комары, заразы, одолели. Их, кровопийц, все больше каждый год. Напрягся спиннинг. Кто-то там клюет. Рыбак поймал огромного сома. Рыбак священнодействует – шаман! И бьет в экстазе в небо, будто в бубен, И пляшет, и с ума сошел как будто. Сом – это жизнь сама, удачи знак, Но, к счастью, я не сом и не рыбак, И знает это добрый наш создатель: Я – наблюдатель. Я – куст, из уст которого летят Слова, когда они того хотят. Рыбак уху готовит. Дух пьянящий! И куст зашевелился говорящий: «Ко мне, сюда, в движение стиха Зачем-то ваша приплелась уха, Зачем-то подвернулась ваша рыба. Сварился сом. Рыбак сомлел. «Спасибо!» Сказав кому-то, может быть, и мне... И я опять остался в тишине».

В тексте стихотворения «Куст» много музыки и вкусной звукописи, приправленной отличной паронимической аттракцией: «Сварился сом. Рыбак сомлел. «Спаси-

бо!» » или «Я – куст, из уст которого летят/ Слова, когда они того хотят».

Лингвистически объяснение явлению паронимической аттракции, или парономазии, дал знаменитый Роман Осипович Якобсон, тот самый, о котором когдато написал Владимир Маяковский в своем «Товарищу Нетте, пароходу и человеку».

Именно Р.О. Якобсон в работе «Лингвистика и поэтика» описал паронимический эффект, «эффект обманутого ожидания». Парономазия – смысловое сближение слов с подобным, сходным звучанием – широко распространенный стилистический прием в фольклоре, в афоризмах, в литературных произведениях разных жанров: Мал да удал; à la guerre comme à la guerre (на войне как на войне); Dum spiro spero. В поэзии Марины Цветаевой один из любимых приемов – паронимическая аттракция: «белорук – белокур»; «И душный ветер прямо в душу дует...».

А у нашего дальневосточного поэта – «В стихах упорно бродит Бродский».

Звукопись – несомненная примета идиостиля Елены Добровенской. Другая его примета – оригинальная цветопись и светопись. Светом «пропитаны» ее строки. Но поэт пишет не пасторально-пастельные тексты: в них и реальные страшные картины жизни, и совсем не целебная грязь, однако света всегда больше и он побеждает. Это у ее рыбаков «И чешуя на робах / Светится, как медали».

Светом пронизано стихотворение «Рыбак»:

Рыбак

Ликом вовсе не светел, Не желая побед, Он закидывал сети И вытаскивал свет.

В робе, потом пропахшей, Грузный, грязный, как ил, Мокрый и настоящий, Свет он людям дарил.

Не могу не сказать об удивительных олицетворениях и метафорах в стихотворениях Елены Добровенской: у нее гудит колокольное слово, колокольная рифма; светят глаза костра, завораживает пляска маленьких костров; у горной речки глаза слезятся; А сердце выскочит рыбой алой. / И растворится в воде устало; в стихах строятся соты из дней; синяк трепещет, и светит подобно флагу; Шевелится весенний гром; а героиня играет солнечный гимн. Ее волнует, что «В сердце Земли прицелился пулемет, / Нашу планету хотят разорвать на части».

Поэт умело нанизывает сказку на кукан рифм и ритмов. Однако в текстах стихотворений немало не только понятных всем любителям поэзии образов, но и вкраплений иных культурных кодов, делающих строки Елены Добровенской многомерными, мерцающими смыслами и отголосками разных культур, затекстовых знаний.

Имена собственные – одно из проявлений идиолекта (или индивидуального стиля) поэта. Исследованием

ЛИТЕРАТУРА

имен собственных занимается особый раздел языкознания – ономастика, изучающая имена людей и животных, мифических существ, стран, рек, гор, поселений. В произведениях Елены Добровенской функционирует богатая ономастическая система. В поэтическом пространстве ее стихов встречаются представители разных эпох, культур, национальностей. Заглянем хотя бы в одно стихотворение, чтобы ощутить тугой пульс его смысла:

Я – ручей

Мы тоже не всего читали Шнитке... Вишневский

Не всего я читала Шнитке. Не всего Льва Толстого пела, Но душа не была хлипкой, Даже если болело тело. От обиды, что горя горше, На горячих руинах марта Не кричу я: «Да что ж Ты, Боже!», Не цитирую всуе Сартра. Эрудиты – куда б мне деться! – На цитату цитату нижут. Яж – ручей, я впадаю в детство, А ручьи не читают Ницше. Акварелю и жду апреля. Ощущая: еще живая! И рисую уже неделю, В небо кисточку окуная.

А еще стихотворения Елены Добровенской добры и оптимистичны, она не боится подшутить над собой и всегда найдет повод улыбнуться, как дельфин, и улыбнуть читателя.

Морское

Иду походочкой моряцкой, Как будто я не дочь, а сын, Махая шапочкой дурацкой И улыбаясь, как дельфин.

И вид как будто бы неброский. Но сразу видно: молодец! В стихах упорно бродит Бродский, Венецианский не купец...

И так уж эта смесь гремуча! И гром гремит – святая весть; Рождает дождь большая туча, И понимаешь: счастье есть!

Все верно: счастье есть, когда «не пишутся – случаются» новые стихи, через которые мы по-новому смотрим на время и на себя в этом времени, и ждем, что ...

…архитектор Карл Иваныч Росси Такую спроектирует нам осень, Такую радость и такую синь, Что, наконец, сольются ян и инь.

Елена ДОБРОВЕНСКАЯ

«Подчиняясь старенькому кларнету»

Времена

Все смешалось: кони и их подковы, Фонари, аптеки, ацтеки, Козьмы Прутковы,

Мировая тоска, за ней – мировой запой, Шпиц, одетый, как барышня, Алексей Толстой. Ой!

Далеко ль от глагольной рифмы до алкогольной? От: «Стреляй, братишка!» до: «Ой, как больно!»,

Далеко ль собираемся? Может быть, в темный лес, Где двадцатого века уже не скрипит протез?

Колокольная рифма. Пушкин да карантин. Сколько было всего! Остался лишь сукин сын.

Откроется

Вот деревья в молитве своей бессловесной, Сквозь кору проступающий Бог их древесный, Вот и ветер, сбивающий с ног. Упадешь – и откроется Бог.

Под твоею корою, какие там лица? Глядя в небо высокое Аустерлица, Слышишь ты тишины голосок: Упадешь – и откроется Бог.

Праздник

Когда от мировой тоски смертельной Спасет меня твой голос акварельный, Пронзительный споет ультрамарин. Свечой оплывшей уплывая в сплин Закончит песня черную работу, И будет воскресенье, а в субботу С тобою, может быть, поговорим. Что ты рисуешь, вечный пилигрим? И будут краски петь, перетекая От нашего Амура до Китая, До края мира, до его основ. И это все произойдет без слов. И архитектор Карл Иваныч Росси Такую спроектирует нам осень, Такую радость и такую синь, Что, наконец, сольются ян и инь.

Удержаться

Сводки новостей, как с войны, И все меньше, Господи, нас... Будто не бывало весны, Будто бы не лето сейчас.

И полынным временем полн, Пережить пытаешься срок, Будто бы и не было волн, Что бежали к нам на песок.

…Удержаться. Хоть полчаса Продержаться в блеске зарниц. Грозные сейчас небеса… Но держаться надо за них.

То деревце тонкое

То деревце тонкое, тихий струящийся свет, То деревце тонкое – силы и правды такой, То деревце тонкое – лучше спасения нет, Мы вырастем вместе, с тобою я буду живой!

То дерево прочное, мощное, смотрит вперед, То дерево сильное даже в огне не горит, То дерево старое, пусть оно переживет Тягучее время, в котором болит алфавит!

То дерево сильное, старое, прочное, мощное то, То деревце тонкое, тихий струящийся свет, То деревце, дивное дерево, видел ли кто На ветках мерцанье, но только не яблок – планет.

Березка

А когда запечатала рваную рану пчелиным воском, Вот тогда поняла – ведь это же я, березка, Не зиянье дыры, не черное отрицанье, А свеченье коры, нагое ее мерцанье.

Эти хрупкие плечи крыльев скупых не скроют! Гулкий, мощный и млечный сок течет под корою. Я ведь дерево тоже. Мерцаю. Гляжусь неброско. А под белою кожей – кровь ли? Кровь ли течет, березка?

Кто?

Бедный мой Басё, ты всегда босой, Ты в любых стихах непременно бос, Не японский бог твой, слегка косой, А сквозь марлю дня проступает Босх.

Но, возможно, всё же глаза мне врут? И, возможно, все-таки, это Бог? Кто лягушкой прыгнул в твой старый пруд, Родниковым всплеском отметив слог?

Кто стоит за буквами в феврале, Брат мой, знаешь, как я тебя люблю? Ничего, что холодно на земле, Я, Басё, ботинки тебе куплю.

Кларнет

Говорил мой дедушка: «Миру – мир!», Прижимая кларнет, как частичку Бога. Хорошо темперированный клавир. Плохо темперированная эпоха.

В ней играл мой дедушка. Жил, посмев Превратиться в музыку. Он любил солянку. Он рассказывал, как крылатый лев На спине катает венецианку,

Как безногий дяденька-инвалид Вдруг исчез, сначала добыв победу, И о том, как солнце внутри болит, Подчиняясь старенькому кларнету.

Неотправленное письмо к Тео

Я писал сто тысяч красок земли, Небо, доходящее до предела. Тео, мы ведь рядом с тобою шли. Горный мел нам брат. Трудно жить без мела.

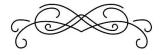
Разбежаться в стоптанных башмаках, Прыгнуть в небо, прямо в нутро заката, Позабыть про липкий ползучий страх. Горный мел мне брат. Трудно жить без брата.

Защити меня, я пока что жив. Брезгует, как видно, и смерть-старуха. Знаешь, Тео, видел вчера во ржи – У Земли отрезано тоже ухо.

День соленой кровью пропах, вот жуть! Он не то, что, Тео, слегка подсолен... И осталось только, за что держусь: Ты и краски, солнышко и подсолнух.

Тут нужна ведь смелость, а я – не смел, В теле закипели морские воды. Только знаешь, Тео, твой горный мел Подарил не дни – подарил мне годы.

Защити меня, я пока дышу, Только надоело скупое тело. Ты прости, что так невпопад пишу, Это попрощаться хотел я, Тео.

Вслед за чайкой

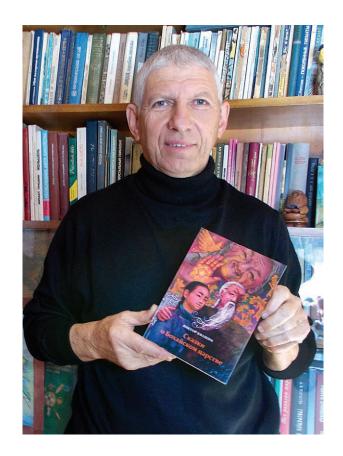
Древняя история российского Дальнего Востока в трилогии Виктора Квашина

Елена ГЛЕБОВА

Хабаровский живописец Сергей Петухов любил ездить на пленэры в нанайское село Сикачи-Алян. Привозил оттуда не только удивительные по колориту холсты, но и осколки древности – фрагменты орнаментированной керамики, металлические украшения, монеты, найденные во время прогулок по амурскому берегу. Со временем в его мастерской появился небольшой музей, и художник им очень гордился. И все же отдаленные от нас многими столетиями артефакты, вызывая неизменное любопытство, оставались предметами абстрактными. Впрочем, древняя история российского Дальнего Востока для большинства его современных жителей тоже терра инкогнита.

Исторические романы Виктора Квашина «Последняя крепость империи» (2019), «Сказки о Бохайском царстве» (2020), «Земля бога речного устья» (2020), основанные на серьезных научных источниках и новейших археологических данных, сокращают расстояния между эпохами и наполняют жизнью «гранит науки» (обложки всех трех книг созданы владивостокской художницей Ольгой Ничипурук). Автор уводит читателя в глубины первого тысячелетия нашей эры, повествуя о многонациональном государстве Бохай, позволяет прикоснуться к миру Средневековья, делает свидетелями наивысшего расцвета, а затем краха великой империи чжурчжэней – Цзинь, уничтоженной монголами по личному завещанию Чингисхана.

«Сколько перекопано, сколько написано, сколько слов сказано на конференциях! А много ли, по сути, мы знаем о тех чжурчжэнях?» Так размышляет археолог Николай Федорович Ильмаков из «Последней крепости империи». Мечтая побывать «в чжурчжэньской шкуре» и все увидеть своими глазами, он задается вопросами: о чем думали далекие обитатели современного Приморья, как смотрели на жизнь? Пропуском в XIII век станет случайная находка на месте Шлыковского городища в Приморье – серебряная пайцза (верительная бир-

ка), являвшаяся когда-то своеобразным удостоверением для чиновников и военачальников высшего ранга. С этого знака из прошлого начнется рассказ о судьбе полководца Сиантоли из рода Тохто, командира последней крепости чжурчжэньской империи.

Виктор Квашин выстраивает роман в двух плоскостях. В 2013 году студенты-историки под руководством профессора Ильмакова разбираются в государственном устройстве средневекового Дальнего Востока, сопоставляют факты, спорят, и постепенно от главы к главе складывается целостная картина. Параллельно разворачивается сюжет о тех, кому довелось жить и умереть в то время, и теория приобретает объем, дает представление о развитой культуре и повседневности далеких обитателей нынешних дальневосточных территорий, наполняется характерами людей с их сильными и слабыми сторонами, надеждами и разочарованиями. Сиантоли отмерен нелегкий путь: он не раз испытает душевную боль от равнодушия близких, столкнется с предательством, научится ценить дружбу, познает на-

стоящую любовь. На наших глазах юный чжурчжэнь станет сильным воином, вместе с ним мы не раз вспомним наказ его деда – когда-то тоже храброго воина, хранителя памяти рода Тохто: «Не спеши умирать!».

Финал романа печален, как и финал жизни его главного героя. Но не все чжурчжэньские «сорняки» были выполоты монголами за время изнурительной двухсотлетней войны, пишет Виктор Квашин в послесловии: «...остались «корешки», проросли случайно сохранившиеся «семена». Потомки чжурчжэней вновь заполнили территорию, ранее им принадлежавшую, и даже ее расширили. Их генетическая агрессивность, воинственность и неординарное мышление позволили маньчжурам, как их теперь стали называть, привести к власти в Поднебесной маньчжурскую династию Цин, которая правила почти три столетия – с 1644 до 1912 года. Очень возможно, что не последнее место в иерархии маньчжурских государственных деятелей занимали потомки чжурчжэньского полководца Сиантоли-Яэлэ из рода Тохто».

Доктор исторических наук Ю.Е. Вострецов назвал «Последнюю крепость империи» сводом интересных сведений о средневековом Приморье и высказал мнение, что книга может быть рекомендована в качестве дополнительного источника для изучающих дальневосточную историю. То же можно сказать и о двух других романах Виктора Квашина. «Сказки о Бохайском царстве» повествуют о самом древнем государстве, существовавшем на территориях российского Дальнего Востока. В историю мальчика Мангули вплетены сюжеты, основанные на фольклорном материале самых разных дальневосточных народов. Их рассказывает бабушка Гобо, и в каждом из них предвестник Золотой империи чжурчжэней – Бохай обретает конкретные очертания. Между самой первой историей о волшебной крупорушке и завершающей роман сказкой о бохайском семени пройдет не так много времени, но этого будет достаточно, чтобы почувствовать особенности культуры и обычаев бохайцев, осознать драматизм их жизни в условиях жестоких и беспощадных законов того времени. Но выжженная киданями земля зазеленеет и вновь станет радостной. Она обязательно прорастет молодым бохайским семенем, покроется бохай-травой. Слова старой Гобо звучат как завещание потомкам Бохая – чжурчжэням, перебрасывают мостик через столетия.

А линия жизни рода Тохто продолжится в романе «Земля бога речного устья», рассказывающем об экспансии монгольской империи Юань на Нижнем Амуре и Сахалине. В фокусе судьба сына погибшего воина Сиантоли. Тохто Оло жил в конце XIII века при монгольском правлении, и хотя ему не выпало яростных сражений, земной путь был трудным, подчас изнуряющим. Он никогда не забывал о духовном завещании старейшины рода Тохто: быть честным, верно служить императору, но всегда помнить о своих чжурчжэньских корнях. Оло созидал – возводил укрепления, мосты, города. Но прежде чем стать строителем первого ранга и уважаемым в государстве человеком, чьи свидетельства будут вписаны в «Историю усмирения диких племен северных и восточных заморских территорий», Оло совершит немало опасных походов на Нижний Амур и Сахалин, столкнется с воинственным племенем кувэй (айны), обитавшем на острове Камуй-кара-путо-я-мосир, что в переводе означает «Земля бога речного устья». Завершающий трилогию роман Виктора Квашина дает представление о том, какие сложные социальнополитические процессы происходили в то время на наших территориях, каким жестким было противостояние местных народов.

Участие в составлении исторической летописи стало для Оло последним важным делом. Прилетевшая чайка – верный знак предстоящего путешествия, всегда являвшийся ему накануне, и в этот раз не обманула. Он получил официальное приглашение от Академии государственной истории и отправился в столицу империи. Старик встретится с городом, который строил когда-то, во время аудиенций с летописцами заново пройдет через все пережитое и постарается не упустить главного, чтобы оставить память о своем поколении. А потом прилетит чайка и позовет в дорогу. На этот раз путешествие будет особым, и уставший Оло Тохто шагнет туда, где обрывается все земное.

Сказка о соли*

Виктор КВАШИН

- Ну что, пиктэрэн, понравилась тебе игра в мяч на лошадях?
 - Понравилась. Даня, я так есть хочу!
- А, вот то-то, набегался вдоль поля и аппетит нагулял. Заходи, комаров не впускай. Сейчас накормлю тебя. Я тут приготовила пальцы вместе с едой проглотишь!
 - Сейчас, я Андара угощу. Я от мапы кость принес.
- Не давай ему ничего, я его кормила! крикнула Гобо вслед мальчишке. Вот забота мне на старую голову, и улыбнулась.

Мангули вернулся быстро под радостный лай вслед.

- Даня, это небольшая косточка. Я же только угостить.
- Хочешь, чтобы собака тебя уважала и слушалась, не балуй ее. Понял?
 - Это как с рабами?
 - А ты откуда про рабов знаешь?
- Мне Энлэй говорил. Но я не хочу, чтобы Андар был моим рабом. Он мой друг!
 - Ну смотри, тебе виднее, а то остынет. Вкусно?
- Угу. Даня, мапа сказал, чтобы я к нему приходил через день учиться.
 - Чему собрался учить тебя старый Гогсига?
 - Сказал всему.
- Ну что ж, учиться всегда полезно. Чем больше всего умеешь, тем легче в жизни.
 - Даня, а ты видела, как играют мячом на лошадях?
- Видела. И не раз. Раньше часто играли. Все смотреть ходили, многие на лошадях приезжали. Мой муж играл, а я смотрела. Все, кто смотрел, кричали, бегали, скакали туда-сюда. Меня раз сбили лошадью, чуть не затоптали. Да, хорошее было время...
 - Даня, я хочу играть в мяч на лошади.
- Хорошее это дело, Мангули. Только где же нам лошадь взять? Да и лошадь нужна не какая-нибудь. Умная, сообразительная должна быть лошадь. С ней заниматься надо, учить несколько лет. Лошадь должна понимать игру вот какая должна быть лошадь

для такого дела. Она под всадником сама играет, он только клюкой по мячу попадать должен.

- Даня, откуда ты так все знаешь?
- Так я же тебе говорю, муж играл. Он только об этом и говорил. А я запомнила. Лошадь должна быть резвая, поворотливая, должна уметь быстро разгоняться, резко останавливаться, поворачивать, понимать, как обыграть других лошадей и оказаться рядом с мячом, да еще так, чтобы всаднику удобно было ударить. Вот какая должна быть лошадь. Ну и всадник должен быть не дурак, соответствовать умной лошади.
- Ты так говоришь, будто играют лошади, а люди им помогают.
- А вот ты присмотрись в другой раз так оно и есть. Человек не может поводьями объяснить лошади как ей на скаку наклониться, убрать ногу, повернуть голову, чтобы ему удобно было ударить. Поводом можно только повернуть, остановить. Хорошей лошади ничего и объяснять не надо, только общий замысел всадника, дальше она сама играет, только по мячу бей точно.
- Ух ты! Я хочу! Даня, ты так рассказываешь, будто сама играла.
- Женщины не играют. Но была бы мужчиной, точно играла бы. Муж однажды давал мне клюку на нашей поляне попробовать.
 - Ну и как?
- А... никак. Подъехала на его жеребце, размахнулась, да как дала по ноге коню... Хорошо, силы во мне немного. Жалко было коника. Муж ругал. Больше не пробовала. Я же тебе говорю, этому несколько лет учиться надо.
- Я буду. Я попрошу мапу Гогсигу, он научит. Я когда смотрел, мне казалось, будто они воюют на лошадях.
- A это почти так и есть. Кто на лошади с мячом хорошо управляется, тот и на войне лучший воин.
 - Даня, кто такую хорошую игру придумал?
- Не знаю. Одни говорят, в нее по всему миру играют, у кого лошади в почете.
 - А что, есть такие, которые лошадей не любят?
 - Есть такие народы, которые лошадей и не

^{*} Фрагмент книги В. Квашина «Сказки о Бохайском царстве». 2020.

держат. Разные есть на Земле. Слышала, что будто наши предки эту игру придумали. Не знаю. Но зато точно известно, что наши предки были лучшими всадниками!

- Правда? Вот здорово! Наши всех побеждали!
- Ну, побеждали, конечно, не всегда. Но не по своей вине.
 - Даня, расскажи!
- Это грустная история. Было, еще когда Бохая не было. Тогда танский император послал войско на государство Когурё. Когурё слабое было, видят, не справятся, позвали на помощь наших мохэских воинов. Собрались наши самые сильные и поехали воевать. Славно воевали, били танские войска во всех сражениях. Но что ты думаешь, подкупили танские лазутчики когурёских полководцев, и предали они свою армию и наших всадников. Все в плен к танцам попали. Танский император видел, что из-за наших всадников не могли они победить Когурё. Приказал он всех пленных когурёских воинов отпустить. А наших мохэских все три тысячи славных всадников приказал закопать живыми в землю. Вот так он боялся наших предков!
 - Я хочу убить этого императора!
- A его и убили. Говорят, собственный военный министр убил. Предал и убил.
- Так ему и надо! Даня, а почему наши этому Когурё помогали, а Когурё нам не помогло, когда кидани напали?
- A к тому времени не было уже Когурё. У них там такое началось...
 - Как в империи Тан?
- Наверно так же. Тоже все поломалось в Когурёгосударстве. Назвали его потом Позднее Когурё, потом переназвали в Маджин, теперь Тхэбон называется, а порядка, говорят, все нет. Так что им самим помощь требуется. Ты же говорил, есть хочешь, а сидишь, задумался. Ешь давай, остыло уже. Давай-ка я с тобой тоже перекушу, захотелось, глядя на тебя. Вот лук, побольше его наворачивай. Кто много лука ест, тот не болеет никогда.
 - Лук без соли горький. Даня, дай соли.
- Да мало у нас соли, пиктэрэн. Сам знаешь, какие времена, неизвестно теперь, приедут ли купцы. Да и за что ее выменивать, эту соль? Небогаты мы с тобой. Ну на вот, немного в плошке осталось, но не налегай, а то похлебку посолить нечем будет.
- Да ну, даня, за что тут платить соленые крупинки, это же не мясо, его не растить.
 - А ты думаешь, как ее добывают эту соль?
 - Не знаю, наверно выкапывают где-нибудь.
- Вот я тебе сейчас расскажу, как соль из воды добывают.
 - Так не бывает, даня, как это соль из воды?
 - А вот, слушай. Сбежал у нас раб. Молодой, креп-

кий, из шивэйцев¹. Незадолго перед тем купили, задорого. Работал с улыбкой всегда, весело, говорил, что нравится ему у нас. А однажды лошадь украл и сбежал. Муж, как положено, съездил в крепость, заявил о побеге, приметы сказал. Поймали через неделю, без лошади уже. Привезли худого, грязного, побитого. И улыбается.

Муж говорит: «Можно, конечно, с него шкуру палками спустить, в цепь заковать, да что толку? Я таких знаю – все равно снова сбежит, только еще и нас поубивать может или дом подожжет. Будешь с таким рабом жить и бояться». Не стал он раба того наказывать, решил продать. Но тут кому продашь – все уже знают, что беглый. Повез на соляные промыслы. И меня взял. Мы тогда молоды были, все вместе хотели делать, ездили часто куда-нибудь – то к морю, то в соседние села, в крепость нашу, однажды даже в окружную столицу – в город Янь² на большой лодке ездили.

И вот мы на лодке поплыли. Двое гребцов у нас, раб этот связанный, к лодке прикованный на всякий случай, и мы с мужем. По нашей Быстрой легко до устья доплыли, там целый день по морю плыли, ночевали, потом еще плыли. Но волны небольшие были, говорили, повезло нам на такой маленькой лодке. И так к солеварам доплыли. Там берег низкий-низкий, плоский, деревьев нет, горы далеко. И озера, рабами нарытые, в которых соль выпаривают.

Начальник промыслов сам пришел, посмотрел, говорит: «Крепкий раб, до конца сезона выдержит, а может, и зиму перезимует. Беру». Муж-то мой честный, все ему рассказал, что раб беглый. Начальник смеется, говорит: «Понятно, что беглый. Кто же крепкого да покладистого раба в расход задешево отдаст». Сговорились они о цене. Отец говорит: «Возьмем солью. Она тут самая дешевая, много получится. Дома часть продадим, и себе оставим. Надолго хватит. Раба окупим, еще и в прибыли окажемся». Тому начальнику было еще и лучше – деньги не отдавать, а соли там у него несчитано сколько. Но пришлось нам ждать, пока партию промоют, а то она, если немытая, горькая. Вот мы и ждали три дня. Смотрели, как соль из воды получается.

Вот там я впервые киданей увидала – лютые, с плетками, на конях носятся – звери! Они рабов охраняют. Говорят, ни один не сбежал.

– И правильно, нечего от хозяев бегать! Так им и надо, тем рабам!

¹ Шивэй – монгольские и тунгусские племена кочевников на северо-западных границах Бохая.

² Здесь: столица округа Яньчжоу (переводится как Соляной округ), входивщего в область Восточной столицы (Лунъюаньфу). Находилась в Краскинском городище, на юге современного Хасанского района Приморского края.

ЛИТЕРАТУРА

- Ишь ты, умник какой! А вот придут сейчас победители кидани, да утащат тебя и продадут, словно собаку или поросенка, как это тебе? На цепь посадят и заставят жернова крутить в мельнице.
 - А я не стану!
- Да куда ж ты денешься дня два-три на одной воде посидишь, и за работу примешься, еще и стараться станешь, чтобы вечером кашу получить.
 - А я сбегу!
- Вот то-то сбежишь! И тот наш сбежал. А его на соль. А на соляной добыче год редко кто проживает. Так-то. Хочешь другого судить влезь в его шкуру.
- Ты про соль обещала рассказать, как ее из воды делают, а сама опять о другом, как всегда...
- Ладно, про соль. Нам с мужем делать нечего было, мы с утра поедим и идем бродить. Где стоим наблюдаем, как люди трудятся, где поговорим с начальником, или с надсмотрщиком. Так все и посмотрели.

У них там два способа добычи. Один долгий. Сначала делают вровень с морем, но через дамбу, большое озеро, вот как наш огород, да таких вдоль берега несколько. Глубина у них по колено, а дно ровное, плоское. Прокапывают от моря канавку, запускают воду и закрывают. Пока погода жаркая, вода высыхает, уменьшается.

Пока это творится, рядом роют другой водоем, такой же большой с очень ровным дном чуть ниже первого. Там мастер строгий, следит за тем, чтобы дно было плоское, как вода в озере. Приспособление есть у него за этим следить и помощники. Потом рабы на дно глину насыпают ровным слоем и трамбуют плотно, чтобы вода не утекала.

Пока это делают, в первом озере вода немного высохла, меньше ее стало. Там из воды на дно соль выпадать начинает. Это дурная соль. Кто ее ест, у того кишки забиваются. Мастер знает, когда она на дно вся упадет, тогда рассол перепускают по канавке во второе озеро. Там тоже выпаривают. Долго это, говорят, потому что нужно жаркое солнце и горячий ветер.

И вот, когда совсем почти вся вода выпарится, со дна соль сгребают такими широкими деревянными скребками в большие длинные кучи. Только эта соль очень горькая. Я пробовала для интереса — фу, еле отплевалась. Вот после этого ту горькую соль промывают чистой морской водой. Рабы воду носят, носят целыми днями и ночами, и поливают. И она становится хорошей, соленой солью, как и положено.

- Даня, они так долго в воде бывают, эти рабы?
- Что, на себя примерил? Молодец. Долго, почти все время в соленой воде. Раны не заживают, соль

их разъедает. Та кожа, что на солнце – лопается, та что в воде все время – разбухает. Выходят из соленого озера – страшно на ноги им смотреть – лохмотья. А даже ополоснуть негде – до пресной речки далеко, потому что пресная вода промыслу соляному вредна. Привозят бочку на волах – попить. А мыться дают только после работы. Гибельный труд!

- И как же они?
- Терпят. А что им остается? Кто убегает, ловят, бьют, чтобы кожа полопалась и в соленую воду бросают чтобы другие урок усвоили. Лучше уж терпеть, наверное. Всегда есть у человека надежда. Не все выживают, но без надежды точно не выжить...

Но я же не все про соль рассказала. Случается, весь их труд в один день пропадает. Знаешь ведь как в конце лета бывает, жара стоит-стоит, а в полдня небо затянет, да как польет – и к ночи все реки из берегов, а наутро и дома поплыли, и коровы, и сено за ними с покосов. Два дня – и нет урожая, нет скотины, нет села. А соляному промыслу озерному даже недолгий дождь все портит – пресной воды в соленую нальет, и снова жди, пока высохнет, а солнце в конце лета уже не то. Так что в наших краях такой способ не каждый год соляной урожай дает.

Поэтому есть еще у них в запасе быстрый способ, называется «жарить соль».

- Даня, что ты говоришь, как это соль жарить?
- Так они называют, да так почти и выходит. Слушай. Рабы мотыжат землю вдоль берега морского, чтобы рыхлые такие гряды получились. Между грядами канавы делают. Потом носят воду из моря день и ночь и поливают эти грядки, чтобы земля просолилась. Вода просачивается, стекает в канавы. Оттуда ее снова на грядки – и так много дней и ночей подряд. Пока мастер не скажет: «Хватит». Тогда рабы берут лопаты и снимают тонкий слой на цунь³ или меньше, и эту землю кладут в большие чаны или в ямы, обмазанные глиной, и промывают морской водой. Это получается очень крепкий рассол, говорят, если туда яйцо бросают, оно не тонет. Потом этот рассол выливают в огромные плоские сковороды чугунные и еще в во-от такие огромные плоские миски глиняные. В мисках испаряется под солнцем, а сковороды нагревают огнем и соль оттуда получают быстро, хоть и не так много, как из солевых озер. И дороже «жареная» соль, потому что дрова и другие расходы.

Так-то вот соль получается, в которую мы с тобой лук макаем для вкусности!

У нас с мужем долго та соль была, на несколько лет хватило. Правильно, что солью за раба взяли. Муж-то умный у меня... был.

³ Древняя китайская единица измерения – длина второй фаланги среднего пальца руки, примерно 3,5 см.

АПОЛЛОНОВА

Ольга Юрьевна —
режиссер телевидения и радио, лауреат
всероссийских и международных
фестивалей документального кино,
пресс-секретарь ФГБУ «Заповедное
Приамурье»

ДУБИНИНА
Нина Ивановна –
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
(Москва)

БАЙКОВА
Раиса Георгиевна —
исполнительный директор
общественной организации
«Международная ассоциация
национальных культур Хабаровского
края»

ДУБИНИНА Марина Ильинична – преподаватель Хабаровского колледжа искусств

БАЛАБАНОВА Лилия Вадимовна член Японо-российской ассоциации города Нагасаки Nagasaki Nichiro Куокаі, преподаватель русского языка (Нагасаки, Япония)

ИВАНОВ Артем – руководитель литературного содружества при хабаровском Доме литераторов, автор поэтического сборника «Холст воздуха» (2008), один из авторов-составителей двух юбилейных поэтических антологий города Хабаровска

БАЛАШОВА
Марина Леонидовна —
заведующая Центром информационнобиблиографического обслуживания,
библиографии и краеведения ДВГНБ

ЗОТОВА

Ольга Ивановна — кандидат искусствоведения, главный редактор журнала «Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока» (Владивосток)

БУДНИКОВ
Владимир Викторович —
пианист, органист, кандидат искусствоведения, доцент, заведующий
кафедрой искусствоведения музыкально-инструментального и вокального
искусства Хабаровского государственного института культуры

КВАШИН
Виктор Георгиевич —
сотрудник музея Национального
научного центра
морской биологии ДВО РАН. Автор
книг, посвященных истории Дальнего
Востока, экологическим проблемам
(Владивосток)

БУРИЛОВА
Мария Федоровна —
историк-краевед, лауреат премии
Якова Дьяченко, лауреат краевого
конкурса в области литературы и
искусства за книгу «Общество старого
Хабаровска»

КИРПИЧЕНКО
Татьяна Васильевна —
главный библиотекарь центра
информационно-библиографического
обслуживания, библиографии и
краеведения ДВГНБ

ВОЛКОТРУБОВА

Ольга Николаевна —
главный редактор Дальневосточной государственной научной библиотеки

КОНОВАЛОВА
Ольга Геннадьевна—
заведующая отделом отечественного искусства Дальневосточного художественного музея

АВТОРЫ

КОЛЬЮН Лина Олеговна -

уполномоченный по делам коренных малочисленных народов Севера администрации Николаевского района, председатель правления Николаевского районного отделения АКМНС Хабаровского края. Преподаватель нивхского языка в Николаевском-на-Амуре промышленно-гуманитарном техникуме

КРАДОЖЁН-МАЗУРОВА Елена Михайловна –

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и международного права ДВИУ РАНХиГС при президенте Российской Федерации; член редколлегии журнала «Дальний Восток»; член ХРО РСП, член СПР

ЛЯХОВ Денис Алексеевич –

директор центра научно-методической работы и развития информационных технологий краевого государственного бюджетного учреждения «Государственный архив Хабаровского края», кандидат исторических наук

МАГНУС (РЫБАКОВА) Анастасия Андреевна – журналист

МАЛИНОВСКИЙ Валерий Мечиславович –

публицист, журналист, победитель международных литературных конкурсов к 125-летию М. Булгакова, 110-летию А. Барто, Всемирного форума духовной культуры «Созвездие духовности», лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (Находка)

НИКИШИНА Елена Владимировна –

ведущий археограф сектора научного использования документов Государственного архива Хабаровского края

ОРЛОВА Екатерина Васильевна –

художник-реставратор произведений из кожи Музея истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева (Владивосток)

РОМАНОВ Сергей Викторович – сотрудник Дальневосточного художественного музея

РУМЯНЦЕВА Валерия Александровна – фотокорреспондент, архитектор-дизайнер

САЛЕЕВА
Лариса Владимировна —
заведующая сектором научного
использования документов
Государственного архива Хабаровского
края

ФЕТИСОВА Лидия Евгеньевна –

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток)

ЧЕРКЕСОВ Валерий Николаевич –

член Союза писателей России, автор 23 книг поэзии, прозы, публицистики, произведений для детей, изданных в Москве, Белгороде, Благовещенске, Воронеже, Хабаровске (Белгород)

ШЕВНИН Иван Леонидович – историк

ШИШКИНА Виктория Авенировна –

доктор педагогических наук, член Союза художников России (искусствовед), почетный член Академии народного искусства (секция «Искусствознание и художественная критика»), культуролог

Охота на слонов. Венецианская мозаика. 2008

Триптих «Край земли». Центральная часть. Стекло, спекание, роспись. 30 х 40. 1999

ФЕДОРОВСКАЯ Лариса Михайловна – художник декоративно-прикладного искусства

Работая в технике батика, гобелена, венецианской мозаики, Федоровская, по оценкам искусствоведов, умело обобщает и органично стилизует форму, глубоко чувствует фактуру материала, выявляет его выразительные качества. С 1996 г. член Союза художников России.

Л.М. Федоровская родилась в п. Кундур Амурской области, в 1975 г. окончила архитектурный факультет Хабаровского политехнического института, и именно такое профессиональное образование повлияло на монументальность ее мышления, строгую завершенность композиционно-цветового строя произведений, стремление к экспериментам. Особенно ярко это проявилось в батиках «Игра» (триптих, 1996), «Край земли» (триптих, 1999), «Брод» (1999), в гобеленах «Европа» (2000), «Азия» (2002). Высоким профессиональным мастерством и гармоничной палитрой отличаются венецианские мозаики «Охота на слонов» (2008), «Архангел» (2009), витражи «Адам и Ева» (2008), «Розовый фламинго» (2009).

Работы Л.М. Федоровской демонстрируются на городских, краевых, региональных, всероссийских и международных выставках. С 2000 г. она является членом Международного художественного фонда (Москва), в 2003 г. награждена дипломом лауреата премии губернатора Хабаровского края в области литературы и искусства за цикл работ в технике батик «Ожидание жизни» и дипломом Союза художников России «За успехи в творчестве и содействие развитию изобразительного искусства России». В 2012 г. художница принимала участие в оформлении храма в честь Святой Живоначальной Троицы в Петропавловске-Камчатском, и ее венецианские мозаики были отмечены серебряным дипломом.

Триптих «Игра». Левая часть. 1996. Шелк, батик. 96 х 90